

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.08.2018 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 254/317.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Гладышев Владимир Иванович**

Концепция общения И. А. Ильина:
общение как важнейший фактор
духовного совершенствования
и духовного самоутверждения
личности..... 7

**Блинова Олеся Александровна,
Журавлева Людмила Анатольевна,
Кружкова Татьяна Ивановна,
Оболенская Алёна Германовна**

Организационная девиантность:
социально-философский анализ 19

ВЛАСТЬ**Подольский Вадим Андреевич**

Анализ различий между
традиционализмом
и консерватизмом на примере
луддитского движения..... 28

**Наточий Владимир Викторович,
Наточая Елена Николаевна**

Применение информационных
технологий для оценки
профессиональной компетентности
государственных
и муниципальных служащих..... 41

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледеяев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понеделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Чан Янь (Chang Yan)

Влияние экономического проекта
«Великий шелковый путь» на развитие
восточных территорий
России и Китая 53

Мирошников Сергей Николаевич

Пространственное развитие
как основа системного подхода
государственного управления
территориями 61

Побединский Владимир Викторович,
Вукович Наталья Анатольевна,
Зубкова Ольга Владимировна

Основные положения научного
направления «зеленая» экономика» 68

Волкова Татьяна Павловна,
Хомякова Вера Сергеевна

Риски в социально-трудовой сфере:
теория и практика 79

КУЛЬТУРА

Мальцев Ярослав Владимирович

Современная философия и философия
современности (пролегомены
философии перманентности) 90

Богданова Вероника Олеговна

Философские практики обретения
экзистенциальной открытости:
компаративистский анализ
восточных и западных методик 100

Кленовская Василиса Александровна

Медиапоэзия как практика
самопознания 110

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Адрес редакции, издателя:
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

ИСТОРИЯ

Неупокоев Игорь Валентинович

Проблемы преподавания Закона Божия в начальных светских училищах в середине XIX — начале XX веков (на примере Курганского округа Тобольской губернии) 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Борисов Сергей Валентинович, Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia), Пеннер Регина Владимировна

Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) 124

Борисов Сергей Валентинович

О философском молчании... (запись беседы Герда Ахенбах с участниками 15-й международной конференции по философской практике) 135

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012

Issued by Russian Surveillance Service

for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 30.08.2018 r.

Format 70×108 1/16

Reference sheet area 12,25. Issues — 500.

Order № 254/317.

Designed and printed at

454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Vladimir I. Gladyshev

Conception of communication
 of I.A. Ilyin: Ilyin on communication
 as the most important factor
 of personal spiritual development
 and spiritual self-assertiveness..... 7

**Olesya A. Blinova,
 Lyudmila A. Zhuravleva,
 Tatyana I. Kruzhkova,
 Alena G. Obolenskaya**

Organization deviation:
 philosophic analysis 19

POWER

Vadim A. Podolskiy

Analysis of the differences
 between traditionalism
 and conservatism as exemplified
 by the Luddites movement 28

**Vladimir V. Natochiy,
 Elena N. Natochaya**

Applying information technologies
 for assessing professional
 competence of public civil servants 41

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Chang Yan

Influence of the economic project
"The Silk Road" on the development
of eastern parts of Russia and China53

Sergey N. Miroshnikov

Spatial development as the basis
of system approach
of state territorial management61

Vladimir V. Pobedinskiy,

Natalya A. Vukovich,

Olga V. Zubkova

Fundamental principles
of the research area
of "green" economy68

Tatyana P. Volkova,

Vera S. Khomyakova

Risks in social and labor sphere:
theory and practice79

CULTURE

Yaroslav V. Maltsev

The present-day philosophy
and philosophy of modernity
(prolegomena of the philosophy
of permanency).....90

Veronika O. Bogdanova

Philosophical practices
of acquiring existential openness:
comparative analysis of eastern
and western methods100

Vasilisa A. Klenovskaya

Media poetry as a practice
of self-understanding110

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
38909**

HISTORY

Igor V. Neupokoyev

Problems of teaching Law of God in secular primary schools in the middle of the XIX — beginning of the XX centuries (as exemplified by Kurgan district of Tobolsk province)..... 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Sergey V. Borisov,

**Lydia Ginzburg,
Regina V. Penner**

Philosophical practice "at a moment of decision": The XV International conference on philosophical practice follow-up (25—29 June, 2018, Mexico City, Mexico)..... 124

Sergey V. Borisov

On philosophical silence... (transcript of the conversation of Gerd B. Achenbach with the participants of the XV International conference on philosophical practice) 135

Для цитирования: Гладышев В. И. Концепция общения И. А. Ильина: общение как важнейший фактор духовного совершенствования и духовного самоутверждения личности // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 7—18.

УДК 1 (092) + 177 + 159.923.2

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕНИЯ И. А. ИЛЬИНА: ОБЩЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ДУХОВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ДУХОВНОГО САМОУТВЕРЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Гладышев Владимир Иванович,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.
E-mail: gladyshhev1947@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные положения концепции общения русского мыслителя И. А. Ильина. Его трактовка общения тесно связана с анализом идеологических, политических, правовых и нравственных проблем. Она имеет не только важное теоретическое значение, но и чрезвычайно актуальна для социальной практики современности.

Ключевые понятия:
ответственность в общении,
сила верного суждения,
духовное самоутверждение,
закон духовного достоинства,
закон взаимного признания.

Оригинальность, теоретическая и практическая значимость философской трактовки проблемы общения русским мыслителем И. А. Ильиным (1883—1954) отнюдь не исчерпывается сказанным нами ранее в статье, посвященной этой наиважнейшей для современного социума и человека теме [5]. Некоторые весьма актуальные ее аспекты было сложно изложить в рамках одной статьи. Они невольно были обойдены нашим вниманием. Поэтому возникла необходимость вернуться к анализу тех сюжетов, что оказались прежде в небрежении, сохраняя преемственную связь с предыдущей нашей статьей о философии общения И. А. Ильина. Решающее значение в этом предприятии играет обращение к более поздним по отношению к работе «О любезности» работам Ильина. К их числу можно отнести его острое и полемичное социально-философское исследование «О сопротивлении злу силою» (1925) [8]. Уже из названия книги ясно, что ее главная тема — проблема борьбы со злом. Но правильный выбор в этой борьбе может осуществлять только личность, способная к постоянному *духовному совершенствованию*. И это совершенствование не может осуществляться, минуя общение людей друг с другом и, конечно, человека с самим собой (самообщение). В основе внешних проявлений подлинной доброты, того, что в поступке является воистину добрым, лежит внутренняя доброта, которая не исключает применения силы, которое может дезориентировать как окружающих, так и тех, против кого она направлена. «Перед лицом добра и зла, — утверждал И. Ильин, — всякий поступок человека таков, каков он *внутренно и изнутри*, а не таков, каким он кому-нибудь показался внешне или извне. Только наивные люди могут думать, что улыбка всегда добра, что поклон всегда учтив, что уступчивость всегда доброжелательна, что толчок всегда оскорбителен, что удар всегда выражает вражду, а причинение страданий — ненависть. При нравственном и религиозном подходе “внешнее” оценивается исключительно как *знак “внутреннего”*, т. е. устанавливается ценность не “внешнего”, а “*внутреннего, явленного во внешнем*”, и далее — внутреннего, *породившего* возможность такого внешнего проявления» [8, с. 14].

Ильин обосновывает проблему *связанности людей в добре и зле*, опираясь на намеченные прежде в его статье «О любезности» идеи о роли в жизни личности *бессознательных компонентов общения, внутренней коммуникации и невербальных средств*

общения в их единстве. В результате происходит взаимообогащение всех указанных выше составляющих социальной жизни и возникает возможность всестороннего рассмотрения проблемы общения. Человек бессознательно выражает при помощи «телесного шифра души» [8, с. 88] — невербальных средств — затаенные или не вполне осознаваемые им мысли и чувства. И даже когда партнеры по общению слабо переводят полученные ими сообщения в план собственного *сознания* на помощь приходит *бессознательное*. «Бессознательно», — писал И. А. Ильин, — люди воспринимают друг друга в этом зашифрованном виде столь же цельно, сколь цельно они сами выражены в своем теле» [8, с. 88]. Поскольку «поведение человека имеет всегда двойной состав — душевно-телесный» [10, с. 66], постольку «человек каждым состоянием своим как бы говорит на двух языках сразу: на языке тела и на языке души. И вот благодаря этому удвоенному бытию тело человека как бы пробалтывает то, что душа, может быть, хотела бы скрыть не только от других, но и от себя» [8, с. 88]. Поэтому окружающие «знают» о нас гораздо больше, чем нам кажется, гораздо глубже, чем это можно выразить на вербальном уровне. Это гениальное прозрение И. А. Ильина было впоследствии эмпирически подтверждено в новой научной дисциплине — *кинетике*, изучающей язык тела [17]. Но «безмолвный мысли знак» для Ильина не есть аналог детектора лжи. Самое важное для него состоит в том, что внутренняя, вроде бы сугубо индивидуальная, даже не проявленная во вне действием или высказыванием жизнь имеет важное социальное, главным образом, нравственное значение. Подчеркивая созидательную либо разрушительную силу внутренней коммуникации, Ильин писал: «Ни одно доброе или злое событие в личной жизни человека не остается исключительным достоянием его изолированной души: тысячами путей оно всегда проявляется, выражается и передается другим, и притом не только постольку он этого хочет, но и постольку он этого не хочет. Каждый внутренний акт злобы, ненависти, зависти, мести, презрения, лжи — неизбежно изменяет ткань и ритм душевной жизни самого человека и столь же неизбежно, хотя и незаметно, выражается через тело и передается всем окружающим и через них, отголосками, дальше и дальше. Эта волна порока и зла идет тем сильнее и заметнее, чем глубже, чем цельнее душа предается этим состояниям...» [8,

с. 88]. И напротив: «Каждый внутренний акт доброты, любви, прощения, благоговения, искренности, молитвы и покаяния — неизбежно изменяет ткань и ритм душевной жизни и, незаметно выразившись во взгляде, в лице в походке, незаметно передается всем остальным людям. И опять эта волна доброты, чистоты и благородства идет тем сильнее и заметнее, чем глубже душа переродилась в этих состояниях» (курсив мой — В. Г.) [8, с. 89]. Вот почему, по мнению И. А. Ильина, внутренняя жизнь человека, содержание его самообщения, направленность его чувств и мыслей по отношению к окружающим, даже не проявленная вовне, не высказанная в явной, открытой форме, является внутренним истоком ухудшения или улучшения нравственного состояния общества. «Человеку, — писал Ильин, — не дано “быть” и не “сеять”; ибо он “сеет” уже одним бытием своим. Каждый самый незаметный и невлиятельный человек создает собою и вокруг себя атмосферу того, чему предана, чем занята, чем одержима его душа. Добрый человек есть живой очаг добра и силы в добре; а злой человек есть живой очаг зла, силы во зле и слабости в добре. Люди произвольно облагораживают друг друга своим чисто личным благородством; и столь же произвольно заражают друг друга, если они сами внутренне заражены порочностью и злом» [8, с. 89]. Поэтому Ильин убежден, что ни добро, ни зло не выступают сугубо частным делом личности. Напротив, в силу теснейшей связанности людей в добре и зле, проявляющейся в их бессознательном общении друг с другом и коренящейся в их внутренней коммуникации (*soliloquia*), велика и *ответственность* человека за то, ведет ли он борьбу за гигиену своего духа. Это вовсе не дело его свободного выбора, считает Ильин, а наиважнейшая обязанность. При этом важное значение приобретает и взаимовоспитание. В идеале люди «призваны к тому, чтобы совсем не посылать друг другу зла и получать от других одно добро — но не к обратному» [8, с. 92]. Однако Ильин вынужден признать, что «быть на высоте этого призвания им (людям — В. Г.) почти не удастся» [8, с. 92].

Роль важного фактора духовного совершенствования общества и составляющих его личностей призвано играть *вербальное общение*. Конечно при условии, что оно соответствует своему призванию и обладает достаточной интеллектуальной и нравственной силой. Если при этом в реальном общении людей и в конкретном обществе,

в конкретной коммуникативной ситуации гармонично сочетаются его (общения) основные функции. А именно: *интегративная, регулятивная, гносеологическая, коммуникативная, самоутверждения, гедонистическая* и др. [4, с. 46—61]. Поэтому наряду с исследованием внутренней коммуникации И. А. Ильин значительное внимание уделял анализу *вербального общения и общению, понимаемому им как обмен деятельностью* (производственной, политической, правовой и т. д.). Поскольку И. А. Ильин придавал большое значение такому социальному качеству личности, как *ответственность*, это нашло свое выражение и в его концепции общения. Не будет преувеличением сказать, что *ответственность в общении* составляет главный пафос его оценочных суждений по поводу всех видов человеческих взаимодействий. Думается, что ответственность в общении — это именно то, чего мучительно недостает в менталитете, образе жизни наших современников. Отсюда одиночество как глобальная проблема, привычное хамство (привычное, ибо принимается как неизбежность), эгоцентризм и паллиативные средства компенсации (пусть иллюзорные), дабы смягчить указанное положение. В качестве альтернативы Ильин предлагал увеличивать силу ответственного суждения, воспитывать и укреплять ее. И этот призыв звучал в его устах как категорический императив. «Нам надо помнить, — писал Ильин, — что беспредметные суждения и противопредметные рассуждения слагают гибельную болтовню, за которую множество людей будет расплачиваться долгими и жестокими страданиями» [12, с. 329]. Будущее показало, что в сказанном Ильиным как здесь, так и далее не было и нет ни грама преувеличения. Как избежать этой трагедии Ильин предостерегает в восьмой главе своей работы «Путь к очевидности» [12], озаглавленной «О силе суждения». В основе всех процессов социальной жизнедеятельности, считает Ильин, лежит *процесс суждения*, и каждый человек вовлечен в этот процесс. «Строить жизнь» есть *искусство суждения...*» [12, с. 326], афористично заявляет он. Рассуждая об искусстве и силе суждения, непосредственно понятие суждения трактуется Ильиным чрезвычайно широко. Он не стремится дать ему точное определение. Заметим, что еще в 1910 г. в работе «Понятия права и силы» Ильин писал: «Суждение может рассматриваться *или* как психический акт, и тогда оно является моментом реального процесса во всей его данной эмпирической сложности; или как

связь между двумя (простейший случай) понятиями, т. е. мыслимыми содержаниями, субъектом и предикатом; эта связь обозначается условным, не имеющим онтологического значения, термином “есть” и выражается в “частичном” логическом совпадении двух понятий; мы говорим “частичном”, имея в виду, что полное совпадение их дало бы единое понятие и превратило бы суждение в тождество. Связь эта бывает всегда и не может не быть выражена в словах. Употребляя термин “суждение”, мы берем его именно во втором его значении и считаем необходимым оговорить это особенно потому, что *русский язык еще не знает особого термина для логического понятия “суждение” и особого для психологического понятия “суждения”* (курсив мой — В. Г.)» [11, с. 18—19]. Анализируя вопрос о силе суждения, И. А. Ильин предельно расширяет само понятие суждения в сравнении с приведенным выше. Оно приобретает онтологическое значение, становится универсальной характеристикой человеческой жизнедеятельности. Убеждение И. А. Ильина в том, что суждение имеет тотальный характер, подтверждается следующим его рассуждением: «Пока человек живет, он слагает суждения и руководствуется ими. Он судит сознательно и бессознательно; высказываясь — и совершая молчаливые поступки; делая логические выводы и проясняя купеческую изворотливость; спрашивая, и отвечая, и уклоняясь от ответа; везде — в политике, в искусстве и в обыденной жизни. *За каждым жизненным решением и деянием скрывается целый узел суждений* — иногда не высказанных, иногда еле помысленных, нередко сокращенных, быстрых, так называемых “непосредственных умозаключений”. *Здесь по большей части нет тех умственно построенных, логически оформленных, ясных и зрелых суждений, с которыми считается логика*; гораздо чаще это инстинктивно вспыхивающие “суждения пристального взгляда”, заботы, страха, зависти, своекорыстия, юмора, оценки, отвращения, решительного отказа от почти состоявшейся покупки или внезапного оборонительного телодвижения. И тем не менее — это все *суждения*» (подчеркнуто мной — В. Г.) [12, с. 325]. Сказанное отнюдь не означает того, что нам следует покорно принять за должное иррациональную практику, стихийное хитросплетение повседневных суждений. Пафос рассуждений Ильина имеет противоположную направленность. Строго различая сущее и должное, Ильин настаивает на необходимости для личности совершенствоваться, целена-

правленно организовывать свой духовный мир и мир внешний, отличать существенное от несущественного, создавать на основе этого целостные социальные организмы, артефакты, произведения художественно-творчества. «В основе всего этого лежит процесс суждения как необходимое и творческое выражение жизни» [12, с. 326]. Причем речь здесь идет не о любом суждении, а лишь о *верном* суждении, которое формируется при соблюдении определенных условий. Ильин справедливо считает, что суждение не является привилегией определенных лиц. «Судит *каждый человек*, — заявляет философ, — образованный и необразованный, умный и глупый, теоретик и практик: каждый разделяет и связывает, оценивает и выбирает, выделяет существенное и формирует, упорядочивает и организует — и на письменном столе, и в кухне, и в гараже, и в магазине, и в парламенте. И это *искусство суждения*, столь необходимое для всякой жизнеспособности, для творчества и для человеческого счастья. Это надо всем продумать до конца, раз и навсегда; и сделать из этого выводы» [12, с. 326].

Самые предварительные выводы, на наш взгляд, состоят в следующем. Очевидно, что искусство суждения выступает необходимой стороной всякого общения и разнообразных видов деятельности личности. Нельзя не учитывать неизбежных границ компетентности отдельно взятой личности в безграничной сфере общения. Но предшествующие рассуждения И. А. Ильина наводят нас на мысль о *единстве в многообразии*, то есть о некоторых универсальных инвариантах обретения силы суждения, что равнозначно искусству суждения. Очевидно и то, что освоение упомянутых универсальных инвариантов немислимо без духовного совершенствования личности в целом, осуществляемого в контексте всех мыслимых социально полноценных форм общения. Первое из общезначимых требований к личности, по мнению Ильина, состоит в воспитании в себе и во всех окружающих, близких и дальних *силы суждения*. Это актуальная задача, осуществляющаяся постоянно, достаточно деликатно, но настойчиво, «ибо сила верного суждения лежит в основе всей человеческой культуры» [12, с. 326]. Подчеркнем, речь идет о силе именно *верного* суждения.

Но способность осуществлять верное суждение и соответствующий ему поступок, не возникает самопроизвольно, а приобретает в ходе постоянного самоконтроля;

самовоспитания; строгой дисциплины ума, воли, нравственных качеств и пр. Для обозначения этих целенаправленных усилий Ильин использует понятие «аскез». Определить содержание данного понятия в одной дефиниции весьма сложно. Поэтому Ильин производит тщательный анализ его составляющих, иллюстрирует их убедительными примерами. Проанализированные ниже составляющие и образуют инвариантные характеристики силы суждения. Под *аскезом* (не аскезой — В. Г.) Ильин понимает не только постоянное упражнение в искусстве суждения, но и *воздержание* от суждения при строго определенных обстоятельствах. Аскез в деле суждения обусловлен чувством ответственности. «Первое, что надо делать, — убежден Ильин, — это будить в людях *чувство ответственности*» [12, с. 326]. Для Ильина как поступок есть своего рода суждение или комплекс суждений, принявший предметную форму, так и «каждое суждение есть *деяние*, есть жизненный акт, который неумержимо передается во все стороны, то служит благу, то приносит вред и причиняет жизненные раны» [12, с. 326]. Следовательно, *нужно объявить беспощадную войну безответственным суждениям*. Как славно было бы объявить беспощадную войну безответственным суждениям именно в нынешнее время. К сожалению, в нашей стране с начала перестройки преобладает война одних безответственных суждений с другими не менее безответственными. Как в известной пьесе: «И тут заговорили все разом». Известную роль в указанном процессе играют средства массовой коммуникации, Интернет и прочее. Для политических дискуссий на ТВ нередко характерно *отсутствие культуры слушания*. В этом случае крикливые монологи участников вызывают чувство раздражения. На слушателей лавиной обрушиваются фейковые новости. Не случайно поэтому в последней трети XX столетия начали появляться научные исследования и практические пособия, посвященные искусству слушания. Конечно, было бы несправедливым не замечать того, что расхождение во мнениях часто выражается в корректной и аргументированной форме.

Серьезное отношение к собственным суждениям требует от личности глубокого проникновения в суть умственной концентрации и духовной компетентности. Нужно иметь мужество воздержаться от суждения в случае, когда наша компетентность в том или ином вопросе явно недостаточна. Эта положение было блестяще «развернуто» И. А. Ильиным: «Надо приучить себя к тому,

что моя сила суждения имеет свои пределы, что я не в состоянии судить там, где не вижу и не понимаю; что лучше *показаться* кому-нибудь “неучем” или “глупцом”, чем *оказаться на самом деле* развязным или даже нахальным болтуном. Надо научиться смирению. Важнее и драгоценнее быть смиренным аскетом в суждении, чем самоуверенным всезнайкою. Надо отучить себя от всякого неуместного апломба, этого первого признака ограниченности или даже глупости» (подчеркнуто мной — В. Г.) [12, с. 326—327]. Универсальность общения, как это явствует из концепции И. А. Ильина, проявляется и в том, что «добывание суждения», которому предстоит быть высказанным, осуществляется *посредством общения с предметом будущего суждения*. «Только тот, утверждал Ильин, — кто “вос-примет” в себя предмет своего суждения, может надеяться на то, что не он (субъект) скажет что-то о предмете, а *сам предмет* “заговорит” через него о себе и произнесет о самом себе драгоценное суждение. Только при соблюдении этого требования есть надежда на удачу; человек сможет попытаться *выразить воспринятое в слова*. Это нелегко. Это может удасться, но не совсем; это может отчасти и не удасться. Надо зажить предметом и говорить из него» [12, с. 327].

Сила суждения имеет своими истоками: *умение спрашивать и искусство сомнения*. При этом необходимо «иметь такое чувство, как если бы вопрос возник из глубины самого предмета и подсказывался им» [12, с. 328]. Искусство сомнения именно потому и является искусством, что в нем нет ни холодной расчетливости, ни вялости и лени равнодушного человека, в нем сосредоточены страстность, эмоциональная мощь ищущего истину. Ильин подчеркивал, что имеет в виду «ищущее и добивающееся сомнение, интенционально-сосредоточенное, содержательно-определенное и предметно-укорененное: такое сомнение немедленно вызывает потребность в новом, верном восприятии предмета <...> Такое сомнение драгоценно, плодотворно и удостоверяющее» [12, с. 328]. Сказанным не исчерпывается *аскез силы суждения*: «Последний этап ее есть нахождение *верной формы суждения*, утвердительной или отрицательной, с точным объемом (общим, частным или единичным)» [12, с. 329]. Важнейшее значение для воспитания силы суждения, по Ильину, имеет *умственное образование*. Под ним он понимал отнюдь не многознание. «Истинная образованность есть *сила созерцания и зрелость суждения*. Она отвергает

всякое “авторитарное” мышление и живет *самостоятельным творческим общением с самим предметом*» [12, с. 330]. Ильин не отделял любое жизненное деяние от суждений, которые лежат в его основании. Каждый активный гражданин должен нести ответственность за свои суждения. Таким образом, «аскез силы суждения составляет настоящий и необходимый фундамент всей человеческой культуры и народное образование должно заботиться и неустанно бороться за *зрелость личного суждения*. Это есть необходимый путь к воспитанию, духовной зрелости и мудрости» [12, с. 332].

Анализируемый нами раздел произведения И. А. Ильина «О силе суждения» сам являет собой *образец системы высочайшей силы суждений*. В нем каждое слово отлито из чистого золота, о чем бы ни говорил философ: о религиозной и нравственной силе суждения; об ответственных суждениях в искусстве и политике.

Продолжая тему своей ранней работы «О любезности», но многократно усиливая ее, расширяя ее мировоззренческий диапазон, Ильин призывает нас к постоянной работе над усовершенствованием наших суждений, деяний и недеяний, сливающихся в нерасторжимое целое, будит ответственность. Как никогда прежде именно сегодня актуально звучит его призыв: «...аскез силы суждения составляет настоящий и необходимый фундамент всей человеческой культуры; и народное образование должно заботиться и неустанно бороться за *зрелость личного суждения*. Это есть необходимый путь к воспитанию, духовной зрелости и мудрости. Какое обширное, какое плодородное духовное поле откроется перед нами в грядущей освобожденной России, где русская национальная талантливость познает бремя ответственности и энергию дисциплины!..» [12, с. 332].

Всесторонне анализируя проблему общения, И. А. Ильин возвращался к ней после первого опыта в работе «О любезности» (1910) в своих последующих работах, например, в контексте философии права и философии государства [10]. Из сказанного нами ранее [7] очевидно, что проблеме общения, ее всестороннему анализу Ильин уделял значительное внимание во многих своих научных трудах. Признавая то, что общение, формирование общностей людей имеет важное хозяйственное, прагматическое значение, он обращал внимание и на иную, духовную его значимость. По мнению Ильина, *общение* позволяет нам оценить *духовную полноту жизни* и становится

самостоятельной ценностью, выходящей за границы материальных нужд [10, с. 53—58]. Кроме того, «общение с лучшими, — писал Ильин, — есть одно из основных условий его (человека — В. Г.) собственного духовного развития [10, с. 57].

Человек на протяжении всей его истории борется с природой (идея козволюции еще и сегодня не вполне овладела массами, что ожидать от представителей начала XX в.? — В. Г.) и с себе подобными, рассуждал Ильин. Гедонизм и эгоизм весьма свойственны ему. При этом И. А. Ильин видел задачу человека «не в том, чтобы искоренить в себе жажду удовольствия и счастья, но в том, чтобы, с одной стороны, *одухотворить* все свои удовольствия, т. е. сделать их духовно значительными радостями, с другой стороны — связать свое счастье со счастьем всех людей, т. е. убедиться, что нельзя быть счастливым наряду с несчастьем других и далее действовать согласно этому убеждению. Однако люди до сих пор очень далеки от выполнения этой задачи, и это выражается не только в том, что они легко и быстро удовлетворяются низшими, чувственными удовольствиями, но и в том, что они ищут одиокого, эгоистически ограниченного счастья и, не находя его, наивно удивляются и жалуются. В результате этого эгоистического самочувствия борьба за существование оказывается уже не только борьбой человека с природой ради овладения ее законами и подчинения ее своим целям, но, помимо этого, еще борьбой человека с человеком из-за житейского удовлетворения и благополучия» (подчеркнуто мной — В. Г.) [10, с. 54—55]. Поэтому Ильина интересовал вопрос о том, как преодолеть эту вековую борьбу человека с человеком. Каковы условия, при которых устанавливается внутренняя гармония личности; а также гармония между личностью и ее общественным окружением, между личностью и социальными институтами, государством, правом и т. д. Непременным условием гармоничной коллективной и индивидуальной жизни для Ильина как философа-правоведа выступает нормальное правосознание, обладающее духовной силой. «Только человеку, — писал Ильин, — как творцу духовной жизни доступно нормальное правосознание, только ему дано искать и находить *правое право*, ибо только ему открыта цель права и его живой источник» [9, с. 232].

Что же, по мнению Ильина, выступает живым источником и основой нормального правосознания? На этот вопрос он отвечает следующим образом: «Духовное единение

(читай — духовное общение — В. Г.) людей, раскрывающее им духовное единство человека, есть одна из самых существенных основ нормального правосознания; оно обнаруживает с очевидностью духовную природу права и общества и обнажает в глубине правосознания его нравственный корень» [9, с. 236]. «Нити *духовного подобия*» прочно, накрепко соединяют людей друг с другом. Это самые мощные скрепы, делающие возможными все мыслимые формы взаимодействия людей. Углубляя сказанное выше, Ильин писал: «Это подобие ведет к тому, что люди связываются глубоким тяготением, заставляющим их дорожить совместной жизнью, устраивать ее и совершенствовать ее организацию. Одинаковость духовной жизни ведет незаметно к интенсивному общению и взаимодействию, а это, в свою очередь, порождает и новые творческие усилия, и новые достижения, и новое уподобление. Духовное подобие родит духовное единение, и обратно» [9, с. 250]. Единение представителей любой устойчивой общности имеет в своей основе определенные *духовные предметы*, образующие ценностную иерархию. Для Ильина это идеи единого Бога, патриотизма, добродетели и порока; правовой связи и государственного союза. Характерно, что И. А. Ильин как философ-правовед формулирует три важнейшие, на его взгляд, *аксиомы правосознания* и последовательно, детально анализирует их содержание [9, с. 310—386]. Это *закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания* [9, с. 310]. Несмотря на то что указанные законы призваны раскрыть существенные стороны поведения (деятельности и общения людей) в сфере правовых отношений они явно выходят за ее пределы. Очевиден их эвристический смысл для постижения сокровенного содержания *всех мыслимых форм человеческого общения*. Для Ильина «человек есть не просто живое существо, и не только существо, одаренное душевными способностями, но существо *духовное*... именно этим утверждается первая и глубочайшая основа его бытия и его деятельности; присущее ему *духовное достоинство* и живое чувствование его в самом себе» [9, с. 310—311]. Здесь впервые при анализе первого из законов, а именно *закона духовного достоинства*, Ильин детально анализирует важнейшее условие полноценного индивидуального и коллективного бытия людей, важнейшую потребность и генеральную функцию общения — *функцию самоутверждения*. Уже в первых строках, вслед за постулированием

трех аксиом правосознания, И. А. Ильин подчеркивал: «Чувство собственного достоинства есть необходимое и подлинное проявление духовной жизни; оно есть знак того *духовного самоутверждения*, без которого немислимы ни борьба за право, ни политическое самоуправление, ни национальная независимость. Гражданин, лишенный этого чувства, — политически недееспособен; народ, не движимый им, — обречен на тяжкие исторические унижения» [9, с. 311]. Духовное самоутверждение сопровождается *действием и закона автономии, и закона взаимного признания*.

Характерно, что в отечественной религиозной философии общее отношение к самоутверждению было отрицательным. Чтобы не быть голословным, приведем несколько высказываний весьма чтимых мною авторов. Так, например, А. А. Ухтомский писал: «Лишь понемногу и постепенно приоткрывается нам *слепота и глухота тупой силы самоутверждения*, которая сидит в нас глубоко, составляя в нас наше консервативное существо. И в тот час, когда дашь себе отчет в том, что это она заявляет себя в особенности, когда мы обнаруживаем тенденцию быть недовольным образом жизни и мысли встречаемых собеседников, сразу становишься более открытым в отношении людей на их жизненном пути. И из роковой необходимости видеть и делать из них двойников переходишь к возможности иметь в них собеседников» [16, с. 218]. Или вот еще более категоричное высказывание: «Самоутверждение — совершенно слепая сила без дополнительных мотивов для себя. Злоба, выражение беспомощности в отношении находчивого реагирования на текущие события в среде. Злоба и самоутверждение — это замкнутый и безвыходный круг, кончающийся разложение в человеке» (подчеркнуто мной — В. Г.) [16, с. 250]. Согласен, нельзя не учитывать контекст того или иного высказывания. Ухтомский развивает здесь свою концепцию «заслуженного собеседника». Однако откуда такая неприязнь к самоутверждению, имеющему собственную ценность. Почему «тупая сила самоутверждения», почему злоба и самоутверждение образуют, по мнению Ухтомского, «замкнутый и безвыходный круг»? Анализ исключительно *злого самоутверждения* разрушающего целостность души, просто бросается в глаза в бесспорно гениальных текстах П. А. Флоренского: «Желая только себя, в своем *“здесь”* и *“теперь”*, злое само — утверждение негостеприимно запирается ото

всего, что не есть оно; но, стремясь к самобожеству, оно даже себе самому не остается подобным, и рассыпается, и разлагается и разлагается и дробится во внутренней борьбе» [18, с. 171]. Возникает чувство, что Флоренский буквально предаёт анафеме самоутверждение: «Грех есть то коренное стремление Я, которым Я утверждается в своей особенности, в своем отъединении и делает из себя единственную точку реальности» [18, с. 178]. Безусловно, в основе таких утверждений лежит определенное мирозерцание. С большой силой оно выражено в работах А. А. Мейера (1875—1939). Справедливо неразрывно связывая феномен *самоутверждения с общением*, он радикально разводит самоутверждение человека в культуре и самоутверждение человека в Боге. «Дело религии, — писал Мейер, — богообщение; дело гуманизма — культурное устройство жизни. Это два различных пути, и идти одновременно обоими нельзя» [13, с. 45]. Как глубоко религиозный человек А. А. Мейер был убежден в том, что «к целям самоутверждения человеческого у тех, кто знал общение с высшей силой, могло быть только отрицательное отношение» [13, с. 48]. Правда, он допускает, что «в суете и в миражах есть своя красота, своя радость служения будущему самоутверждению «великому человеку», но «мистики не хотят этого обманного счастья» [13, с. 49]. Для Н. А. Бердяева «человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве» (подчеркнуто мной — В. Г.) [1, с. 312]. Неясно однако почему самоутверждение приравнивается к самодовольству. Хотя можно отчасти согласиться с его рассуждением о соблазнах современного общества и с тем, что «формы человеческого самоутверждения и гордыни стали иными и более жуткими, чем в прошлом» (подчеркнуто мной — В. Г.) [1, с. 284]. И вновь приравнивание самоутверждения к гордыни остается непроясненным.

Указанная категоричность в оценке самоутверждения существенно уточнялась представителями в том числе религиозной философии. Так, например, Пауль Тиллих (1886—1995): «Теологам (думается, что не только им — В. Г.) пора покопаться с дурной привычкой осуждать любое понятие с элементом “само”. Ведь без самоцентричного Я и онтологического самоутверждения даже само это осуждение не могло бы существовать» [15, с. 64]. Следует также иметь в виду, что в процессе общения возможно не только самоутверждение личности, но и *взаимутверждение на основе чувства альтруизма* двух или нескольких личностей,

вступающих во взаимодействие (П. А. Сорокин) [14, с. 306—307]; что важной продуктивной стороной самоутверждения выступает *самореализация* личности (С. Л. Березин) [2]. Самоутверждение выступающее как процесс повышения уже имеющегося у личности статуса или его стабилизация, *не сопровождающаяся самореализацией*, воплощением ее сущностных сил, *выступает как иллюзорное, мнимое самоутверждение* [4, с. 64—67].

Анализ *самоутверждения* в контексте *общения*, неразрывная связь первого и второго, их взаимное отражение — отнюдь не единственная специфическая черта исследования И. А. Ильина. Анализируя правовое и политическое общение, философ не ограничивается исключительно указанными аспектами, не ограничивается изучением самоутверждения в границах лишь данных форм общения. Напротив, исходя из этой основной задачи, Ильин погружается в *нравственные глубины частного поведения человека*, его отношения к самому себе, окружающим; пристально рассматривает вопросы любви, доверия, уважения, подозрения, лжи, злобы и т. д.

Ильин избирает *антиномический метод исследования*, а также *антиномический способ изложения материала*. Это очевидно даже из анализируемых глав работы «О сущности правосознания» [9]. Так, каждая из трех аксиом правосознания содержит как необходимые позитивные условия его (правосознания) существования, так и ряд дефектов, поражающих закон духовного достоинства, закон автономии, закон взаимного признания. Они порождают: *недуги самоутверждения* (глава шестнадцатая), *недуги автономии* (глава восемнадцатая), *недуги взаимного признания* (глава двадцатая).

Стремление человека реализовывать потребность в самоутверждении на социальном и психологическом уровнях не исключает того, что оно, по мнению Ильина, берет свое начало в предстоянии перед лицом Божиим. В связи со сказанным мыслитель писал: «*Самоутверждение души в абсолютно — ценном предмете — всегда было и всегда будет единственным источником чувства собственного духовного достоинства*» [9, с. 312]. Однако самоутверждение «перед лицом высших ценностей и последних тайн жизни» [9, с. 311] несколько не умаляет значимости самоутверждения, производного от последнего, занимающего более низкую ступень, но и относительного самостоятельного. Ошибочно отбрасывать самоутверждение, которое переживается человеком весьма индивидуально и, возможно, «не в отчетливой мысли, а в смутной,

аффективной форме» [9, с. 312]. Самоутверждение, основываясь на духовном достоинстве личности и человеческих коллективов, повседневно, невзирая на возможные его девиации, осуществляется на всех уровнях бытия. Оно характерно для любых социальных слоев. *Подлинное духовное самоутверждение* не выносит лжи, притворства, лести, малодушия как в себе самом, так и в партнерах по общению. Ибо эти проявления уничтожают духовное достоинство личности, лишают ее самоуважения. *Духовное самоутверждение* призвано устанавливать гармонию между духовным призванием человека и присущим ему инстинктом самосохранения. Однако духовное начало должно преобладать над биологическими инстинктами. При этом Ильин справедливо утверждал: «Инстинктивное своекорыстие в человеке подлежит не искоренению и не “отмене”, но духовному осмыслению и оправданию, или, что то же, признанию и одухотворяющему использованию. Но для того чтобы это осуществлялось, человеку необходимо воспринимать *себя самого как известную ценность*, которую стоит отстаивать в борьбе за существование: человек должен осуществить *духовное самоутверждение* и через него оправдать инстинктивную центростремительность своей души» [9, с. 313]. Сказанное касается как индивидуального, так и коллективного бытия человека, как личной, так и национальной жизни. И. А. Ильин призывает соотечественников к духовной солидарности, к установлению гармонии индивидуального духовного достоинства и уважения к национальному «мы», видит неразрывную связь между первым и вторым. «Каждый народ, — писал Ильин, — должен выстрадать великий опыт индивидуального и коллективного *самоутверждения* и осознать этот опыт. Необходимо, чтобы народу как живому единству удалось это *самоутверждение в духе*: чтобы культура его накопила целый пантеон духовных *достижений и побед* — личных и объективированных, как в религии и добродетели, так и в искусстве, как в государственном строительстве, так и в войне за родину» [9, с. 320—321]. Весьма актуально для современной России звучат вопросы самоутверждения государственной власти и духовное самоутверждение армии и воина как носителей идеи достоинства и чувства чести.

Духовное самоутверждение, по мнению Ильина, может страдать определенными недугами, на которые указывает философ вслед за первой аксиомой правосознания (законом духовного достоинства).

Недуги духовного самоутверждения в первую очередь связаны с искаженной самооценкой, с неверным восприятием собственной личности. Предельный случай такого состояния — отсутствие рефлексии своего духовного достоинства. Диагностируя этот недуг, Ильин писал: «Человек, не знающий о своем духовном достоинстве, т. е. не испытывающий его, ведет жизнь уродливую, униженную, больную...» [9, с. 324]. Но знающий о своем духовном достоинстве должен адекватно его оценивать. «В основании духовного уважения к себе, — писал И. А. Ильин, — должно лежать *верное восприятие себя*, а не иллюзия и не болезненное самомнение, подлинное *духовное достоинство*, а не выдохнувшийся внешний знак отживших преимуществ, *личный* акт самоутверждения, а не чужие, может быть, ошибочные или лживые изъявления. Чувствование себя как благой силы должно быть не случайным и не эфемерным, но *подлинным и предметным само-чувствием*. Оно не может быть и не должно быть заменяемо никакими суррогатами: ни мечтательным воображением о своих мнимых достоинствах и о своем “историческом предназначении”, ни пустою гордостью или культивированием формальной “чести”, ни случайным и изменчивым приговором “общественного мнения”, ни корыстным и капризным “народным плеском”» [9, с. 324—325]. Последующие рассуждения Ильина направлены на развертывание, развитие идеи духовного достоинства, сформулированной выше. Для формирования чувства собственного достоинства важно наличие собственного опыта как *личностно-самостоятельного*, так и *ценностно-предметного*. Деформация указанного опыта как в первом, так и во втором отношениях приводит к плачевным результатам. К ним И. А. Ильин относит следующие: 1) «Человек, уважающий себя лишь потому и лишь постольку (подчеркнуто мной — В. Г.), поскольку его уважают другие, — в сущности говоря, *не уважает себя*: его духовное самочувствие зависит от чужих, вторичных впечатлений, т. е. от чужой неосведомленности и некомпетентности; на самом же деле его снедает чувство малоценности и жажда внешнего успеха; и если этот успех и популярность изменяют ему, то он перестает чувствовать свое духовное достоинство и личность его утрачивает свою форму» [9, с. 325]. Но сказанное может происходить в случае предельной деформации собственного опыта самоутверждения. В данном случае мы имеем дело скорее с *идеализированным объектом*, чем с реальной жизненной ситуа-

цией. *Самоутверждение личности не может происходить помимо общения с значимыми другими, их оценки и т. д.* В пользу высказанного нами соображения можно привести рассуждения весьма уважаемых Ильиным авторов: Гегеля (ему И. А. Ильин посвятил свою диссертацию) и Г. Зиммеля (строки из его работы «Социальная дифференциация» приведены в качестве эпиграфа к статье Ильина «О любезности»). Так, например, Гегель писал: «К наличному бытию субъекта существенно принадлежит то, что он существует также для других; субъект есть не только для себя, но также и в *представлении других*, и он *есть*, имеет значимость и является объективным лишь настолько, насколько он знает себя и значим для других. Его значимость есть представление других о нем, и (она) основана на сравнении с тем, что они уважают и что для них имеет значимость некоторого в-себе-бытия» [3, с. 288—289]. Анализируя роль общения в процессе самоутверждения личности, Георг Зиммель писал: «В рамках общения получает свое, только в этих рамках возможное решение важная, если хотите, даже важнейшая проблема общества: какова мера значимости и роль индивида в отношении с социальным окружением?» [6, с. 490]. Таким образом, лишь в успешном общении как в индивидуализированном Я — Ты отношении, возможно повышение или подтверждение уже имеющегося у личности статуса, а в случае неудачи — его понижение. Лишь благодаря общению возможна содержательная самостоятельность и *сущностное самоутверждение* не только личностей, но и коллективов, социальных групп, народов.

Размышляя о духовном достоинстве и самоутверждении как личности, так и народа, Ильин призывает находить «достойную середину между самоуничижением и самопревознесением» [9, с. 333]. Он считает плачевным «состояние... человека, который совсем не умеет уважать себя» [9, с. 325]. Человек, лишенный чувства собственного достоинства, считает Ильин, не может скрыть это самочувствие от окружающих и как следствие, теряет их уважение. Но этим, по мнению Ильина, казалось бы, локальный, сугубо внутренний процесс утраты достоинства отдельными личностями не ограничивается. Философ последовательно прослеживает логику утраты достоинства как ядерной структуры личности, последующего распада личности (утрата ею собственного духовного центра) и негативных социальных изменений широкого масштаба. Возникновение тоталитарных

режимов имеет в своей основе вырождение у граждан чувства духовного достоинства. Характеризуя такую ущербную личность, И. А. Ильин писал: «Не уважая себя, он не уважает и *гражданина* в себе; не понимая своего духовного достоинства, он не видит духовного достоинства ни в *других* гражданах, ни в *государстве*, ни в *государственной власти*» [9, с. 329]. Анализируя рабскую психологию людей, отклонившихся от духовного самоутверждения, Ильин писал: «Народ, не умеющий уважать свое духовное достоинство, создает недугующую *власть*, вынашивая большое *самочувствие* и большую *идеологию*» [9, с. 330].

Как уже отмечалось ранее, вторая аксиома правосознания лежит в основе *закона автономии*. Что есть автономия, как не свобода. Среди рассматриваемых Ильиным свобод: свобода совести, самоопределения и др. в контексте нашей темы особое значение имеет *свобода слова*. «Свобода слова, — писал И. А. Ильин, — есть драгоценное средство для оформления духа, но как предоставить ее человеку, способному произносить лишь хулу и оскорбление? Свобода печати не есть право распространения лжи и клеветы; свобода собраний не есть право погрома; свобода собственности не есть право шиканы, т. е. злоупотребления своей собственностью» [9, с. 339]. Ильин постоянно подчеркивает, что без обретения внутренней, духовной свободы бессмысленна и даже вредна внешняя свобода. Преждевременно полученная свобода из внешних источников не выводит из рабского состояния. «Нельзя освободить другого; свободу можно приобрести только самому — в самостоятельном напряженном борении за духовную автономию <...> истинная автономия доступна лишь тому, кто совершил духовное самоутверждение и утвердил в себе духовное достоинство» [9, с. 340—341].

Приступая к анализу третьей аксиомы правосознания в интересующем нас контексте *самоутверждения*, важно подчеркнуть следующее. Духовное самоутверждение имеет самостоятельное значение для развития всех форм общественного сознания, осуществления правовой и политической деятельности, но оно одновременно выступает необходимой стороной духовного совершенствования личности. Более того, И. А. Ильин постоянно подчеркивает, что «ядерной структурой» всех социальных процессов выступает именно личность, ее духовный состав, ее коммуникативные качества, позволяющие устанавливать про-

дуктивное и высокое *единение людей*. Вот надежный и истинный источник единства народа, его доверия государству и праву. «Нормальное правосознание утверждает, — писал Ильин, — что государство по своей идее есть живая система *всеобщего доверия*» [9, с. 382]. Поэтому практически так же, как и в вопросе о роли внутреннего акта добра либо зла, совершаемого личностью [8], для Ильина решающее значение в общественной жизни играет духовный уровень людей. «Строй общественных отношений, — писал Ильин, — определяется в конечном счете *духовным* уровнем людей, и всякая общественная организация покоится именно на духовно зрелых и духовно сильных душах» [9, с. 362]. По-видимому, именно такие личности в полной мере способны к *взаимному духовному признанию, взаимному уважению и взаимному доверию*. Данные социальные способности выступают важнейшим условием *взаимоутверждения* находящихся в постоянном духовном общении личностей.

Основное внимание в данной работе И. А. Ильин уделяет вопросам правосознания, но он постоянно выходит за рамки сугубо правоведческих проблем. Рассматриваемая им тема имеет сверхюридическую природу. Поэтому в фокусе его исследования лежит универсальная философская проблема духовного общения людей и его измерений в их диалектической взаимосвязи. «Духовное общение требует, — писал Ильин, — объективно говоря, *двусторонней духовности*, а субъективно говоря — *обюдного духовного признания*. Но правовое общение есть именно духовное общение; поэтому оно является *разновидностью* такого признания. В этом глубочайший смысл всякого правового и политического единения. Такое понимание права и государства вновь обнаруживает духовное братство всех людей; оно подтверждает также отсутствие принципиального расхождения между правопорядком и евангельским учением о любви: ибо отношение «в праве» и отношение «в любви» являются одинаково разновидностью *духовного признания*» [9, с. 365]. Раскрывая содержание третьей аксиомы правосознания, Ильин показывает, что духовное признание, взаимное уважение, взаимное доверие «дается только через духовное самоутверждение» [9, с. 366]. Таким образом, он подчеркивает неразрывную связь первой и третьей аксиом. «Только в непосредственном уважении к *своему* духовному достоинству, — утверждает Ильин, — человек научается уважать *чужое* достоинство, и если школа этого непосредственного

опыта изменяет ему, то научится к другим ему уже негде. Вот почему человек, не уважающий себя, не умеет уважать и других; и наоборот: искусство уважать других есть лучший признак удавшегося духовного самоутверждения (подчеркнуто мной — В. Г.) [9, с. 366]. Размышляя о недугах взаимного признания, Ильин последовательно раскрывает эволюцию негативных индивидуальных моральных и социально-психологических качеств личности в надличностные социальные свойства больших групп людей. Он прослеживает, как «возникает целое гнездо больших отношений» [9, с. 376—377]. Взаимное признание, доверие, полнота уважения, духовная целостность — вот источник единения людей, их продуктивного общения и солидарности.

Продолжая намеченное еще в своей ранней статье «О любезности» рассмотрение этических аспектов человеческого общения, И. Ильин уделил значительное внимание *исследованию культуры общения, выражению нравственных чувств*. Он был убежден, что духовная жизнь людей может и должна быть построена на усвоении ими *чувства благодарности*. Человек должен быть благодарным, воспринимать Бога, божественный мир, жизнь, общение с людьми как бесценный дар. «Это счастье, — писал философ, — вести общение с людьми, вчувствуясь в их жизнь и постигая ее смысл; отдавать им свое лучшее и принимать дары; прощать им и получать от них прощение; иметь отца и мать и самому делаться отцом или матерью; иметь верных друзей; отстаивать свою родину и служить своему народу» [12, с. 396].

1. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Н. А. Бердяев. О назначении человека. М. : Республика, 1993. С. 253—357.

2. Березин С. Л. К вопросу о сущности самоутверждения личности // Философские науки. 1974. № 2. С. 40—47.

3. Гегель Г. Лекции по философии религии // Г. Гегель. Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1977. Т. 2. С. 5—333.

4. Гладышев В. И. Компенсаторное общение: социально-философский анализ : монография. Екатеринбург : Банк культур. информации, 1999. 292 с.

5. Гладышев В. И. Концепция общения И. А. Ильина: общение как жизненное творчество личности // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 116—122.

6. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Г. Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. С. 486—500.

7. Ильин И. А. О любезности. Социально-психологический опыт // И. А. Ильин. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. Кн. 1. М. : Русская книга, 1996. С. 7—49.

8. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой // И. А. Ильин. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 6—132.

9. Ильин И. А. О сущности правосознания // И. А. Ильин. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М. : Рус. кн., 1994. С. 149—415.

10. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // И. А. Ильин. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М. : Рус. кн., 1994. С. 45—149.

11. Ильин И. А. Понятие права и силы // И. А. Ильин. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. М. : Рус. кн., 1994. С. 5—45.

12. Ильин И. А. Путь к очевидности // И. А. Ильин. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 290—404.

13. Мейер А. А. Религия и культура // А. А. Мейер. Философские сочинения. Paris : La presse libre, 1982. С. 31—95.

14. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997. 350 с.

15. Тиллих П. Мужество быть // П. Тиллих. Избранное: теология культуры. М. : Юрист, 1995. С. 7—130.

16. Ухтомский А. А. Из записных книжек // А. А. Ухтомский. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск : Рыбин. подворье, 1997. 569 с.

17. Фаст Дж., Холл Э. Язык тела: как понять иностранца без слов. М. : Вече : АСТ, 1997. 432 с.

18. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // П. А. Флоренский. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1990. 839 с.

References

1. Berdjaev N.A. (1993) Jekzistencial'naja dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo // N.A. Berdjaev. O naznachenii cheloveka. Moscow, Respublika, pp. 253—357 [in Rus].

2. Berezin S.L. (1974) *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 40—47 [in Rus].

3. Gegel' G. (1977). Lekcii po filosofii religii // G. Gegel'. Filosofija religii: v 2 t. T. 2. Moscow, Mysl', pp. 5 — 333 [in Rus].

4. Gladyshev V.I. (1999) Kompensatornoe obshhenie: social'no-filosofskij analiz: monografija. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii, 292 p. [in Rus].

5. Gladyshev V.I. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 116—122 [in Rus].

6. Zimmel' G. (1996) Obshhenie. Primer chistoj, ili formal'noj, sociologii // G. Zimmel'. Izbrannoe. T. 2. Sozercanie zhizni. Moscow, Jurist, pp. 486—500 [in Rus].

7. Il'in I.A. (1996) O ljubeznosti. Social'no-psihologicheskij opyt // I.A. Il'in. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 6. Kn. 1. Moscow, Russkaja kniga, pp. 7—49 [in Rus].

8. Il'in I.A. (1993) O soprotivlenii zlu siloju // I.A. Il'in. Put' k ochevidnosti. Moscow, Respublika, pp. 6 — 132 [in Rus].

9. Il'in I.A. (1994) O sushhnosti pravosoznanija // I.A. Il'in. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4. Moscow, Russkaja kniga, pp. 149—415 [in Rus].

10. Il'in I.A. (1994) Obshhee uchenie o prave i gosudarstve // I.A. Il'in. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4. Moscow, Russkaja kniga, pp. 45—149 [in Rus].

11. Il'in I.A. (1994) Ponjatie prava i sily // I.A. Il'in. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4. Moscow, Russkaja kniga, pp. 5—45 [in Rus].

12. Il'in I.A. (1993) Put' k ochevidnosti // I.A. Il'in. Put' k ochevidnosti. Moscow, Respublika, pp. 290—404 [in Rus].

13. Mejer A.A. (1982) Religija i kul'tura // A.A. Mejer/ Filosofskie sochinenija. Paris, La presse libre, pp. 31—95 [in Rus].

14. Sorokin P.A. (1997) Glavnye tendencii nashego vremeni. Moscow, Nauka, 350 p. [in Rus].

15. Tillih P. (1995) Muzhestvo byt' // P. Tillih. Izbrannoe: Teologija kul'tury. Moscow, Jurist, pp. 7—130 [in Rus].

16. Uhtomskij A.A. (1997) Iz zapisnyh knizhek // A.A. Uhtomskij. Zasluzhennyj sobesednik: Jetika. Religija. Nauka. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e, 569 p. [in Rus].

17. Fast Dzh., Holl J. (1997) Jazyk tela; Kak ponjat' inostranca bez slov. Moscow, Veche, AST, 432 p. [in Rus].

18. Florenskij P.A. (1990) Stolp i utverzhdenie istiny // P.A. Florenskij. Sochinenija: v 2 t. T. 1. Moscow, Pravda, 839 p. [in Rus].

For citing: Gladyshev V.I.

Conception of communication of I.A. Ilyin: Ilyin on communication as the most important factor of personal spiritual development and spiritual self-assertiveness // Socium i vlast'. 2018. № 4 (72). P. 7—18.

UDC 1 (092) + 177 + 159.923.2

CONCEPTION OF COMMUNICATION OF I.A. ILYIN: ILYIN ON COMMUNICATION AS THE MOST IMPORTANT FACTOR OF PERSONAL SPIRITUAL DEVELOPMENT AND SPIRITUAL SELF-ASSERTIVENESS

Vladimir I. Gladyshev,

South Ural State University
(National Research University),
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: gladyshev1947@mail.ru

Annotation

The article considers the fundamental ideas of the conception of communication of Russian nationalist I.A. Ilyin. His interpretation of communication is closely connected with the analysis of ideological, political, legal and moral problems. It has not only important theoretical significance but is extremely topical for social practice of modernity.

Key concepts:

responsibility in communication,
strength of truthful judgment,
spiritual self-assertiveness,
law of spiritual dignity,
law of mutual acknowledgement.

Для цитирования: Блинова О. А., Журавлева Л. А., Кружкова Т. И., Оболенская А. Г. Организационная девиантность: социально-философский анализ // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 19—27.

УДК 005 + 130.2 + 316.624

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕВИАНТНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ¹

Блинова Олеся Александровна,

Уральский государственный педагогический университет, доцент, кандидат философских наук, Российская Федерация, 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26. E-mail: olesyablinova79@yandex.ru

Журавлева Людмила Анатольевна,

Уральский государственный аграрный университет, доцент, кандидат философских наук, Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42.

Кружкова Татьяна Ивановна,

Уральский государственный аграрный университет, доцент, кандидат исторических наук, Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42. E-mail: rustale@yandex.ru

Оболенская Алёна Германовна,

Уральский государственный педагогический университет, доцент, кандидат экономических наук, Российская Федерация, 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26. E-mail: a.obolenskaya@mail.ru

Аннотация

Предметом рассмотрения в статье является организационная девиантность как социально-философская проблема. Анализируются актуальная проблема социально-трудовых отношений в современном российском обществе, а именно проблема прекаризации, проявляющаяся в ущемлении прав работников, снижении уровня заработной платы, росте увольнений и повышении токсичности внутриорганизационной среды, ведущей к снижению качества труда работающего населения. По мнению авторов, современным социально-трудовым отношениям присущ характер дегуманизации и виктимизации, что порождает необходимость философского осмысления процесса управления с целью систематического мониторинга социального и физического благополучия наемных работников.

Ключевые понятия:

философия управления организацией, организационная девиантность, социальные отклонения, организационная патология, виктимизация, токсичность организационной среды.

¹ Исследование выполнено при поддержке российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-06-00819.

Современное общество можно охарактеризовать как общество организации. Люди обречены на совместную деятельность для достижения прогресса общества. Но какой должна быть эта организация? Современное общество также можно определить как общество риска. «Риск — это все то, что нарушает безопасность, т. е. является небезопасностью (включая такие понятия, как опасность, угроза, уязвимость — между этими концептами, безусловно, существует различие, однако в рамках данной работы не стоит задача введения дефиниций данных понятий), безопасность — совокупность мер, направленная на нейтрализацию рисков, на повышение защищенности» [16, с. 88]. Нестабильность и небезопасность современного общества распространяет данные качества и на функционирование организации, на становление организационной среды и поведения в ней человека. Данная особенность современного общества порождает различные формы и виды девиантного поведения персонала организации, вызывая к жизни необходимость выявления его причин, анализа и выработки стабилизирующего стиля управления. Каким должно быть управление этой организацией, определяющее поведение человека в ней? Вопросы аксиологического, методологического, научного осмысления того или иного феномена всегда находятся в ведении философии, и управление не исключение. Современная философия пристально изучает феномен управления, стремясь дать ему оценку и определить перспективы развития. Таким образом, философия управления организацией направлена на выбор политики организации, подбор персонала и формирование организационной культуры.

В связи с этим мы выделяем две основные функции философии управления организацией, позволяющие определить вектор развития современной организации. Это, во-первых, онтологическая функция, поскольку философское осмысление управления организацией позволяет выявить определяющие экзистенциалы бытия работающего человека, определить возможность и характер развития его способностей и реализацию его интересов. Во-вторых, прогностическая функция, цель которой заключается в преодолении догоняющей специфики управления. Исходя из обозначенных функций, социально-философский анализ управления организацией позволит обнаружить причины организационной девиантности, на основании которых мы сможем высказать предположения о возможных

профилактических мерах, направленных на сохранение комфортного организационного климата.

Девиантное поведение человека психологами определяется как «система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации и уклонении от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением» [7, с. 14]. Социологи девиантное поведение определяют как «это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям» [3, с. 6]. С точки зрения менеджмента, девиантное поведение — это любое недозволенное поведение сотрудника на рабочем месте. С позиции экономистов, девиантное поведение характеризуется «стремлением к максимизации индивидуальных выгод работниками предприятия и концентрацией работников на своих личных интересах и потребностях» [2]. Междисциплинарный анализ понятия «девиантное поведение персонала» с позиции социально-философского анализа позволил нам определить организационную девиантность как состояние личности, находящейся в противоречии с корпоративными нормами, способствующее выбору иных, нацеленных на личную выгоду координат поведения в организации.

В контексте данной статьи категории «девиантность» («социальное отклонение») и «социальная норма» представляются парными дихотомическими социально-организационными конструктами, через которые отражается либо социальное одобрение, либо социальное осуждение. Эти категории диалектически взаимосвязаны, переходят друг в друга (отклонение становится нормой, а норма — отклонением) и имеют значение лишь при сопоставлении друг с другом, сохраняя свою сущностную противоположность и диалектическое единство. Социальные отклонения связаны с нарушением нормы, а сами нормы изменяются, становятся отклоняющимися вслед за развитием общества и форм социального контроля. Предпринятый нами анализ выявил социогенную природу девиаций, детерминированных ризомностью социального пространства, в котором сосуществуют различные субкультурные образования с присутствующими им нормами, ценностями, идеалами,

понятиями и предписаниями требований поведения, которые объективно могут противоречить регулятивам других субкультур.

Массовое трудовое поведение в современном обществе локализовано в рамках организаций — координируемых социальных образований, проектируемых для реализации общих целей и миссии, во имя которых осуществляется деятельность. Организационная девиантность проистекает из сложной природы самой организации с объективно возникающими внутри ее конфликтами интересов и ценностей, влияющих на рутинное поведение различных групп и личностей. Будучи открытой неравновесной социальной системой, включающей в себя, с одной стороны, как регулируемые, так и процессы самоорганизации, совокупность организационных отношений как по вертикали, так и по горизонтали, организация постоянно балансирует на грани гомеостаза и повышения приспособляемости к изменениям внутренней и внешней среды. Сложность организации как процесса, с другой стороны, определяется циклическим характером ее функционирования и развития, приводящим к различным производственным, технологическим и поведенческим моделям релевантным на различных этапах ее истории. Структура, распределение власти, цели, корпоративная культура, производственный процесс резко отличаются на различных этапах жизненного цикла организации, что усиливает тенденцию к дезорганизации и нарастанию девиантности.

Основой и сферой проявления социального отклонения как социально-культурного конструкта является коммуникация, т. е. взаимодействие социальных институтов, общностей, групп и отдельных индивидов. Социальное нормоконструирование происходит во всех организациях и закрепляется в организационной культуре, задающей эталоны идеального (с точки зрения миссии и целей) трудового поведения сотрудника. В том случае, если удастся развить нормы в перспективном для успешного функционирования и развития организации направлении, принимая их в качестве резерва и основы, возможно существенное подкрепление управления. Нередко встречаются случаи, когда система корпоративных норм складывается не целенаправленно, а хаотично, что подрывает устойчивость организации и с неизбежностью приводит к кризису. Неуважение к потребителям, систематическое нарушение трудовой дисциплины, подмена общеорганизационных целей частными, бюрократические тромбы, не-

прозрачность наблюдаются в организациях с демотивирующим стилем менеджмента, жесткой авторитарной моделью деловых коммуникаций, деструктивными конфликтами и становлением токсичного фона трудовых отношений.

При этом следует подчеркнуть, что изменение сложившейся в организации системы норм, дается трудно и сопровождается сильным сопротивлением (как правило, скрытым) со стороны работников. Причиной этого являются не только сложившиеся стереотипы, но и лежащие в основе того или иного типа организационной культуры глубинные архетипы, в силу которых организационная девиантность может приводить к деструктивным изменениям и повышению процесса неуправляемости. Способность организационной культуры (как и других культурных феноменов) к дихотомическому влиянию на ситуацию в организации, от стабильности к хаосу, можно объяснить т. н. «эффектом триггера» (либо тряска, нестабильность сигнала, либо институциональные ловушки), т. е. способностью любых функций системы обращаться в свою противоположность. Данной особенностью организационной культуры можно объяснить двойственное ее понимание и как «общественной памяти», и как консервативного ядра, тормозящего развитие организации. Таким образом, организационная девиантность проявляется в нарушении сложившихся в организации и закрепленных в ценностях организационной культуры норм трудового поведения, ожидаемого от сотрудников. Организационная девиантность может быть связана и с несоответствием целей и миссии органи-

зации стереотипам и ожиданиям основных субъектов внешней среды: потребителей, партнеров, посредников, конкурентов, государственных органов и СМИ. Рассогласованность социальных ожиданий и проводимая организацией политика является в этом случае основным признаком девиантности.

В настоящее время в экономике произошла смена модели поведения с долгосрочной модели поведения на краткосрочную. Причиной этого является тот факт, что в условиях неопределенности и нестабильности экономики следование долгосрочной модели увеличивает издержки ex-ante и может приводить к убытку [11]. Так, сотрудник организации может стремиться к удовлетворению своих потребностей как можно скорее, а не создавать репутацию и наращивать уровень квалификации. Такому поведению также способствует разрушение института доверия к руководству, партнерам, коллегам. Одновременно встроенные механизмы стабилизации организации могут вступать в противоречие с заявленными целями организации и приводить к девиантному поведению сотрудников (см. рисунок) [12].

Основными механизмами стабилизации организации являются:

- структура индивидуальных предпочтений и традиции организационной культуры;
- эффект координации и эффект обучения, обеспечивающий за счет координации действий агентов уменьшение транзакционных издержек тех, кто следует определенному правилу, а отклонение от него становится невыгодным;

Рис. 1. Экономические механизмы стабилизации

- предусмотренный регламент, обычай или контракт;
- эффект сопряжения, предполагающий, что вновь возникшее правило окажется сопряженным с другими, уже встроенными в систему нормами;
- культурная инерция, проявляющаяся в отказе от стереотипов поведения, доказавших свою жизнеспособность в прошлом.

Однако наиболее распространенной причиной возникновения организационной девиантности, на наш взгляд, является демотивирующий стиль руководства. Человеческий капитал — самый ценный ресурс и ключевой субъект организации, требующий постоянных инвестиций, мотивационных программ и поддержки оптимистичного социального настроения и самочувствия. Однако кризисные явления в организациях оборачиваются прежде всего против работников: не индексируется зарплата, усиливается интенсивность труда, нарастают эффекты выгорания, порождая массовое равнодушие и пессимизм исполнителей. Понятно, что для продуктивной работы организации демотивированный персонал не эффективен. На наш взгляд, только стабильная индивидуализированная мотивационная система персонала может повысить удовлетворенность трудом, что скажется не только на качестве производимого организацией продукта (услуги), но и на здоровье и социальном благополучии работников.

В течение двух лет наша исследовательская группа проводила разведывательный мониторинг, в ходе которого были опрошены сотрудники государственных и коммерческих организаций, ведущих свою деятельность в различных сферах народного хозяйства, образования, торговли, транспорта, сельского хозяйства, армии, правоохранительных органов и пр. Целью проведения исследования было выявление причин негативации организационной среды, лежащих в основе девиантного поведения на рабочем месте. В ходе проведения мониторинга мы пришли к выводу о виктимогенной природе организационной девиантности. Несмотря на то что изначально термин «виктимизация» был введен Л. Франком для криминалистических исследований и обозначал «процесс превращения лица в реальную жертву или конечный результат такого процесса» [14, с. 22], мы обратили внимание на возможность более широкой трактовки данного термина и его применения к ситуации проявления организационной девиантности.

В данном случае, виктимизацию можно рассматривать как систематический процесс причинения субъекту трудовых отношений психического, морального, профессионального или даже физического ущерба со стороны других субъектов данных отношений. Виктимизация является одним из источников повышения токсичности (деструктивности, дисфункциональности) внутриорганизационной среды [13, с. 67—68], пронизывающей организационную культуру и все многообразие форм трудовых взаимоотношений.

В ходе исследования нами было выделено две группы причин нарастающей виктимизации социально-трудовых отношений, приводящих к превалированию дискриминационных трудовых взаимоотношений современного общества, ограничивающих права работников и лишаящих их возможности системы доступа к равным возможностям труда, увеличивая, таким образом, трудовые риски отдельных категорий работников. Первая группа — это объективные причины. К ним можно отнести негативную трансформацию советского трудового законодательства, защищавшего права работающих граждан. Будучи единственным собственником и работодателем, государство (за исключением сельского хозяйства с колхозно-кооперативной формой собственности), минимизировало нестандартную занятость и дискриминацию работников. Переход к рыночной экономике, формирование рынка труда в условиях многообразия форм собственности изменили статус труда на наемный, где спрос на рабочую силу зависит действия законов спроса и предложения. Изменения, внесенные в 2006 г. в Трудовой кодекс РФ¹, имели принципиальный характер и были связаны с расширением возможностей применения работодателями срочных договоров, что актуализировало проблему прекаризации (неустойчивости) труда и неустойчивой занятости населения. В связи с этим, неустойчивая занятость понимается нами как нестандартная форма занятости, характеризующаяся нарушением нормативной системы, системы социальной трудовых отношений, сопряженным с невозможностью защиты права работников и использованием работодателем «неограниченного» рабочего времени как новой «нормы».

«Процессы виктимизации социально-трудовых отношений проявляются в тенденции

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12. 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.

к массовизации неустойчивой занятости и повсеместного сокращения уровня заработной платы, потере многих социальных гарантий (обязательного социального страхования, социальных выплат со стороны работодателей, обусловленных изменением характера трудовых отношений), росте необоснованных увольнений, снижении качества труда и социального самочувствия работающего населения, сопровождающихся снижением социальной защищенности и ростом социальной уязвимости работников» [1].

К субъективным причинам виктимизации социально-трудовых отношений можно отнести падение уровня трудовой морали и культуры деловых отношений. Пассивность трудового поведения большей части наемных работников и низкий уровень социальных притязаний возникли в ситуации нетерпимости работодателей к любым формам проявления активности работников в отстаивании своих прав и снижения роли профсоюзов как партнеров и защитников персонала в социально-трудовых отношениях. Кроме того, «ряд работников, желая выслужиться перед начальством, использует доносы на коллег, предоставляя руководителю конфиденциальную информацию о сотрудниках для интриг и психологического террора» [10].

Со стороны работодателей наблюдается неэффективное, дегуманизированное отношение к трудовому потенциалу. Результатом этого является снижение, а то и снятие, ответственности работодателя за безопасность, уровень и качество жизни подчиненных. Негативная, но все более нарастающая тенденция к выдаче зарплаты в конвертах и, как следствие, неуплата налогов и иных бюджетных отчислений приводят к пролонгированию проблем в будущем: отсутствию социальных выплат, неоплате больничных, низкой пенсии и т. д.

Распространение получили такие явления, как выдавливание и снижение роли профсоюзных организаций и их лидеров, необоснованные увольнения, невыплаты и несвоевременные выплаты зарплаты, разрыв в оплате труда, основанный на гендерном признаке, рост теневой занятости и «серых» выплат, нарушение либо отказ от подписания коллективных договоров, использование практики заемного труда, сверхурочной работы и нарушение норм рабочего времени, нарушение техники безопасности, игнорирование работодателями правил внутреннего распорядка и иные формы деструктивных взаимоотношений субъектов трудового процесса.

Социально-трудовые отношения направлены на установление отношений партнерства, патернализма, солидарности, субсидарности [8, с. 153], которые обеспечивают конструктивное, эффективное развитие организации. Тем не менее, в социально-трудовых отношениях современного общества мы все чаще обнаруживаем преобладание виктимогенных кадровых технологий, основанных на расточительном отношении к персоналу. Свертывание социальных и мотивационных программ, nepoтизм (как форма фаворитизма к друзьям и родственникам), недоверие к людям, несправедливые и непрозрачные с точки зрения работников системы премирования и оплаты труда, субъективизм требований и многие другие [4] — вот далеко не полный список проявления социально-экономических рисков виктимизации в организации. Нельзя не согласиться с А. Пригожиным в том, что умение быть наблюдательным, владеющим искусством «читать человека как открытую книгу» и понимать намерения других людей, а поэтому избегать деструктивных ситуаций и конфликтов, предвидя их последствия, во многом могут защитить человека от опасности стать жертвой преступления [9].

Социально-экономические риски виктимизации сотрудников в организации — не единственные риски, подстерегающие человека на работе, вместе с ними необходимо выделить и социально-психологические. Данный вид рисков выражен постоянными стрессами и дистрессами на рабочем месте, использованием работодателями конфиденциальной, личной информации для давления и манипуляций подчиненными, навешивание на сотрудников негативных «ярлыков» (безработного, изгоя, аутсайдера, нищего, больного и т. д.), использованием легитимных и нелегитимных средств изгнания из организации неугодных и высказывающих претензии лиц, третированием сотрудников как со стороны руководства, так и членов организации.

Для проверки научных гипотез авторами статьи в апреле 2018 г. было проведено разведывательное социологическое исследование (N = 560), целью которого было выявление тенденций виктимизации внутри-организационной среды на предприятиях различной отраслевой принадлежности: сельское хозяйство — 7 %; промышленность — 7 %; оборона и охрана общественного порядка — 7 %; образование — 20 %; сфера услуг — 20 %; торговля — 18 %, транспорт — 6 %; культура — 5 %; медицина — 5 %; экономика — 5 %.

Среди респондентов 60 % женщин и 40 % мужчин, 88 % опрошенных работают на постоянной основе, а 12 % — временно; 16 % занимают руководящие должности, а 84 % — исполнительские.

Таблица 1

Распределение респондентов по стажу работы в организации (в % от числа ответивших)

Стаж работы в организации	%
До 1 года	22
От 1 года до 5 лет	34
Более 5 лет	22
Более 10 лет	22
Итого	100

Полученные в ходе исследования результаты позволили выявить негативные тенденции в социальном и физическом самочувствии респондентов на рабочем месте. Так, на вопрос анкеты: «Как Вы считаете, влияет ли Ваша работа на состояние Вашего здоровья?» — 76 % опрошенных ответили положительно, а 82 % из этой группы респондентов пояснили: «Мое самочувствие обычно ухудшается на рабочем месте».

Одной из задач исследования было выявление факторов и проблем, снижающих удовлетворенность трудом и влияющих на социальное и физическое самочувствие работников, которые мы назвали фактором «токсичности». Полученные данные приведены в табл. 2.

Таблица 2

Мнения респондентов о негативных сторонах работы в организации (в % от числа ответивших)

Негативные стороны работы	%
Стрессы на рабочем месте	41
Плохие условия работы, перегрузки	33
Низкая зарплата	26
Отсутствие карьерного роста	15
Конфликты в коллективе	14
Угроза увольнения	8
Травля со стороны других сотрудников	6
Отсутствие социальной политики компании	6

Анализ данных, приведенных в табл. 2, позволяет сделать вывод о нарастающей тенденции виктимизации труда и росте факторов токсичности во внутриорганизационной среде: стрессы, плохие условия труда, низкая зарплата, отсутствие карьерного роста (приводящее к декаррификации),

конфликты и травля на рабочем месте, отсутствие социальной политики, что снижает социальное, психическое и физическое благополучие трудовых ресурсов современного общества.

Более половины опрошенных (56 %) отметили наличие коллег, подвергающихся оскорблениям на своем рабочем месте, 74 % отметили, что таких людей несколько (от одного до 5), а 26 % респондентов указали на массовый характер токсичных отношений в организации. Агрессия воспринимается как новая норма социально-трудовых отношений. 48 % опрошенных за последний год становились жертвами агрессии со стороны клиентов организации, 35 % столкнулись с агрессивным поведением коллег и 27 % испытывали давление со стороны руководителей. Полученные показатели говорят нам о том, что к фактам девиантного, или токсичного, поведения можно отнести: личностные особенности сотрудников, излишнюю напряженность труда, манипуляции, морально-нравственную невоздержанность и пр. [17, с. 60].

Механизмы стабилизации в организации претерпевают изменения, поскольку в прежнем виде неэффективны и приводят к токсикологизации коллектива, как следствие, снижению результативности. Социологи организаций почти сто лет назад задались вопросом дисфункции организационного управления кадрами [20; 23], отвечая на который, пришли к выводу, что управление новым поколением сотрудников дисфункционально по отношению к эталонному набору функций и оптимальным критериям их выполнения. Здесь речь идет не об ошибках и сбоях, которые являются нормальными элементами прогресса, а никак не патологии [22, р. 839—840]. Не случайно А. Грейф критикует нортовское определение институтов по их (мотивационной и рестриктивной) функциям. Стремление к нововведениям приводит к абстрагированию от полифункциональности и постоянных рефункционализации сотрудников, что способно завести в ловушку функционального детерминизма. Поскольку эволюцией всегда движет краткосрочная перспектива [6, с. 21], то мониторинг и измерение дисфункций управления девиантным поведением персонала — важная задача [15]. Вместе с тем, теория дисфункций хорошо согласуется с теорией функциональной «тупости» (functional stupidity) организаций, описывающей недостаточно изученную сторону организационного поведения, которая связана с вовлечением агентов в субоптимальные

модели действий и дисфункциональные паттерны мышления (dysfunctional thinking) [18, p. 1199], что требует анализа причин, форм проявления и механизмов дисфункциональности когнитивных и рефлексивных способностей компаний. Ведь в современном менеджменте все большее внимание обращается на конструктивные девиации [19; 24], представляющие собой действия субъекта в интересах организации, характеризующиеся целенаправленным нарушением неэффективных правил и процедур для получения необходимого результата. Подобные позитивные девиации посредством своего инициативного поведения обнаруживают имеющиеся в организации дисфункции, но в то же самое время именно они способны к осуществлению инновационных рефункционализационных практик, поэтому их роль в организационном поведении должна быть переосмыслена.

Подводя итог, можно заключить, что, во-первых, проявления отрицательной организационной девиантности негативно сказываются на экономических факторах развития организации, увеличивая ее трансакционные издержки. «Организационный вандализм приводит и к издержкам *ex ante* и *ex post*. *Ex ante* — издержки, связанные с предотвращением и предупреждением организационного вандализма, *ex post* — издержки преодоления последствий организационного вандализма» [2]. Во-вторых, деградация социально-трудовых отношений приводит к снижению уровня социального благополучия и качества жизни персонала, порождая трудовую демотивацию и деградацию, являющиеся причинами организационной дисфункции. Организационную дисфункцию можно обозначить понятием «организационная патология» (А. И. Пригожин), т. е. невозможность достижения целей организации, обусловленная неопределенностью, нестабильностью и все нарастающей сложностью внешней среды [13].

В отличие от организационной патологии, имеющей только один, негативный, вектор развития, организационная девиантность имеет два вектора: позитивный и негативный. Позитивный вектор может выражаться в том, что девиации могут диагностировать проблему, устаревшую норму [15], приводить к смене организационной стратегии, к качественному изменению стратегий управления, к повышению уровня корпоративной культуры и пр., что в итоге приведет к конструктивным изменениям в организации, повысив производительность персонала и качество конечного продукта.

Негативный вектор развития организационной девиантности и организационной патологии влечет за собой исключительно деструктивные изменения. Таковой деструкцией является организационный вандализм, т. е. социально-психологическое явление, характеризующееся несанкционированным изменением (порча, разрушение, деформация, преобразование и пр.) персоналом организационной среды (материальной, информационной, культурной), наносящим ущерб (экономический, экологический, социальный) организации [5, с. 153]. Кроме того, наблюдаемая нами сегодня дисфункция социальных институтов, призванных регулировать помимо трудовых отношений, основы социально-экономической жизни общества, но на деле отдаляющихся от норм и ценностей социального государства, создавая, таким образом, опасность усиления обозначенных тенденций. В итоге обозначенная дисфункциональность способствует усилению отчужденности персонала как главного организационного ресурса, его демотивации, что оказывает негативное влияние на эффективность производства и воплощается в нарастании аксиологического социального конфликта.

Таким образом, социально-философский анализ организационной девиантности выявил необходимость осмысления процесса управления организацией, рефлексии над ним, что позволяет обнаружить границу между управлением, приводящим к девиантности, и управлением, благотворно влияющим на организационную культуру.

1. Бизюков П. Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1 (январь — март). С. 100—109.

2. Гаврилов Д. Е., Оболенская А. Г. Экономические подходы к определению организационного вандализма в муниципальном управлении // Вопросы управления. 2017. № 6. С. 170—176.

3. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 520 с.

4. Журавлева Л. А., Кружкова Т. И., Носкова К. В. Виктимизационные риски социально-трудовых отношений // Достойный труд — основа стабильного общества : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. за вып. И. А. Кулькова, А. Ю. Коковихин,

Е. Б. Дворядкина. Екатеринбург : Урал. гос. экон. ун-т, 2016. С. 66—71.

5. Кружкова О. В., Девятковская И. В. Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 150—169.

6. Маркус Г. Несовершенный человек: случайность эволюции мозга и ее последствия. М. : Альпина нон-фикшн, 2011. 255 с.

7. Менделевич Д. В. Психология девиантного поведения. СПб. : Речь, 2005. 445 с.

8. Нехода Е. В. Развитие социально-трудовых отношений в социальных условиях // Вестник томского государственного университета. 2004. № 283. С. 152—158.

9. Пригожин А. И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 402 с.

10. Сафина Д. Н. Влияние фаворитизма и nepотизма на организационное и экономическое развитие // Дискуссия. 2013. № 10 (40). С. 89—94.

11. Сухарев О. С. Дисфункция управления: как формировать экономическую политику // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1 (68-1). С. 26—40.

12. Сухарев О. С. Теория дисфункции экономических систем и институтов. М. : Ленанд, 2014. 144 с.

13. Федорова А. Э., Меньшикова М. С. Исследование токсических элементов организационной среды на итальянских и российских предприятиях: сравнительный анализ // Изв. УрГЭУ. 2014. № 5 (55). С. 67—76.

14. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе : Тадж. гос. ун-т, 1972. 113 с.

15. Фролов Д. Теория кризисов после кризиса: технологии versus институты // Вопросы экономики. 2011. № 7. С. 17—33.

16. Щекотин Е. В. Социальное управление в турбулентном обществе: вопросы безопасности и риска // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 87—92.

17. Эсаулова И. А., Нагибина Н. И. «Токсичный» персонал: проблемы и методы управления // Управление. 2017. № 5 (69). С. 58—71.

18. Alvesson M., Spicer A. A Stupidity-Based Theory of Organizations // Journal of Management Studies. 2012. Vol. 49, no. 7. Pp. 1194—1220.

19. Galperin B.L. Can workplace deviance be constructive? // Misbehavior and dysfunctional attitudes in organizations / ed. A. Sagie, S. Stashevsky, M. Koslowsky. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2003.

20. Gouldner A.W. The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement // American Sociological Review. 1960. Vol. 25, no. 2. Pp. 161—179.

21. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

22. Loasby B.J. Building systems // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22, no. 4. Pp. 833—846.

23. Perrow Ch. Organizational Prestige: Some Functions and Dysfunctions // American Journal of Sociology. 1961. Vol. 66, no. 4. Pp. 335—341.

24. Vadera A.K., Pratt M.G., Mishra P. Constructive Deviance in Organizations: Integrating and Moving Forward // Journal of Management (forthcoming). URL: <http://jom.sagepub.com/content/early/2013/02/26/0149206313475816> (дата обращения: 28.05.2018).

Reference

1. Bizyukov P. (2013) *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, no. 1 (yanvar' — mart), pp. 100—109 [in Rus].

2. Gavrilov D.E., Obolenskaya A.G. (2017) *Voprosy upravleniya*, no. 6, pp. 170-176 [in Rus].

3. Gilinskij Ya.I. (2004) *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»*. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 520 p. [in Rus].

4. Zhuravleva, L.A., Kruzhkova T.I., Noskova K.V. (2016) *Viktimizacionnye riski social'no-trudovyh otnoshenij // Dostojnyj trud — osnova stabil'nogo obshchestva*. Ekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj ehkonomicheskij universitet, pp. 66—71 [in Rus].

5. Kruzhkova O.V., Devyatovskaya I.V. (2017) *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, no. 63, pp. 150—169 [in Rus].

6. Markus G. (2011) *Nesovershennyj chelovek: sluchajnost' evolyucii mozga i ee posledstviya*. Moscow, Al'pina non-fikshn, 255 p. [in Rus].

7. Mendelevich D.V. (2005) *Psihologiya deviantnogo povedeniya*. St. Petersburg, Rech', 445 p. [in Rus].

8. Nekhoda Ye.V. (2004) *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta*, no. 283, pp. 152—158 [in Rus].

9. Prigozhin A.I. (2007) *Dezorganizaciya: Prichiny, vidy, preodolenie*. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 402 p. [in Rus].

10. Safina D.N. (2013) *Diskussiya*, no. 10 (40), pp. 89—94 [in Rus].

11. Suharev O.S. (2016) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 3-1 (68-1). pp. 26—40 [in Rus].

12. Suharev O.S. (2014) *Teoriya disfunkcii ekonomicheskikh sistem i institutov*. Moscow, Lenand, 144 p. [in Rus].

13. Fedorova A.E., Men'shikova M.S. (2014) *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 5 (55), pp. 67—76 [in Rus].

14. Frank L.V. (1972) *Viktimologiya iviktimnost'*. Dushanbe, Tadzhijskij gosudarstvennyj universitet. 113 p. [in Rus].

15. Frolov D. (2011). *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 17—33 [in Rus].

16. Shchekotin Ye.V. (2016) *Socium i vlast'*, no. 1 (57), pp. 87—92 [in Rus].

17. Ehsaulova I.A., Nagibina N.I. (2017) *Upravlenec*, no. 5 (69), pp. 58—71 [in Rus].

18. Alvesson M., Spicer A. (2012) *Journal of Management Studies*, vol. 49, no. 7, pp. 1194—1220 [in Eng].

19. Galperin B.L. (2003). Can workplace deviance be constructive? // Sagie A., Stashevsky S., Koslowsky M. (eds.) *Misbehavior and dysfunctional attitudes in organizations*. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan [in Eng].

20. Gouldner A.W. (1960) *American Sociological Review*, vol. 25, no. 2, pp. 161—179 [in Eng].

21. Greif A. (2006) *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].

22. Loasby B.J. (2012) *Building systems*. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 833—846 [in Eng].

23. Perrow Ch. (1961) *American Journal of Sociology*, vol. 66, no. 4, pp. 335—341 [in Eng].

24. Vadera A.K., Pratt M.G., Mishra P. (2013) *Journal of Management (forthcoming)*. Available at: <http://jom.sagepub.com/content/early/2013/02/26/0149206313475816>, accessed 28.05.2018 [in Eng].

For citing: Blinova O.A., Zhuravleva L.A., Kruzhkova T.I., Obolenskaya A.G. Organization deviation: philosophic analysis // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 19—27.

UDC 005 + 130.2 + 316.624

ORGANIZATION DEVIATION: PHILOSOPHIC ANALYSIS

Olesya A. Blinova,

Urals State Pedagogical University,
Associate Professor, Cand. Sc. (Philosophy)
The Russian Federation, 620017, Yekaterinburg,
Prospect Kosmonavtov, 26.
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru

Lyudmila A. Zhuravleva,

Urals State Agrarian University,
Associate Professor, Cand. Sc. (Philosophy)
The Russian Federation, 620075, Yekaterinburg,
ulitsa Karla Libknekhta, 42.

Tatyana I. Kruzhkova,

Urals State Agrarian University,
Associate Professor, Cand. Sc. (History)
The Russian Federation, 620075, Yekaterinburg,
ulitsa Karla Libknekhta, 42.
E-mail: rustale@yandex.ru

Alena G. Obolenskaya,

Urals State Pedagogical University,
Associate Professor, Cand. Sc. (Economics)
The Russian Federation, 620017, Yekaterinburg,
Prospect Kosmonavtov, 26.

Annotation

The subject matter of the article is organization deviation as a social-philosophic problem. The authors analyze the topical problem of social and labor relations in present Russian society, to be more precise, the problem of precarization manifested in erosion of employees' rights, pay level recession, growth of dismissals and rise of corporate environment toxic level which result in deterioration in quality of working population. In the authors' point of view present labor relations are characterized by dehumanization and victimization which causes the necessity of philosophic al interpretation of the process of management with the aim of systematic monitoring of social and physical well-being of employees.

Key concepts:

philosophy of organization management,
organization deviation,
social deviations,
organization pathology,
victimization,
corporate environment toxic level.

Для цитирования: Подольский В. А. Анализ различий между традиционализмом и консерватизмом на примере луддитского движения // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 28—40.

УДК 32(091)

АНАЛИЗ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И КОНСЕРВАТИЗМОМ НА ПРИМЕРЕ ЛУДДИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ¹

Подольский Вадим Андреевич,
Институт философии Российской академии наук,
Сектор истории политической философии,
внештатный научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Аннотация

Введение. В данной статье сравниваются традиционализм и консерватизм как политические идеологии. Концептуальные рамки традиционализма представлены на основании анализа опыта движения луддитов и воззрений французских авторов эпохи Великой французской революции. Доказывается, что консерватизм и традиционализм имеют существенные различия, несмотря на то, что они расположены близко друг к другу в политическом спектре. Луддитское движение изучается как пример идеологического конфликта. Эта проблема представляется актуальной в наши дни по двум причинам. Во-первых, экономические изменения и автоматизация создают риски для рынка труда. Во-вторых, из-за миграции как в Европе, так и в России, в устоявшейся консервативной или либеральной среде появляются, с одной стороны, активные, с другой стороны, сравнительно обособленные носители традиционалистской идеологии, из-за чего могут возникать ценностно-обусловленные конфликты. Изучение логики традиционализма поэтому чрезвычайно важно как для того, чтобы сохранять культурную идентичность членов общества, так и во избежание нанесения вреда существующим институтам и отношениям.

Цели. Настоящая работа направлена на выявление отличительных особенностей традиционализма, вычленение ключевых положений идеологии из взглядов участников луддитского движения, их соотнесение с общим контекстом политической философии того времени.

Методы. Для систематизации взглядов луддитов использовался дискурс-анализ, изучена публицистика эпохи. Для изучения взглядов традиционалистов использовался контент-анализ. Для сопоставления традиционализма и консерватизма использовался сравнительно-исторический метод.

Научная новизна исследования. 1) предложено системное сравнение традиционализма и консерватизма как двух идеологических течений; 2) работы французского традиционалиста Л. Де Бональда не переводились на русский язык, их рассмотрение представляет ценность для российской науки; 3) луддитское движение рассмотрено не только в контексте изменения экономических отношений, но и в свете реконструкции политических идеологий и изменения политического пространства.

Результаты. Идеология традиционализма суммирована в виде формул: статичность и сакральность социальных отношений, восприятие общины, а не класса или индивида как политического субъекта, отношение к ремеслу как уникальному искусству, и сопоставлена с консервативными идеями. Это сравнение будет интересно российскому читателю для понимания особенностей эпохи, когда формировалось новое, капиталистическое, мышление, которое определило ход социальной и экономической модернизации в XIX в. и дальнейшее развитие всего человечества.

Выводы. Изучение луддизма, несмотря на локальность феномена, имеет ценность для прогнозирования реакции общества на существенные изменения экономических отношений. Традиционализм — это форма политической утопии, основанная на идее «золотого века» в прошлом. Консерватизм — это работоспособная политическая идеология, которая не только адаптировалась к социально-экономическим переменам последних двух столетий, но и задавала их динамику.

Ключевые понятия:

луддизм,
традиционализм,
консерватизм,
политическая идеология,
де Бональд,
индивидуализм,
модернизация,
британская политическая философия.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Грант номер 17-33-00060-ОГН а1.

В современном мире в контексте процессов глобализации и внутривластных процессов развитых стран можно наблюдать кризис либеральной модели экономического и политического развития, которая в конце XX в. считалась победителем. Процесс глобализации еще не повернулся вспять, но многие идеи, десятилетие назад бывшие маргинальными, теперь получают заметную поддержку как среди электората, так и среди элит. В этой связи возникают риски архаизации социальных практик, и поэтому для современного исследователя политической философии важно понимание различий между традиционализмом и консерватизмом как двумя оппонентами либеральной парадигмы.

В настоящее время в СМИ и научных трудах во всем мире часто обсуждаются перспективы автоматизации и связанные с этим вызовы для экономики и для общества. Из-за развития робототехники устаревает все больше профессий [30, р. 26—27], а концентрация капитала постоянно возрастает. Трудовые доходы в ближайшем будущем будут составлять меньше половины от общих доходов населения планеты, хотя еще в 1970-е они составляли почти 60 % (см. исследование Л. Карабарбуниса и Б. Неймана «The Global Decline of the Labor Share», 2013). По мнению многих исследователей, из-за сокращения роли труда в экономике радикально возрастет поляризация общества, которое разделится на хозяев новых технологий и капитала с одной стороны и безработных бедных — с другой.

Похожая ситуация уже возникала в прошлом, в начале XIX в., во время промышленной революции в Британии, и это была чрезвычайно важная веха в истории модернизации и формирования современного индивидуалистического общества на Западе. Внедрение новых технологий разрушило старые общественные отношения и лишило высококвалифицированных работников источников дохода. Они отреагировали закономерно: начали разрушать новые машины. Многие из современников сочувствовали им, но в основном общественное мнение поддерживало распространение механизмов. В наши дни автоматизация не приводит к массовым разрушениям машин, но опасения по поводу вероятного влияния новых технологий на повседневность встречаются не только среди представителей уязвимых отраслей экономики. В связи с этим представляется целесообразным изучить проблемы той эпохи и их восприятие современниками.

Осторожное или скептическое отношение к новизне в широком смысле — в экономике, в управлении, в общественных отношениях — это особенность двух сопредельных, но не совпадающих идеологий: консерватизма и традиционализма. Оба термина имеют широкое хождение в современной мировой политике. В СМИ, публицистике и иногда в критике консерваторов оппонентами, например Ж.-Ф. Друле («Американский неоконсерватизм: политика и культура реакционного идеализма» (2011)), эти термины могут смешиваться, в равной степени увязываясь с архаичными смыслами: проявления традиционализма зачастую идентифицируются как часть консерватизма. В связи с этим возникает необходимость артикулировать их различия. Уже на уровне базовой этимологизации течений (консерватизм — «сохранение», традиционализм — «приверженность традиции») можно наблюдать ключевое различие между ними — относительную абстрактность консерватизма и относительную конкретность традиционализма. Эти особенности отмечали многие исследователи, например В. Аверьянов («Традиция и динамичный консерватизм», 2012) или П. Кинг («Новая политика. Либеральный консерватизм или те же старые Тори?», 2011). Консерваторы представлены в парламентах и правительствах многих стран, а традиционалистские партии редко набирают больше процента голосов.

Рассуждая о проблемах консерватизма в XXI в., современный исследователь Питер Дори пишет, что консерватизм благодаря Тетчер стал практически неотличим от нео-либерализма в экономической части; при этом нео-либерализм оказывает явно разрушительное воздействие на традиции [18, р. 168]. Нео-консерватизм, таким образом, парадоксально становится и «правее» консерватизма, защищая принципы невмешательства государства и частной инициативы, и «левее» его из-за отрицательного влияния на традиции [6, с. 67, 74]. Дори отмечает упадок консерватизма после Тетчер. Американский консерватизм, по мнению Питера Берковица [10], еще пытается следовать пути викторианского консерватизма и примирять экономическую свободу с традиционными ценностями, но этические и социальные изменения последних лет ставят оба эти принципа под сомнение и, как признает Берковиц, консерватизм уже не сможет вернуть радикальные инновации вспять. В этой связи актуальным становится

вопрос о перспективах консерватизма вообще и формах его существования в частности. Английский политик Дэвид Дэвис обозначает «защиту старых свобод, а не создание новых прав» в качестве приоритета тори [16, pp. 4—11] в будущем и перечисляет ключевые идеи консерватизма: низкие налоги, дерегуляция экономики, относительная изоляция от Европы, регулирование миграции, уменьшение роли профсоюзов. Хотя консерватизм сохраняет некоторое количество базовых принципов, в этическом плане он смешивается с леволиберальной ценностной парадигмой [6, с. 79]. Традиционализм же гораздо больше внимания уделяет ценностям «старого» консерватизма — семье, религии (или хотя бы ритуалу), иерархии.

Если консерватизм исследован как в России, так и в зарубежной литературе, то традиционализм довольно редко оценивается за пределами его национальных и этнических конкретно-исторических форм (чаще всего изучаются культурные практики), и в качестве примеров теоретизированного традиционализма обычно называют немецкий романтизм и британскую «озерную школу». Политический традиционализм — феномен, исследованный относительно мало. Среди работ по политическому традиционализму можно упомянуть текст Б. Джессопа «Традиционализм, консерватизм и британская политическая культура» (1974) и «Консерватизм в Европе 1770—1945: традиционализм, реакция и контрреволюция» Дж. Уэйса (1977). На стыке проблематики трудовых отношений и традиционализма — работа Г. Лангенфельт «Историческое происхождение восьмичасового рабочего дня; исследования английского традиционализма» (1954). В русскоязычной литературе исследованиям традиционализма посвящена работа Л. А. Сугрея «Традиционализм в контексте социально-философского анализа» (2003).

Русский филолог И. И. Кравченко в качестве ключевых представителей теории традиционализма XVII в. называет Р. Фильмера (Британия) и Ж. Б. Боссюэ (Франция), в XIX в. это К. Л. фон Галлер (Швейцария) и К. С. делла Маргарита (Италия). Наиболее известная фигура в политическом традиционализме — это Л. де Бональд. В российской науке он упоминается сравнительно редко: его работы не переводились с французского. Ему посвящены работы Д. Клинка «Французский контрреволюционный теоретик, Луи де Бональд» (1996), Б. Мазлиха «Берк, Бональд и де Местр; исследование

консерватизма» (1955), К. Бламиреса «Три критика французской революции: Местр, Бональд и Сен-Симон» (1986), М. В. Тишковой «Политические взгляды Луи де Бональда у истоков французского традиционализма» (2006) и др.

Главный предмет настоящего исследования — луддитское движение — заслуживает внимания как один из примеров исторического поражения традиционализма в европейской политической практике. Помимо этого, луддизм как частный случай традиционализма связан с важнейшими вопросами, обсуждение которых во многом определяло ход политического дискурса в XIX в. и не потеряло актуальность сегодня: отношение труда и капитала (мастера и наемного рабочего), отношение к природе, отношение между обществом и государством, ценность профессии и мастерства, соотношение преемственности и прогресса, соотношение закона, интересов и традиции. Различия в решении этих вопросов позволяют более четко обозначить разницу между консерватизмом и традиционализмом.

Луддизм ограничен во времени (1811—1817) и в пространстве («Мидлендс», центральные графства Британии — Ноттингемшир, Йоркшир, Ланкашир), но тем не менее он получил колоссальное внимание со стороны исследователей. В русской литературе луддитское движение освещено в трудах В. Васютинского (1929), Л. Рыклина (1933), А. А. Зворькина (1962), Е. Б. Черняка (1962), В. П. Волгина (1976), Л. Е. Кертмана (1979). Из французских авторов можно упомянуть работу В. Бурдо и Ф. Жарриж (2006). В Германии вопросами луддитского движения занимались Р. Тауберт и М. Хенкель (1979), Р. Питер (1984), М. Спер (2000). В англоязычной литературе феномену посвящено большое количество материалов, от записей очевидцев, как, например, «Обращение к публике... о беспорядках на севере от участника событий» Френсиса Рейнса (1817) и «История вязальных машин и кружев» пострадавшего от луддитов Грэвенера Хенсона (1831), до исторических исследований, например «Истории луддитов и чартистов» Франка Пила (1880), «Разрушителей машин» Э. Хобсбаума (1952) и масштабной монографии «Тексты луддитов» Кевина Бинфилда (2004).

О луддитах повествует рассказ Шарлотты Бронте «Ширли», «Наследие» Филиппа Бентли, «Through the Fray» Г. А. Хенти, «Ben o' bills» Д. Ф. Е. Сайкса и Г. Х. Уолкера, «Разрушители машин» Эрнста Толлера.

Феномен породил прочно вошедший в речь англоговорящей публики термин «луддит», который сегодня используется для обозначения неприязни к технологии [15]. Нео-луддиты — это сформировавшееся во второй половине XX в. интеллектуальное течение, которое относится к технологическому развитию как источнику проблем для человека [25, р. 20], а не средству решения существующих задач [19, р. 15].

Луддитское движение представляет интерес как эпизод из эпохи кардинальных изменений общественных отношений. Период смены XVIII в. веком XIX — это время перехода от традиционного общества к современному. Две революции предопределили направление развития мира на два века вперед — промышленная в Англии, на которую реагировали луддиты, и политическая во Франции, на которую реагировали консерваторы и традиционалисты.

В Средние века и Новое время применение машин было ограничено законодательно, а случаи стихийного разрушения новых механизмов встречаются в Европе в течение XVII—XIX в. [3, с. 438]; английский Парламент в 1727 даже вводил закон о смертной казни за разрушение машин [11, р. 15]. Внедрение изобретений в текстильной отрасли Британии привело к грандиозному увеличению производительности труда и расслоению ремесленного и торгового сословий [33, р. 42—43]. Де Бональд задолго до распространения социалистических учений обратил внимание на то, что новый капитал концентрировал не только ресурсы (на новых фабриках), но и население (в промышленных городах), вытесняя мелких ремесленников и буржуа [13]. Де Бональд убежден, как и социалисты, что промышленная революция редуцировала сложную структуру общества [12, р. 28], сведя ее к противостоящим пролетариату и капиталистам [8]. Задолго до Диккенса и Карлейля де Бональд критикует эту экономическую модель, противопоставляя ей идеализированные трудовые отношения *ancien régime*. Потеряв работу, ткачи не имели возможности переквалифицироваться [33, р. 44] из-за избытка предложения на рынке труда: параллельно с введением новых механизмов активно шло огораживание земель, и множество крестьян лишалось земли, формируя массу пауперов. Также ткачи не могли, вопреки британской максиме, «опираться на собственные силы»: развитие фабричного производства делало невозможным продажу кустарной продукции, разрушалось доступ-

ное в прошлом многообразии занятий ремесленника [3, с. 495].

Ткачи были вынуждены апеллировать к Парламенту, с большим или меньшим успехом, ссылаясь на старые хартии, которые защищали их отрасли от изменений. Они протестовали против отказа парламента принять закон о «тайне ткачества» в 1768; 50 000 человек обратилось в Парламент с петицией против чесальных машин Аркрайта; в 1799 в Ноттингеме ткачи ломали станки, когда парламент отверг их петицию о минимальной заработной плате [5]; ткачи подавали петицию против использования широких станков, производивших некачественную продукцию, и избыточного числа подмастерьев [20, р. 226]. Постепенно уступки властей все сокращались [17, р. 374], пока, наконец, законодательство не стало работать сугубо в пользу крупного производителя: уже к концу первого десятилетия XIX в. все старые ограничения на использование механизмов были отменены.

Первый крупный историк луддизма Ф. Пил с горькой иронией описывает «несмышленных» рабочих, которые «отказывались по невежеству своему ложиться под колеса прогресса» и «не читали Мальтуса и не понимали, что не заслуживают общественных благ» и не могут оценить прекрасных нововведений, которые «выбрасывали тысячи на улицу, лишая их средств к существованию и превращая рабочих в попрошайек» [31, р. 25—26]. Поэтому, продолжает он, они «по глупости своей» решили уничтожить машины, лишавшие их хлеба.

Движение луддитов сформировалось в известном восстаниями ткачей Ноттингемшире, термин впервые был употреблен в местной газете «Ноттингемское обозрение» в 1811 г. и затем стал популярным [25, р. 47]. По местной полуполюгендарной версии, на которую ссылалось большинство современников и многие историки, Эдвард «Нед» Лудд был простоватым ткачом, который разломал свой станок когда-то в 1780-е после того, как получил упрек в нерасторопности от работодателя. Именно на эту фигуру ссылались ткачи, когда отвечали «Лудд сделал это», если у них спрашивали о сломанных станках. Другая версия — от местного словечка «ludd», обозначающего в определенном контексте «разломать».

Луддитское движение было беспрецедентным в истории разрушения машин не только по массовости и организованности, но и по солидарности, которая создавалась за счет образа «лидера» в лице «Генерала

Лудда», «защищавшего» законные права ткачей Ноттингема, «объединявшего» ткачей хлопчатобумажной отрасли Манчестера, и «охранявшего закон» в Йоркшире [11, р. 18].

Луддиты рассылали угрожающие письма владельцам станков, и, в случае если владелец не убирал механизмы, они их разрушали. Всего за три недели в 1811 г. в Ноттингеме было разломано две с половиной сотни станков [31, р. 31—32]. Активность луддитов привела к восстановлению закона о смертной казни за разрушение машин, против чего горячо выступал лорд Байрон, представлявший в палате лордов именно это графство [14]. Впрочем, ни один из участников этих событий не был арестован, поскольку луддиты успевали скрываться до появления представителей властей, а население не выдавало их, поскольку было преимущественно на их стороне из-за неприязни к новому капиталистическому порядку [32, р. 348]. Ф. Дарвол и Э. Хобсбаум объясняли луддизм как «торг через бунт», исторически привычный для Англии. До трейд-юнионизма, уверен Хобсбаум, разрушение машин было самым эффективным инструментом, доступным рабочим [21, р. 59].

Луддиты считали, что борются с нарушениями Хартии о свободах ткачей Карла II и еще более древних документов: Статута о ремесленниках 1563 г. и Статута работников 1381 г. [24]. «Мы уверены, что Парламент был обманут, и считаем акт против разрушения машин незаконным», писали они [36, р. 531].

Вскоре разрушение машин перекинулось в Йоркшир — здесь во главе бунта стояли стригальщики, специалисты по ручной обработке шерсти — для этого использовались огромные тяжелые ножницы, управляться с которыми мог только очень квалифицированный и сильный рабочий [11, р. 16]. Популяризация ворсовальных машин (которые ранее были запрещены ещё указами XVII в.) и появление стригальных машин в купе с общим упадком в отрасли обесценивали сложный труд стригальщиков и лишали их работы, до 25 % населения региона не имело достаточно средств на пропитание [31, р. 27]. Как и в Ноттингемшире, луддиты рассылали угрожающие письма от генерала Лудда тем предпринимателям, которые использовали «отвратительные машины», и по ночам разрушали станки огромными молотами (отсюда поговорка «Енох их сделал, Енох их и ломает» — Енохом звали местного производителя станков и кувалд), если

предприниматели отказывались избавиться от них самостоятельно.

Наконец, движение проникло и в Манчестер и Ланкашир, где совпало с голодными бунтами. Манчестерские ткачи были доведены до крайней нужды из-за высоких налогов, низких зарплат, безработицы и дороговизны и, как и ноттингемширские ткачи, отправили петицию в Парламент, которая была проигнорирована. Продавцы тканей и ткачи собирались обсудить участь отрасли, но продавцы уже достаточно дистанцировались от работников, поэтому диалог не состоялся, и мирные собрания ткачей стали разгонять. Ткачи, а также другие полуголодные жители Манчестера и его округи ответили разгромами больших фабрик и разрушением паровых ткацких станков [25, р. 57]. Военные стреляли по толпе, были убитые. В печати луддитов в основном критиковали, не упоминая их крайне тяжелое положение [35, р. 110].

В Йоркшире происходили самые настоящие военные действия. После ряда неудач стригальщики перешли от погромов машин к расхищению арсеналов [31, р. 36]. Ряд историков (например, Е. П. Томпсон) поэтому убеждены, что луддитское движение могло стать основанием для полномасштабной революции [29, р. 282], ведь, во-первых, с 1640-х гг. Англия не знала столь серьезной активности военных на своей территории и, во-вторых, луддитам случалось высказываться в поддержку французской революции вопреки консервативному отвержению к революции, которое в то время было британским консенсусом [23]. Напуганная активностью луддитов, йоркширская администрация требовала все больше и больше военной поддержки, пока, наконец, в графстве не собралось больше солдат, чем в свое время вел Веллингтон в иберийскую кампанию [34]. Впрочем, еще современники (в том числе генерал Мейтленд, руководивший войсковой операцией) [29, р. 289] отмечали, что размах движения луддитов был существенно завышен, и именем Лудда зачастую прикрывались обычные бандиты [35, р. 100]. После масштабной неудачной атаки луддитов на Роуфорд Миллс 14 человек было казнено [28, р. 13] и несколько сотен выслано в Австралию. В Ланкашире луддитское движение закончилось казнью 10 из его участников, еще 38 было сослано [34]. Движение пошло на спад и полностью прекратилось к 1817 г. Механизация выбила до двух третей рабочих из отрасли [33, р. 67], к середине века большинство из ре-

месел, которые защищали луддиты, перестало существовать [22, р. 39].

Луддитов поддерживали такие выдающиеся личности, как Лорд Байрон, им симпатизировали Джон Рёскин, Томас Карлейль, Чарльз Диккенс, Уильям Вордсворт, которые говорили об угрозе машины для общества. Пастор Патрик Бронте, отец Шарлотты Бронте, которая написала роман «Ширли» о луддитах, втайне позаботился об одном из раненных в атаке на Роуфорд Миллс, а впоследствии и похоронил его [19, р. 36—40]. Друг Байрона, Перси Шелли, создал фонд для сирот-луддитов.

Как пишет Б. Капустин, для луддизма характерна незрелость политического действия [2, с. 69]. Активность луддитов и других разрушителей машин (например, молотильщиков, участников «Бунта капитана Свинга» — от *swing*, взмах цепа, которые также рассылали угрожающие письма от имени Капитана) [9, р. 16] не соответствовала новым политическим реалиям и ускоряющейся деконструкции традиционного общества. Луддиты апеллировали к старым общественным связям, в то время как уже сформировались и окрепли новые. Действия и задачи другого массового движения рабочих, чартистского движения, потрясавшего британскую политику в 1840-е, были уже в полной мере обращены к новым политическим реалиям и демонстрируют модернистскую политическую логику.

Эпоха луддитского движения — то время, когда консерватизм уступил традиционализму статус наиболее реакционного течения европейской политической мысли. Консерватизм чаще всего связывают с работой «Размышления о революции во Франции» Э.Берка. Согласно другой трактовке [37, р. 9], первыми консерваторами были феодалы, которые противились инноваторским инициативам абсолютизма в XVII—XVIII вв., и теоретиком здесь можно считать Монтескье. Еще до французской революции немецкий автор Ю. Мёзер артикулировал принципы консерватизма: защита локального управления от произвола центральной власти и критика политического прожектерства [6, с. 37—42].

Традиционализм в течение некоторого времени противостоял консерватизму: его основные теоретики XVII в. (Фильмер, Боссюэ) были апологетами абсолютизма. Де Бональд фиксирует это отличие, и в его время традиционализм становится идеологией более критичной ко всему новому, чем консерватизм. В отличие от консерваторов, де Бональд уверен, что изменение

вообще — синоним зла: Де Бональд восхищался условиями своей жизни [27, р. 137, 151] и стремился сделать их неизменными; де Местр, как пишет Исая Берлин, тоже пытался остановить движение истории своей прозой [1, с. 211].

Традиционализм считает существующий общественный порядок сакральным, описывая социум как часть мирового, божественного, телеологического порядка. Данную точку зрения разделяли ранние консерваторы (Берк пишет о пруденции как постоянном сопоставлении социальных порядков с божественными), но консерватизм постепенно удалялся от нее (Дизраэли, Рёскин). Единственной допустимой организацией общества считалась иерархия сословий (в консерватизме эта идея сохранилась по сей день в виде концепции органичности неравенства) [18] с сильным духовенством и монархией, подчиненной Риму. В протестантской Британии ультрамонтанство не могло быть популярным, но в остальном луддитское движение в полной мере ориентировалось на средневековую статичную картину мира, ценность гильдий и защиту прав ремесленников согласно старым порядкам.

Политические идеи и концепцию божественного права де Бональд заимствует из допросвещенческой философии и схоластики и повторяет идеи Боссюэ, утверждая, что короли — это министры Бога, и их интересы едины с народными. Иерархия и необходимость подчиняться власти, пересказывает де Бональд Боссюэ, призваны ограничить порочную и конфликтную (на что обращают внимание де Местр и Берк) природу человека, но в то же время сохранить свободы: согласно традиционалистам, власть от Бога гарантирует человеческую свободу, потому что устроена на фундаментальных законах вселенной. Во избежание войны всех против всех и для поддержания стабильности общество должно иметь только одну голову — монарха, уверены они [27, pp. 130—154]. Аргументацию для защиты этого утверждения де Местр собирал из обширного эмпирического материала, который представлял послереволюционный хаос во Франции. Де Бональд не верил в просвещенческий разум, потому что права человека в его время означали казнь короля, а суверенитет разума — преследования католиков. Как традиционалисты, так и многие консерваторы обвиняют философские проекты изменения общественного строя в том, что они подвержены влиянию страстей исследователя,

противоречат интуиции и предлагают чрезмерно разбросанные интерпретации природы. Представители обоих направлений критикуют рационализм и механицизм просветителей за игнорирование политического опыта, рассуждая о неприемлемости использования априорного знания в области политики (де Местр — через обличение концепции «общечеловека» и идеи замещения персонализированной власти короля законом). По мнению де Местра, власть не может иметь силы и уважения, если она рациональна, ограничена и постижима, поэтому основание правления всегда иррационально; в качестве иллюстрации этой идеи он приводит пример неписанной английской конституции. Де Бональд считал, что люди не могут почитать новое, потому что они скептически относятся к тому, что понимают. Традиционалисты и консерваторы уверены, что власть должна принадлежать созданному обществом (а не философами) и устоявшимся институтам [1, с. 214—217, 226—233, 249, 295]. Луддиты защищали свое ремесло именно в этом контексте: оно выполняло свои социальные и экономические функции веками, и столетиями его охранял закон.

По мнению традиционалистов, просветительское «общество как деловое сотрудничество», которое обязано обосновывать себя договором, нежизнеспособно; общество — это необходимое условие существование человека, а не просто юридический конструкт. Общественный договор предполагает равенство сторон, и применение власти, подразумевающее подчинение, становится невозможным.

Общество предшествует индивиду и служит основой цивилизации, пишет де Бональд, а человек значим только в социальном контексте. По мнению традиционалистов и ранних консерваторов (Де Местр цитирует Берка про невидимые связи в обществе), общество — это органическая личность, и благополучие государства как сущностного единства важнее благополучия отдельных членов. Де Бональд считал, что степень свободы определяется социальной интеграцией [7, с. 386]. Историки Дж. Бокстед и К. Калоун считали, что луддиты были защитниками общинного традиционализма. У традиционалистов ценность общины обосновывается теоретически: вне общины индивид ищет средства для удовлетворения своих прихотей, а не созидания общего блага, а утилитаризм и гедонизм, по де Местру, не могут быть целью общества. Общество выстроено на самопожертвовании без оцен-

ки выгоды, только для непрерывности социального бытия [1, с. 242].

Критика индивидуализма — это сугубо традиционалистская идея, которая на протяжении XIX в. вымывалась из консерватизма: если у Берка единицей измерения общественного бытия была группа интересов, то Карлейль и Рескин апеллируют уже строго к индивиду. По мнению де Бональда, индивидуальная свобода — опасная химера. К тому же, уверен де Бональд, существование не обусловленных обязанностями «прав» делает каждого человека потенциальным тираном. Де Бональд знал из своего опыта, что дворянин — это служитель сообщества, а не тот, кому служат [12, р. 27]. Мысль о том, что права — это производное от обязанностей, которую высказывали Берк и Саути, у де Бональда выражена сильнее: он уверен, что права — это права выполнять обязанности [27, р. 133, 142, 149].

Де Бональд задолго до того, как критика идей *laissez-faire* стала набирать популярность, сформулировал проблему соотношения равенства в правах и неравенства экономических возможностей. Именно идея «договора» использовалась как аргумент в дискуссии о пауперизме в начале XIX в.: считалось, что лишенные земли крестьяне и ткачи идут на фабрики как свободные участники экономической деятельности. Промышленники до середины XIX в. воспринимались не как эксплуататоры, а как «добрые люди, помогавшие этим несчастным» [4, с. 36] и дававшие шанс детям заработать. Де Бональд возражает: если люди равны в правах, но у части нет средств к существованию — это не равенство, уверен он. Похожих взглядов придерживались представители британской «озерной школы», которые сочувствовали потерявшим из-за промышленной революции возможность зарабатывать крестьянам и ремесленникам.

Традиционалисты ценят проверенность, привычность, постоянство и цикличность не только в общественных отношениях, но и в организации производства. Де Бональд, выходец из района мелких землевладельцев, крайне близок к луддитским идеям, когда защищает сельское хозяйство в своей статье «О сельской семье...». Де Бональд описывает естественность и семейственность сельского производства и неестественность промышленного: в период луддитского движения сокращался срок контрактов и формат отношений между нанимаемыми сельскохозяйственными рабочими и земле-

владельцами изменился с «семейного» на строго капиталистический [5].

Известнейшая работа «О разводе» де Бональда оказала огромное влияние на французское законодательство — по инициативе де Бональда развод был запрещен, и запрет держался до 1884 г. По мнению де Бональда, семья, приход, гильдия, были очагом добродетели, совершенства и счастья. Гильдии старого порядка также помогали связать общество вместе, т. к. они функционировали, подражая семьям, и были основаны на постоянстве [12, р. 23—29]; об этом же писал Ю. Мезер.

Из-за зависимости от погодных циклов, по де Бональду, крестьяне уповают на Промысел. Рабочие, напротив, зависят только от деятельности человека и поэтому обвиняют в своих бедах богатых и правительство и создают нестабильность. Крестьянская община поддерживала короля и церковь, а вольнодумство выросло в городах. Похожие идеи высказывал Дизраэли периода «Молодой Англии».

Фермер трудится умом, закаляет тело и усваивает естественную эстетику природы, а фабричный рабочий сам превращается в машину, писал де Бональд. Промышленность, уверен он, — это враг порядка: из-за привязанности промышленников к своеволию, коммерция рождает войны и вседозволенность. Она вырастила тягу к роскоши, которая ведет к разложению. Она вызвала избыточный рост населения и рушит семью. Только локальная форма промышленности (т. е. именно такая, которую защищали луддиты), писал де Бональд, приемлема, поскольку ее эффективность подтверждена многовековым опытом [13].

За полвека до популяризации идей Маркса традиционалистская реакция луддитов выявила новую форму отчуждения труда. Если консерватизм (возможно, из-за того, что его представители принадлежат к протестантской, а не католической культуре) воспринял идеи своего времени и выражал в вопросах трудовых отношений как утилитаристские идеи (Дж. Ф. Стивен), так и почти социалистические (Рёскин), то традиционализм предлагает относиться к рабочему не просто как к оператору средств производства, который претерпевает приходящие «сверху» постановления государства и капитала, а как к созидателю, активному участнику творческого процесса. Традиционализм воспринимает труд в первую очередь как ремесло, таинство, исполнение долга через применение талантов на службу общине [12, р. 28], а не как источник прибыли.

Традиционная культура не меняла производство и типы социальных отношений поколениями, и XIX в. как эпоха масштабных изменений в обществе, экономике и политике вызывал отторжение и неприятие у традиционалистов как представителей старого порядка — ремесленников в лице луддитов и старой аристократии в лице французских теоретиков. Консерватизм, напротив, был представлен во многом «новыми» классами (например, Дизраэли и Рёскин происходили из торговых семей, Берк, критиковавший Генеральные штаты за преобладание в них юристов, был сыном адвоката и т. д.), но тем не менее сумел, опираясь на политические традиции и принцип умеренности, предотвратить в Британии якобинские, антимоноархические и социалистические потрясения.

Консерватизм и традиционализм имеют общие черты: неприязнь к не опробованным на опыте моделям управления, восприятие защиты от хаоса как ключевой задачи политики, бережное отношение к существующей социальной структуре, восприятие общества как организма, уважение к культурным привычкам («предрассудкам» по Берку) населения и убежденность в ограниченности неравенства и преобладании страстей над разумом в поведении человека (и, следовательно, учет иррационального в управлении), восприятие прав как следствия обязанностей; оба течения полагают, что исправление недостатков общества достигается через личную борьбу с пороками каждого человека, а не через изменение учреждений.

Отличия между консерватизмом и традиционализмом в XIX в. состояли в том, что традиционализм опирался на абсолютизм, католичество, феодальное сельскохозяйственное производство, привилегии сословий, иерархию, гильдейскую организацию. Консерватизм постепенно приходит к индивидуализму, традиционализм же нацелен в первую очередь на защиту общины и возражает против индивидуальной свободы в либеральном смысле. Консерватизм возражает против вмешательства государства в местные дела, традиционализм — против вмешательства правительства в отношения между общиной и индивидом.

Де Бональд не изучал свое время, отмечает британский исследователь Гарольд Ласки [27, р. 128]; это важное отличие от консерватизма, ключевым инструментом управления которого было детальное исследование ситуаций. Луддитское

движение показывает, что традиционализм уделяет гораздо больше внимания проблемам прогресса, техники и экономической и социальной статике, чем консерватизм, полемизирует с культурой модерна, которая производит агрессивное, ускоряющее изменение природной и общественной среды. За 150 лет до того, как Хоркхаймер и Адорно поставили проблему обезличивающей массовой культуры (ставшей возможной в частности благодаря массовому, конвейерному производству), луддиты защищали уникальность своих ремесел. Консерватизм не выдвигает принципиальных возражений против изменения природы для нужд человека, традиционализм защищает поддержание круговорота бытия, невмешательство. Традиционализм защищает конкретные исторические формы, метафизичен, основан на романтизме, архаике. Консерватизм, напротив, эмпиричен, практичен, нацелен на устойчивое развитие и стабильность. В противоположность традиционализму, консерватизм идет вперед, оглядываясь назад; по Р. Пилю, проводит реформы при сохранении порядка [6, с. 19].

Изменение общественных отношений в результате французской революции постепенно привело к отмиранию социальных и политических форм, защищаемых традиционализмом. В отличие от консерватизма, который сумел адаптироваться к изменяющимся условиям и оформиться в качестве политического метода, а не системы ценностей, традиционализм пытается сочетать и форму в виде набора методов управления, и содержание в виде строго очерченной системы ценностей. Выйдя за свойственные политическим концепциям функции, традиционализм потерял свою работоспособность и превратился в просвещенческую утопию золотого века в прошлом [6, с. 174]: французские монархисты и бонапартисты в течение всего XIX в. с переменным успехом пытались восстановить монархию и империю, не принимая революцию и реставрацию как части французской истории. В конце XIX — начале XX в. происходит постепенная подмена традиционалистских смыслов ультраправой риторикой (от реставрационного дискурса до антисемитской позиции в известном «деле Дрейфуса»). Известнейший представитель французских «правых» Ш. М. Моррас (*Action Française*) рассматривал католицизм и монархию уже скорее как средства поддержания и воспроизводства французской идентичности, а не как ценности [26]; вероятно, именно из-за

Морраса Берлин ассоциировал де Местра с фашизмом. В европейских странах и Японии традиционализм ко второй половине XX в. маргинализуется как сугубо культурный (этика труда и общечеловеческого) или даже обрядовый (конституционные монархии) феномен.

Повседневный традиционализм остается сильным в Британии, как и явно выраженная классовость общества и неравенство. Тем не менее, множество традиций исчезает, этика меняется (снижается посещаемость церквей, ослабевают институт брака, размывается определение девиантного поведения), возникает вероятность изменения моделей управления по образу континентальной Европы — например, в 1999 г. были отменены права наследственных пэров в палате Лордов. Однако вне резких социально-экономических потрясений, которые могли бы переломить трехсотлетний британский скепсис по отношению к переменам в правлении, основные принципы консерватизма в перспективе остаются прежними: учет неравенства как проявления человеческой природы при сохранении национального единства [18, р. 249], постепенное внедрение нововведений с опорой на опыт, ограниченное правление, сильное самоуправление и самоорганизация, артикулированные в концепции «Гражданского консерватизма» Д. Уиллетса (современного популяризатора консервативных идей), экономическая свобода и отсутствие препятствий в виде подавляющих налогов для наиболее экономически активных членов общества.

В феноменальном смысле в наше время различие между консерватизмом и традиционализмом может быть проведено в контексте концепции «столкновения цивилизаций» — идейный, социальный и институциональный разлом сформирован противостоянием двух политических и культурных «игроков», условно-христианского Запада и мусульманского Востока; ислам формирует традиционалистское идейное пространство, а в прогрессистском западном мире консерватизм служит защитой от излишнего радикализма нововведений. Конфликт этих идеологий чреват серьезными социальными потрясениями, поэтому их изучение и анализ чрезвычайно важны.

Сравнение традиционализма и консерватизма важно в международном контексте для качественного анализа культурных парадигм, социально-экономических отношений в разных странах. Изучение традиционного общества имеет большое значение для

концепции устойчивого развития и анализа проблем техногенной цивилизации. В качестве примеров таких исследований можно упомянуть тексты Д. Нобла (1995) и К. Сейла (1999) об агрессивности прогрессизма или Ж. Фурастье (1949) о длительности существования традиционного общества и неопределенности перспектив современного техногенного общества.

Анализ луддизма важен для работы с такими проблемами, как отношения труда и капитала, связь автоматизации и безработицы, сохранение идентичности и уникальности ремесел и профессиональных компетенций. Луддизм как исторический феномен, хотя и не охватил всю Британию, стал одним из самых серьезных вызовов для королевства за последние 300 лет. Учёт опыта этого движения полезен как для исследователей, так и для лиц, принимающих решения для прогнозирования рисков, связанных с возможными изменениями социально-экономической ситуации в будущем. Знакомство с опытом луддизма полезно для отечественной науки для оценки периода индустриализации и модернизации в России в 1930-е гг., который происходил не менее драматично, чем в Англии начала XIX в.

Изучение традиционализма также важно для формирования в отечественной науке целостного представления о консерватизме, поскольку, в отличие от Англии, континентальной Европы и США, преемственность консервативной мысли в России прерывалась. В последние десятилетия это направление изучается такими авторами как В. А. Гусев, Н. Ф. Жирнов, К. А. Лотарев, Б. Г. Капустин, А. Н. Мочкин, А. Г. Мысливченко, С. П. Перегудов, А. М. Руткевич, В. И. Шамшурин, М. М. Федорова и др.

1. Берлин И. Философия свободы. М. : Новое литературное обозрение. 2001. 448 с.

2. Капустин Б. Г. Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире) // Логос. 2012. № 4 (88). С. 36—70.

3. Маркс К. Капитал. Т. 1. М. : Госполитиздат. 1949. 900 с.

4. Мюрберг И. И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискуссии. М. : Идея-Пресс. 2009. 236 с.

5. Поулсен Ч. Английские бунтари / пер. с англ. С. В. Кибирского ; ред., предисл. и коммент. С. Н. Бурина. М. : Прогресс. 1987. 278 с.

6. Руткевич А. М. Что такое консерватизм? М. : Университет. кн., 1999. 224 с.

7. Федорова М. М. Западноевропейский консерватизм первой половины XIX века // Европейская политическая мысль XIX века / [отв. ред. И. К. Пантин, И. И. Мюрберг]. М. : Наука. 2008. С. 383—424.

8. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 231—517.

9. Archer J. E. Social Unrest and Popular Protest in England, 1780—1840. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Pp. VI, 110.

10. Berkowitz P. Constitutional conservatism: liberty, self-government, and political moderation. London : Hoover institution Press, 2013. 146 p.

11. Binfield K. Writing of the Luddites. Baltimore : John Hopkins University Press, 2004. 312 p.

12. Blum C.O. On Being Conservative: Lessons from Louis de Bonald The Intercollegiate Review // Spring. 2006. Pp. 23—31.

13. Bonald, L.G.A. de. On the Agricultural Family, the Industrial Family, and the Right of Primogeniture // Critics of the Enlightenment / C.O. Blum, ed. and transl. Wilmington DE : ISI Books. 2004. pp. 107—132.

14. Byron G.G. Speech in the House of Lords on the 1812 Frame Breaking Act // The Parliamentary Debates from the year 1803 to the present time. Vol. XXI / ed. by T.C. Hansard. London : T.C. Hansard, Peterborough Court, Fleet Street, 1812. Pp. 966—972.

15. Conniff R. What the Luddites Really Fought Against // Smithsonian magazine. 2011. March.

16. Davis D. The Future of Conservatism: Values Revisited. London : Biteback Publishing, 2011. 386 p.

17. Dinwiddy J.R. Radicalism and Reform in Britain, 1780 to 1850. London : The Hambledon Press. 1992. 476 p.

18. Dorey P. British Conservatism, The Politics and philosophy of inequality. London: I.B.Tauris & Co, 2011. 288 p.

19. Fox N. Against the Machine: the Hidden Luddite History in Literature, Art, and Individual Lives. Washington : Island Press. 2002. 240 p.

20. Hammond J.L., Hammond B. The Skilled Labourer, 1760—1832. London : Longmans, Green, and Co, 1919. 424 p.

21. Hobsbawm E. The Machine Breakers // Past and Present. 1952. No. 1. Pp. 57—70.

22. Hudson P. The Genesis of Industrial Capital: A Study of the West Riding Wool Textile Industry, c. 1750—1850. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. Pp. XX, 345.

23. Jeffrey S. Rebels against the machine // *Socialist Review*. 1993. Iss. 169. November.

24. Jones R. The Luddites: At War with the Future // *History Today*. 2012. Vol. 62, iss. 5.

25. Jones S.E. Against Technology. From Luddites to Neo-Luddism. New York : Taylor and Francis Group, 2006. 288 p.

26. Kalman S., Kennedy S. The French right between the wars: political and intellectual movements from conservatism to fascism. New York : Berghahn Books, 2015. 274 p.

27. Laski H. Authority in modern state. New Haven : Yale University Press, 1919. 412 p.

28. Linebaugh P. Ned Ludd & Queen Mab: Machine-Breaking, Romanticism, and the Several Commons of 1811—12. Oakland : PM Press, 2012. 48 p.

29. Navickas K. The search for 'General Ludd': the mythology of Luddism // *Social History*. 2005. Vol. 30. No. 3. August. Pp. 285—291.

30. Noble D.F. Progress without people: new technology, unemployment, and the message of resistance. Toronto: Between The Lines, 1995. 184 p.

31. Peel F. The Risings of the Luddites, Chartists & Plugdrawers. Heckmondwike : Senior and Co Printers, 1888. 366 p.

32. Prentice A. Historical sketches and personal recollections of Manchester. Intended to illustrate the progress of public opinion from 1792 to 1832. Manchester : J.T. Parkes. 1851. 460 p.

33. Randall A. Before the Luddites: custom, community and machinery in the English woolen industry, 1776—1809. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. Pp. XVII, 318.

34. Sale K. The Achievements of 'General Ludd'. A Brief History of the Luddites // *The Ecologist*. 1999. Vol. 29, no. 5. Aug./Sep.

35. The Beggar's complaint against rackerent Landlords, Corn Factors, Great Farmers, Monopolizers, Paper Money Makers and War, and many other Oppressors and Oppressions. Also, some observation on the conduct of the Luddites, in Reference to the Destruction of Machinery. Sheffield : J. Crome, 1812. 130 p.

36. The declaration of the framework knitters, 1 Jan. 1812. Public Record Office, Home Office, 42, p. 119 // A. Aspinall and E. Anthony Smith, eds. *English Historical Documents*, XI, 1783—1832. New York : Oxford University Press, 1959.

37. Weiss J., *Conservatism in Europe*. London : Thames and Hudson LTD, 1977. 180 p.

References

1. Berlin I. (2001) *Filosofiya svobody* [Philosophy of liberty]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Rus].

2. Kapustin B.G. (2012) *Logos*, no. 4 (88), p. 69 [in Rus].

3. Marks K. Kapital. T. 1. Moscow, Gospolitizda, 1949. 900 p. [in Rus].

4. Murberg I.I. (2009) *Svoboda v prostranstve politicheskogo*. Sovremennye filosofskie diskursy. Moscow, Ideya-Press, 236 p. [in Rus].

5. Paulsen Ch. (1987) *Anglijskie buntari*. Moscow, Progress, 278 p. [in Rus].

6. Rutkevich A.M. (1999) *Chto takoe konservatizm?* Moscow, Universitetskaya kniga, 224 p. [in Rus].

7. Fedorova M.M. (2008) *Zapadnoevropejskij konservatizm pervoj poloviny XIX veka // Evropejskaya politicheskaya mysl' XIX veka* Moscow, Nauka, pp. 383—424 [in Rus].

8. Engels F. (1959) *Polozhenie rabochego klassa v Anglii // K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. T. 2*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 231—517 [in Rus].

9. Archer J.E. (2000) *Social Unrest and Popular Protest in England, 1780—1840*. Cambridge, Cambridge University Press, pp VI, 110 [in Eng].

10. Berkowitz P. (2013) *Constitutional conservatism: liberty, self-government, and political moderation*. London, Hoover institution Press, 146 p. [in Eng].

11. Binfield K. (2004) *Writing of the Luddites*. Baltimore, John Hopkins University Press, 312 p. [in Eng].

12. Blum C.O. (2006) *Spring*. pp. 23—31 [in Eng].

13. Bonald, L.G.A. de (2004) *On the Agricultural Family, the Industrial Family, and the Right of Primogeniture // Critics of the Enlightenment*. Wilmington DE: ISI Books, pp. 107—132 [in Eng].

14. Byron G.G. (1812) *Speech in the House of Lords on the 1812 Frame Breaking Act // The Parliamentary Debates from the year 1803 to the present time, vol. XXI*. London, T.C. Hansard, Peterborough Court, Fleet Street, pp. 966—972 [in Eng].

15. Conniff R. (2011) *What the Luddites Really Fought Against // Smithsonian magazine*, March [in Eng].

16. Davis D. (2011) *The Future of Conservatism: Values Revisited*. London, Biteback Publishing, 386 p. [in Eng].
17. Dinwiddy J. R. (1992) *Radicalism and Reform in Britain, 1780 to 1850*. London, The Hambledon Press, 476 p. [in Eng].
18. Dorey P. (2011) *British Conservatism, The Politics and philosophy of inequality*. London, I.B.Tauris & C°, 288 p. [in Eng].
19. Fox N. (2002) *Against the Machine: The Hidden Luddite History in Literature, Art, and Individual Lives*. Washington, Island Press, 240 p. [in Eng].
20. Hammond J.L., Hammond B. (1919) *The Skilled Labourer, 1760—1832*. London, Longmans, Green, and C°, 424 p. [in Eng].
21. Hobsbawm E. (1952) *Past and Present*, no. 1, p. 57—70 [in Eng].
22. Hudson P. (1986) *The Genesis of Industrial Capital: A Study of the West Riding Wool Textile Industry, c. 1750—1850*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. XX, 345 [in Eng].
23. Jeffrey S. (1993) *Socialist Review*, iss. 169, November [in Eng].
24. Jones R. (2012) *History Today*, vol. 62, iss. 5 [in Eng].
25. Jones S.E. (2006) *Against Technology. From Luddites to Neo-Luddism*. New York, Taylor and Francis Group, 288 p. [in Eng].
26. Kalman S., Kennedy S. (2015) *The French right between the wars: political and intellectual movements from conservatism to fascism*. New York, Berghahn Books, 274 p. [in Eng].
27. Laski H. (1919) *Authority in modern state*. New Haven, Yale University Press, 412 p. [in Eng].
28. Linebaugh P. (2012) *Ned Ludd & Queen Mab: Machine-Breaking, Romanticism, and the Several Commons of 1811—12*. Oakland, PM Press, 48 p. [in Eng].
29. Navickas K. (2005) *Social History*, vol. 30, no. 3, August, pp. 285—291 [in Eng].
30. Noble D.F. (1995) *Progress without people: new technology, unemployment, and the message of resistance*. Toronto, Between The Lines, 184 p. [in Eng].
31. Peel F. (1888) *The Risings of the Luddites, Chartists & Plugdrawers*. Heckmondwike, Senior and C°. Printers, 366 p. [in Eng].
32. Prentice A. (1851) *Historical sketches and personal recollections of Manchester. Intended to illustrate the progress of public opinion from 1792 to 1832*. Manchester, J.T. Parkes, 460 p. [in Eng].
33. Randall A. (1991) *Before the Luddites: custom, community and machinery in the English woollen industry, 1776—1809*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. XVII, 318 [in Eng].
34. Sale K. (1999) *The Achievements of 'General Ludd'. A Brief History of the Luddites*. *The Ecologist*, v. 29, n. 5, Aug./Sep. [in Eng].
35. (1812) *The Beggar's complaint against rack-rent Landlords, Corn Factors, Great Farmers, Monopolizers, Paper Money Makers and War, and many other Oppressors and Oppressions. Also, some observation on the conduct of the Luddites, in Reference to the Destruction of Machinery*. Sheffield, J.Crome, 130 p. [in Eng].
36. (1959) *The declaration of the framework knitters*, 1 Jan. 1812. Public Record Office, Home Office, 42, p. 119 // A. Aspinall and E. Anthony Smith, eds. *English Historical Documents*, XI, 1783—1832. New York, Oxford University Press [in Eng].
37. Weiss J. (1977) *Conservatism in Europe*. London, Thames and Hudson LTD, 180 p. [in Eng].

For citing: Podolskiy V. A.
Analysis of the differences
between traditionalism and conservatism
as exemplified by the Luddites movement //
Socium i vlast'. 2018. № 4 (72). P. 28—40.

UDC 32(091)

ANALYSIS OF THE DIFFERENCES BETWEEN TRADITIONALISM AND CONSERVATISM AS EXEMPLIFIED BY THE LUDDITES MOVEMENT¹

Vadim A. Podolskiy,

Cand. Sc. (Political sciences),
Freelance Academic, Sector for History
of Political Philosophy,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences,
The Russian Federation,
109240, Moscow, ulitsa Goncharnaya, 12/1.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Annitation

Introduction. This study compares traditionalism and conservatism as political ideologies. Traditionalism conceptual framework is derived from the analysis of the Luddites movement experience and views of French authors that belonged to the age of the Great French revolution. The author states that conservatism and traditionalism have profound differences, despite being close to each other in political spectrum. The Luddites movement is studied as an example of an ideological conflict. This issue is relevant in our time for two reasons. First, changes in economy and automatization create risks for the labor market. Second, due to migration in both Europe and Russia, conservative or liberal political environment meets, on the one hand, active, and on the other — relatively isolated groups which hold traditionalistic views, which can lead to values-based conflicts. It is therefore quite important to study logics of traditionalism in order to preserve the cultural identity of members of the society and to avoid damage to existing social institutions and relations.

Aims. The present study is focused on identification of distinctive features of traditionalism, extraction of key principles of this ideology from the views of the Luddites movement participants, correlating them with the general context of the political philosophy

of that time. Existing scientific papers usually view Luddism in light of changing economic affairs, while the present study tends to analyze the movement as a landmark in political philosophy reconstruction process. Traditionalism is examined as one of ideologies that opposes liberalism.

Methods. Discourse analysis was used in order to summarize attitudes of the Luddites, articles of that age were studied. Content-analysis was used for thorough examination of the ideas of the traditionalists. Comparative historical method was used to place traditionalism and conservatism against each other.

Scientific novelty of the study: 1) a systematic comparison of traditionalism and conservatism as two ideologies is offered; 2) texts of the French thinker, L. de Bonald, were never translated into Russian, their examination is valuable for Russian science; 3) Luddites movement is analyzed not only within the context of changing economic affairs, but also in light of political ideologies and the realm of politics being redefined.

Results. Ideas of the movement members are summarized as a set of formulas: static and sacred social order, perception of a community, not a class or a person, as a political actor, understanding craft as a unique art, and placed against conservative ideas. This comparison will be of interest for a Russian reader to develop an understanding of how exactly the new, capitalistic way of thinking, which determined the further development of the mankind, formed.

Conclusion. Studying Luddism, despite the phenomenon being local, has a value for forecasting the society's reaction to significant changes in economic affairs. Traditionalism is a kind of a political utopia, based upon an idea of a "golden age" in the past. Conservatism is a working political ideology which not only adapted to social and economic changes of the last two centuries, but determined their dynamics as well.

Key concepts:

Luddism,
traditionalism,
conservatism,
political ideology,
de Bonald,
individualism,
modernization,
British political philosophy.

¹ The work has been executed with the support from RFBR. Grant number 17-33-00060-ОГН а1.

Для цитирования: Наточий В. В., Наточая Е. Н. Применение информационных технологий для оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 41—52.

УДК 35.08

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Наточий Владимир Викторович,

Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат политических наук.
Российская Федерация,
460000, г. Оренбург, ул. Курача, д. 26.
E-mail: NWW1967@mail.ru

Наточая Елена Николаевна,

Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент.
Российская Федерация,
460000, г. Оренбург, ул. Курача, д. 26.
E-mail: en_ischa@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирована нормативно-правовая база организации оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих. Выявлена специфика применения компетентностного подхода в кадровой работе на государственной и муниципальной службе. Обоснована целесообразность использования в кадровой работе интеллектуальной компьютерной системы для оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих. Описана математическая модель с элементами искусственного интеллекта для оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих на основе нечеткого логического вывода. Приведены результаты апробации комплексной модели оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих в работе кадровых служб органов власти Оренбургской области. Сфера практического применения разработанной интеллектуальной компьютерной системы связана с решением задач повышения эффективности проведения аттестации служащих, совершенствования процедуры конкурсного отбора кандидатов в кадровый резерв; формирования банка данных служащих по имеющимся вакансиям. Применение информационных технологий позволило сделать процесс оценки уровня профессиональной компетентности кандидатов на замещение вакантных должностей, а также действующих государственных и муниципальных служащих объективным и прозрачным, а значит, в целом повысило продуктивность кадровой работы в органах управления.

Ключевые понятия:

информационные технологии, государственная и муниципальная служба, кадровая работа, профессиональная компетентность, интеллектуальная компьютерная система.

В современных условиях реальное и перспективное качество государственного и муниципального управления необходимо определять исходя из того, насколько эффективно и результативно государственные и муниципальные служащие исполняют свои обязанности. Качество кадрового состава служащих, их способность и готовность решать сложные задачи в динамичных и усложняющихся условиях реформирования нашей страны во многом определяют эффективность деятельности органов власти [1, с. 19].

Внедрение новых принципов кадровой политики в системе государственной и муниципальной службы предусматривает создание объективных и прозрачных механизмов конкурсного отбора кандидатов на замещение вакантных должностей, включая проведение испытаний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий и формирование единой базы вакансий [7].

Важная роль сегодня отводится формированию перечня квалификационных требований для замещения должностей государственной и муниципальной службы на основе компетентностного подхода — в зависимости от конкретных должностных обязанностей и функций, а также от принадлежности к определенным профессиональным группам [2, с. 236].

Актуальность оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих определяется следующими факторами: особой ролью государственной и муниципальной службы в решении задач государственного и муниципального управления; насущной необходимостью создания научно обоснованной и эффективно действующей системы управления профессиональным развитием государственных и муниципальных служащих для обеспечения оптимальных условий функционирования как конкретных органов власти, так и системы государственного и муниципального управления в целом [8].

Вопросы, связанные с формированием профессиональных компетенций и культуры служащих, освещаются в трудах отечественных исследователей (А. Н. Аверин, Т. Ю. Базаров, И. Н. Барциц, Г. М. Бирюков, А. А. Дёмин, Е. И. Кудрявцев, В. С. Нечипоренко, Д. С. Рубин, В. А. Столяров, Е. П. Тавокин, К. В. Турняк, М. А. Шакина и др.) и зарубежных специалистов (И. Ансофф, Р. Зуммер, К. Пюллер, Дж. Равен и др.).

В целях повышения эффективности использования информационных технологий в кадровой работе на государственной и муниципальной службе логичной представляется разработка интеллектуальной компьютерной системы для оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих.

Целью проведенного нами исследования стало обоснование комплексной модели оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих на основе интеллектуальной компьютерной системы.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1. Охарактеризована нормативно-правовая база организации оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих.
2. Выявлена специфика применения компетентностного подхода в кадровой работе на государственной и муниципальной службе.
3. Обоснована целесообразность использования интеллектуальной компьютерной системы оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих в кадровой работе.
4. Проведена апробация комплексной модели оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих в кадровой работе органов управления Оренбургской области.

При проведении исследования были использованы методы контент-анализа, позволившие установить соответствие между терминами; анализа выводов и рекомендаций, представленных в нормативно-правовых документах и литературе; сравнительного анализа; классификации; системного анализа; теории программных систем; проектирования автоматизированных информационных систем; экспертных оценок.

**Нормативно-правовая база
оценки профессиональной
компетентности
государственных
и муниципальных служащих**

Правовому регулированию вопросов оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих, а также лиц, претендующих на заме-

щение вакантных должностей в органах управления, в настоящее время уделяется достаточно большое внимание.

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», описывая процедуру конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы, называет его целью «оценку профессионального уровня претендентов..., их соответствия установленным квалификационным требованиям для замещения должности гражданской службы»¹. Подобная же формулировка содержится в тексте Федерального закона от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»². При этом в содержании обоих законов нет указаний на конкретные методы оценки профессионального уровня кандидатов на замещение вакантных должностей и действующих государственных и муниципальных служащих в процессе проведения их аттестации или присвоения квалификационного чина государственной (муниципальной) службы.

В Указе Президента Российской Федерации от 01 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» более детально описывается процедура оценки профессионального уровня кандидатов: могут использоваться не противоречащие законодательству методы оценки профессиональных и личностных качеств кандидатов (индивидуальное собеседование, анкетирование, проведение групповых дискуссий, написание реферата или тестирование по вопросам, связанным с выполнением должностных обязанностей по вакантной должности гражданской службы)³. Однако недостатками большинства методов оценки качеств кандидатов, предлагаемых Указом Президента, является их субъективность.

В Указе Президента Российской Федерации от 01 февраля 2005 г. № 111 «О порядке сдачи квалификационного

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2017 г.).

² О муниципальной службе в Российской Федерации : Федер. закон от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г.).

³ О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации Указ Президента Рос. Федерации от 01 февраля 2005 г. № 112 (в ред. от 10 сентября 2017 г.).

экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня)» более четко определяется методика оценки профессиональной компетентности государственных служащих при проведении квалификационного экзамена. Согласно тексту Указа, экзаменационные процедуры проводятся с использованием не противоречащих законодательству методов оценки профессиональных качеств гражданских служащих, включая индивидуальное собеседование и тестирование по вопросам, связанным с выполнением должностных обязанностей по замещаемой должности гражданской службы¹.

Указ Президента Российской Федерации от 01 февраля 2005 г. № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» содержит нечеткую формулировку критериев оценки профессиональной служебной деятельности служащих: «Определение его соответствия квалификационным требованиям по замещаемой должности гражданской службы, его участие в решении поставленных перед соответствующим подразделением (государственным органом) задач, сложность выполняемой им работы, ее эффективность и результативность»².

Таким образом, в основных нормативных правовых актах, регулирующих отношения в области государственной и муниципальной службы, четко не определяются критерии и методы оценки профессиональной компетентности кандидатов на замещение вакантных должностей в органах управления и действующих государственных и муниципальных служащих.

Впервые о необходимости создания объективных и прозрачных механизмов конкурсного отбора кандидатов на замещение должностей государственной гражданской службы было заявлено в Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». Этот процесс, согласно тексту Указа, должен включать в

себя проведение дистанционных экзаменов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий и формирование единой базы вакансий. Следовательно, процедура оценки профессиональной компетентности кандидатов на замещение вакантных должностей с помощью информационных технологий признавалась наиболее объективной и прозрачной из всех возможных методик [18, с. 142].

Этим же Указом Президента закрепляется положение о формировании перечня квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы на основе компетентностного подхода — в зависимости от конкретных должностных обязанностей и функций, а также от принадлежности к определенным профессиональным группам. Это, в свою очередь, предполагает введение на государственной гражданской службе системы профессионально-функциональных групп и предусматривает классификацию должностей государственной гражданской службы с учетом особенностей деятельности государственных органов, отражающих отраслевую структуру государственного управления³.

В целях реализации этого положения Указа № 601 Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации были разработаны Методические рекомендации по установлению детализированных квалификационных требований к претендентам на замещение должностей муниципальной службы и муниципальным служащим, организации отбора и оценки на соответствие указанным требованиям и Методический инструментальный по установлению квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы и государственным гражданским служащим (в настоящее время действуют версии 2.0 названных документов). Детализация квалификационных требований состоит в их разделении на базовые (соответствие которым необходимо для исполнения должностных обязанностей вне зависимости от направления деятельности и специализации) и функциональные (соответствие которым необходимо для исполнения должностных обязанностей по направлению деятельности с учетом специализации). Кроме того, Методические рекомендации

¹ О порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня) : Указ Президента Рос. Федерации от 01 февраля 2005 г. № 111 (в ред. от 01 июля 2014 г.).

² О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 01 февраля 2005 г. № 110 (в ред. от 28 августа 2015 г.).

³ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : Указ Президента Рос. Федерации от 07 мая 2012 г. № 601.

предполагают разделение профессиональных качеств государственного служащего на общие, прикладные и управленческие. Названные документы также закрепляют положения о необходимости использования объективных методик оценки соответствия кандидатов и действующих управленцев предъявляемым квалификационным требованиям.

В указе губернатора Оренбургской области от 01 июля 2013 г. № 676-ук «Об утверждении примерного должностного регламента государственного гражданского служащего органа исполнительной власти Оренбургской области» содержится перечень умений и навыков, которые должны отражаться в должностных регламентах государственных гражданских служащих. В их число включены следующие умения и навыки: организации и обеспечения выполнения задач; анализа, прогнозирования и эффективного планирования работы; систематизации и структурирования информации; работы с различными источниками информации; владения приемами межличностного общения; подготовки проектов нормативных правовых актов и служебных документов; владения компьютерной техникой, а также необходимым программным обеспечением; умение пользоваться системой электронной почты и сетью Интернет; систематического повышения своей квалификации¹.

В Указе Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 г. № 403 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016—2018 годы» заявляется о необходимости совершенствования управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации и повышения качества его формирования.

Указ предусматривает создание единого информационно-коммуникационного пространства в системе гражданской службы. В этих целях необходимо, в частности:

- осуществить переход к использованию федеральными государственными органами единой информационной системы управления кадровым составом гражданской службы;
- повысить объективность и прозрачность процедуры проведения конкурсов на замещение вакантных должностей гражданской службы и

¹ Об утверждении примерного должностного регламента государственного гражданского служащего органа исполнительной власти Оренбургской области : указ губернатора Оренб. обл. от 01 июля 2013 г. № 676-ук.

включение в кадровый резерв государственных органов. Для этого требуется:

- 1) внедрить единую методику проведения конкурсов;
- 2) обеспечивать кандидатам на замещение вакантных должностей гражданской службы и включение в кадровый резерв государственных органов возможность представления в электронном виде документов для участия в конкурсе².

Последним по времени шагом в направлении расширения практики использования информационных технологий в кадровой работе на государственной службе стало Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2018 г. «Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов», согласно которому обязательным этапом конкурсов на замещение вакантных должностей и включение в кадровый резерв становится тестирование кандидатов в целях оценки их профессионального уровня³.

Можно сделать вывод о том, что в действующей нормативно-правовой базе в сфере кадровой работы на государственной и муниципальной службе содержатся прямые указания на необходимость использования объективных методов оценки профессионализма служащих, в том числе с привлечением современных информационно-коммуникационных технологий.

Специфика применения компетентностного подхода в кадровой работе на государственной и муниципальной службе

Тенденции введения компетентностного подхода не только в нормативную, но и в практическую составляющую кадровой работы на государственной и муниципальной службе требуют обоснования и уточнения номенклатурного перечня компетенций и

² Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016—2018 годы : Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 г. № 403.

³ Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2018 г. № 397.

разработки описания их качественных характеристик.

В научной литературе существуют различные подходы к трактовке понятия «компетентность». Современные исследователи рассматривают компетентность как характеристику личности [4; 12; 20]; как возможность не просто обладать знаниями, но скорее потенциально быть готовым решать задачи со знанием дела [13; 17; 19].

В психологической литературе компетентность определяется как психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно; индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии; обладание человеком способностью и умением выполнять определенные функции [6, с. 93].

М. А. Холодная выделяет требования, которым должны отвечать знания, отличающие компетентного человека: разнообразие (множество разных знаний о разном); артикулированность (элементы знания четко выделены, при этом все они находятся в определённых взаимосвязях между собой); гибкость (как содержание отдельных элементов знания, так и связи между ними могут быстро меняться под влиянием тех или иных объективных факторов, в том числе и в том варианте, когда знание превращается в незнание); быстрота актуализации в данный момент в нужной ситуации (оперативность и легкодоступность знания); возможность применения в широком спектре ситуаций (в том числе способность к переносу знания в новую ситуацию); выделенность ключевых элементов (в многообразии знаний относительно данной предметной области отдельные факты, положения, определения признаются как самые важные, решающие для её понимания); категориальный характер (определяющая роль того типа знания, которое представлено в виде общих принципов, общих подходов, общих идей); владение не только декларативным знанием (знанием о том, «что»), но и процедурным знанием (знанием о том, «как»); наличие знания о собственном знании [19, с. 56—57].

Применительно к исследуемой проблематике следует отметить, что понятия «компетенция» и «умения» являются близкими по своему содержанию. В этом отношении можно согласиться с точкой зрения А. Н. Леонтьева, согласно которой умения понимаются как единство трех граней: 1) как процесс, наблюдаемый извне, 2) как способ деятельности, 3) как готовность личности. Компетентность же рассматривается как

интегративная характеристика личности, характеризующаяся степенью возможности и готовности личности к решению задач в определенной области [12, с. 124].

Теоретический анализ литературы (Л. А. Савинкина, Н. М. Пестерева и др.) позволил выделить следующую структуру профессиональной компетентности государственного и муниципального служащего:

1. Когнитивный компонент, включающий знание принципов организационно-управленческой деятельности и государственной и муниципальной сферы; обновляемые знания об особенностях и инновационных тенденциях государственной политики; знания инновационных технологий, в том числе компьютерных; понимание основных направлений развития науки и техники; понимание системного характера решаемых профессиональных проблем и на этой основе умение аналитически подходить к их решению, а также достаточно развитое критическое мышление.

2. Личностный компонент, включающий особенности личности, и черты характера, помогающие эффективно выполнять свою работу (трудолюбие; уверенность в себе — способность отстаивать собственное мнение; целеустремленность; работоспособность; способность к целеполаганию; ответственность; моральные принципы, убеждения, ценности, этические нормы, которым следует человек; добросовестность; лояльность; толерантность (учет различных точек зрения); стрессоустойчивость; инициативность; дисциплинированность; исполнительность; настойчивость, предприимчивость; гуманизм; саморазвитие, стремление к самосовершенствованию, постоянному обучению).

3. Коммуникативный компонент, отражающий такие индивидуальные особенности сферы общения, как: способность адекватно ориентироваться в различных ситуациях общения и взаимодействия с другими людьми (социальная проницательность); коммуникабельность; умение грамотно строить устную и письменную речь; знание этики и норм делового общения, правил деловой переписки и электронных коммуникаций; умение проводить публичные выступления и переговоры (презентации); умение эффективно работать в команде.

4. Деятельностный компонент, включающий профессиональные умения, навыки, способы выполнения деятельности [15, с. 112—113].

Вышеперечисленные компоненты профессиональной компетентности следует

дополнить и важнейшими профессиональными способностями государственных и муниципальных служащих, необходимых для эффективной профессиональной деятельности. К ним можно отнести: развитые, нравственно ориентированные интеллектуальные способности; систематическое саморазвитие, образование, повышение квалификации; способность устанавливать стратегические цели (аналитические способности); деятельность по улучшению функционирования органов государственной власти и местного самоуправления; способность эффективно контактировать с людьми, убеждать, вести за собой; оперативное реагирование на изменяющиеся условия и факторы; контроль и управление своим поведением в стрессовых ситуациях, т. е. волевая, интеллектуальная и эмоциональная сопротивляемость стрессорам; способность организации исполнения решений (управленческие способности); постоянное укрепление здоровья и совершенствование спортивной формы; высокая работоспособность и конкурентоспособность [3, с. 54].

Таким образом, исходя из объективных причин и учитывая организационные условия деятельности органа власти, в том числе реальную качественно-количественную характеристику состояния трудовых ресурсов, без современных информационных технологий очень трудно организовать и провести индивидуальную объективную и комплексную оценку каждого государственного и муниципального служащего, а именно измерить совокупность количественных показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности. В данной связи мы предлагаем при проведении оценки профессиональной компетентности государственного и муниципального служащего автоматизировать процесс диагностирования сформированности у него следующих компетенций: управленческих, административных и профессионально-специфических.

Интеллектуальная компьютерная система оценки профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих

Для повышения объективности оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих необходимо привлекать потенциал информационных технологий, а именно интел-

лектуальные компьютерные системы. Для автоматизации процесса оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих в Оренбургском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации были решены следующие задачи.

1. Исследованы информационные потоки процесса оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих и выделены потоки, подлежащие автоматизации.

2. Проанализированы существующие на рынке программного обеспечения аналоги компьютерной системы для оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих.

3. Обоснован выбор инструментальных средств разработки собственного программного приложения и базы данных.

4. Разработана математическая модель с элементами искусственного интеллекта для оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих на основе нечеткого логического вывода.

5. Разработана архитектура компьютерной системы и информационная структура данных (концептуальная, информационно-логическая, даталогическая и физическая модели базы данных).

6. Разработано и протестировано программное приложение.

Входными данными компьютерной системы является набор вопросов, предъявляемый испытуемым и экспертам в области государственного и муниципального управления, а также их ответы в числовой (оценочной) или свободной форме [9, с. 20].

К выходным данным относятся отчеты по сформированным группам испытуемых, а также статистические данные работы компьютерной системы.

В качестве аналогов компьютерной системы были проанализированы специализированные автоматизированные системы Тюменской области «Система электронного обучения государственных служащих» (<http://edu2.admtuyumen.ru/login/index.php>) и Нижегородской области «Тестирование государственных гражданских служащих» (расположена на локальном ресурсе <http://government-nnov.ru/?id=97817>).

Сравнительный анализ инструментальных средств разработки базы данных и приложения позволил выбрать в качестве среды программирования язык Ruby, который используется в веб-разработке в составе

открытого веб-фреймворка Rails. В качестве системы управления базой данных использовалась SQ Lite. В дополнение к ним применялись программные продукты Microsoft Visio, CASE-средство BPWin, MS Excel и MS Word [10, с. 46].

Сложные исходные данные задачи оценки профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих характеризуются той или иной степенью неопределенности, обусловленной неполнотой, внутренней противоречивостью, неоднозначностью, и представляют собой приближенные количественные или качественные оценки знаний, умений и опыта кандидатов на замещаемые должности.

Подобные входные данные не всегда можно формализовать, поэтому в качестве математической модели целесообразно выбрать один из интеллектуальных методов, основанный на нечеткой логике. Удобными для описания слабо формализуемых процессов являются нечеткие алгоритмы, оперирующие лингвистическими переменными, значения которых задаются нечеткими множествами. Такие алгоритмы интуитивно более понятны.

Метод качественного нечеткого описания определения параметра, основанный на нечеткой логике, позволяет уменьшить степень неопределенности и неоднозначности при принятии управленческого решения. Этот метод требует экспертного мнения для оценки компетентности государственных и муниципальных служащих и формирования базы данных.

Для задания нечетких правил введены три входные лингвистические переменные: «Управленческие компетенции», «Административные компетенции», «Профессионально специфические компетенции» и одна выходная — «Общий (интегрированный) уровень сформированности профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих [5, с. 45].

По уровню компетенций определены базовые терм-множества и выделены три уровня сформированности: 2—3 — низкий, 3—4 — средний; 4—5 — высокий.

Базовые терм-множества представлены в табл. 1:

На основании заданных переменных и установленных нечетких правил модель способна предлагать управленческие решения. Интегрированный показатель сформированности компетентности определяется правилам вывода на основе мнений экспертов (табл. 2).

Разработанная компьютерная система проста в освоении. Она основана на веб-интерфейсе и в режиме пользователя содержит вкладки: «Тестирование» (опрос зарегистрированного пользователя), «Отчеты» (краткий и подробный отчет по результатам тестирования авторизованного пользователя) и «Помощь» (детальная инструкция по работе с программным комплексом).

По ходу тестирования могут предлагаться вопросы 5 видов: с одним правильным вариантом ответа, с несколькими правильными вариантами ответа, без предлагаемых вариантов ответа, на упорядочивание и на соответствие понятий.

После завершения тестирования пользователю представляется отчет, показывающий процент выполнения заданий, оценку по системе «зачет/незачет» или по четырехбалльной шкале (2—5). Предусмотрена возможность просмотра подробного отчета по тесту с правильными вариантами ответов.

В режиме Администратора доступны дополнительные вкладки: «Разделы», «Конфигурация» и «Управление». Администратор имеет возможность формирования и печати сводных отчетов результатов тестирования по датам, тематике и группам тестируемых [11, с. 38].

Список разделов упорядочен по алфавиту и предусматривает следующие действия: открытие раздела для просмотра;

Таблица 1

Список лингвистических переменных и множество их термов

Лингвистическая переменная	Универсум	Единица измерения	Множество термов
Входные переменные:			
1. Управленческие компетенции	2—5	балл	{низкий, средний, высокий}
2. Административные компетенции	2—5	балл	
3. Профессионально специфические компетенции	2—5	балл	
Выходная переменная:			
Общий (интегрированный) уровень профессиональной компетентности	2—5	балл	{низкий, средний, высокий}

Набор правил вывода, определенный экспертами

Управленческие компетенции (2—3)		Профессионально специфические компетенции		
		(2—3)	(3—4)	(4—5)
Административные компетенции	(2—3)	низкий	низкий	низкий
	(3—4)	низкий	низкий	низкий
	(4—5)	низкий	низкий	средний
Управленческие компетенции (3—4)		Профессионально специфические компетенции		
		(2—3)	(3—4)	(4—5)
Административные компетенции	(2—3)	низкий	низкий	низкий
	(3—4)	низкий	средний	средний
	(4—5)	низкий	средний	высокий
Управленческие компетенции (4—5)		Профессионально специфические компетенции		
		(2—3)	(3—4)	(4—5)
Административные компетенции	(2—3)	низкий	средний	средний
	(3—4)	средний	средний	высокий
	(4—5)	средний	высокий	высокий

прохождение тестирования по всем вопросам раздела; создание и удаление раздела. При просмотре темы раздела вызывается форма создания нового вопроса, позволяющая при необходимости прикрепить к нему изображение. На рис. 1 приведен пример экранной формы компьютерной системы в режиме просмотра списка компетенций.

Для создания пользовательских наборов тестов разработана вкладка «Конфигурации». Данная вкладка позволяет создать тест, содержащий вопросы из определенных тем, указать конкретное количество вопросов, назначить время прохождения теста, а также критерии оценки пройденных тестов.

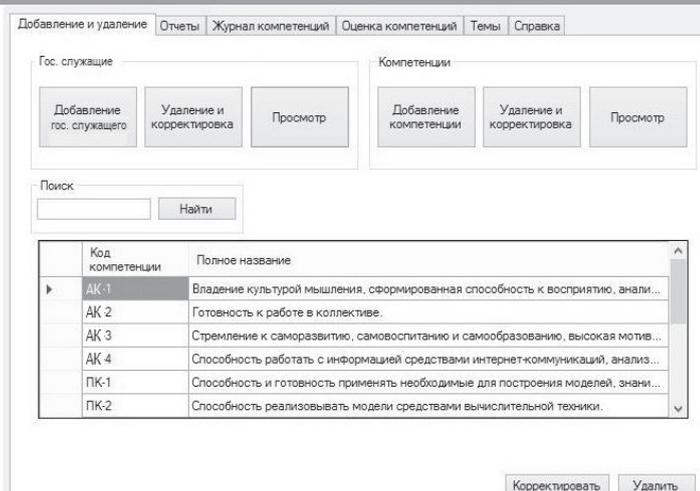

Рис. 1. Режим просмотра компетенций

Дополнительный программный модуль «Подбор кандидата», основанный на интеллектуальном методе Мамдани, поддерживает принятие управленческого решения по многокритериальному подбору кандидатуры на должность государственного или муниципального служащего из множества испытуемых, заполнивших анкету и прошедших тестирование. На рис. 2 приведен пример экранной формы с результатами оценки сформированности профессиональной компетентности государственного (муниципального) служащего.

Таким образом, область практического применения разработанной компьютерной системы связана с решением следующих задач оценки компетентности: аттестация государственных и муниципальных служащих; конкурсный отбор государственных и муниципальных служащих в кадровый резерв органов управления; формирование банка данных государственных и муниципальных служащих по имеющимся вакансиям и др. [14, с. 54].

Компьютерная система, основанная на интеллектуальном методе нечеткого логического вывода, позволила автоматизировать процесс оценки компетенций государственных и муниципальных служащих. Автоматизация процесса подбора

кандидатуры на должность государственной или муниципальной службы повышает оперативность и объективность принимаемых управленческих решений по работе с персоналом; снижает временные затраты на процесс оценки и обработки результатов тестирования; позволяет формировать достаточно большое количество вариантов тестовых заданий, различающихся по направлениям деятельности государственных и муниципальных служащих, а также в зависимости от категорий и групп должностей; позволяет отказаться от бумажных носителей результатов оценки и гибко учитывать индивидуальные особенности тестируемых.

Масштабы реализации и апробации проекта

Результатами проведенного научного исследования можно считать следующие показатели:

1. Разработанная интеллектуальная компьютерная система активно используется в работе кадровых служб органов власти Оренбургской области при проведении конкурса на замещение вакантных должностей государственной службы и при

Рис. 2. Результаты оценки профессиональной компетентности

проведении аттестации государственных и муниципальных служащих.

- Общее количество испытуемых (действующих государственных и муниципальных служащих, а также претендентов на вакантные должности), прошедших тестирование на основе компьютерной системы, составляет более 500 человек [16].

Практика использования разработанной интеллектуальной компьютерной системы в кадровой работе на государственной и му-

ниципальной службе Оренбургской области доказывает ее эффективность (табл. 3).

Таким образом, внедрение интеллектуальной компьютерной системы позволяет сделать процесс оценки уровня профессиональной компетентности кандидатов на замещение вакантных должностей, а также действующих государственных и муниципальных служащих объективным и прозрачным, существенно снизить его трудоемкость и влияние «человеческого фактора», а значит, в целом повысить продуктивность кадровой работы в органах управления.

Таблица 3

Оценка эффективности внедрения интеллектуальной компьютерной системы в Оренбургской области

Критерии оценки эффективности тестирования	Технология тестирования	
	Традиционное тестирование	Тестирование на основе интеллектуальной компьютерной системы
Среднее время формирования одного теста из базы тестовых заданий, мин	15	2
Среднее время обработки результатов тестирования одного испытуемого, мин.	6	0,05
Среднее количество допущенных ошибок в обработке данных («человеческий фактор»), %	4	0,01
Удовлетворенность испытуемых, %	75	93
Удовлетворенность кадровых служб органов государственного и муниципального управления, %	46	91

1. Аксенов Е. А. Управление персоналом в системе государственной службы. М. : ИПК госслужбы, 2016. 178 с.

2. Аллагулов А. М. Формирование перечня профессиональных компетенций в подготовке государственного и муниципального служащего // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 5. С. 236—240.

3. Борисова Е. А. Оценка и аттестация персонала. СПб. : Питер, 2015. 195 с.

4. Вершловский С. Г. Образование взрослых: опыт и проблемы. М. : Пед. образование, 1997. 168 с.

5. Волошина В. В., Титов К. А. Государственная служба в Российской Федерации. Теоретико-правовые аспекты. М. : Луч, 2011. 156 с.

6. Вырупаева Т. В. Формирование системы критериальной оценки деятельности государственных и муниципальных служащих // Государственная служба. 2016. № 5 (50). С. 92—96.

7. Гончарова Н. Г., Ростовцева Ю. В. Организация конкурсного отбора и проведение аттестации федеральных государственных гражданских служащих. М. : Изд-во Минюста России, 2010. 256 с.

8. Дубик С. Государственная служба Российской Федерации: основные направления реформирования и развития // Государственная служба. 2016. № 2. С. 49—52.

9. Ишакова Е. Н., Зарипов С. М. Анализ автоматизированных систем тестирования государственных служащих Российской Федерации // Современные информационные технологии в науке, образовании и практи-

ке : сб. ст. Оренбург : Университет, 2014. С. 20—22.

10. Ишакова Е. Н., Зарипов С. М. Автоматизация интеллектуального метода оценки компетенций государственных служащих Российской Федерации // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика : сб. ст. Вып. 4. Оренбург : Пресса, 2015. С. 45—48.

11. Ишакова Е. Н., Зарипов С. М. Применение информационных технологий для оценки профессиональных компетенций государственных служащих Российской Федерации // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика : сб. ст. Вып. 5. Оренбург : Пресса, 2016. С. 35—41.

12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Прогресс, 2014. 342 с.

13. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Инфра-М, 2013. 126 с.

14. Масюто О. М. Организация документационного обеспечения управления на основе новых информационных технологий. Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2008. 124 с.

15. Надеина О. С., Пестерева Н. М., Цветлюк Л. С. Формирование профессиональных компетенций государственных служащих. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2014. 139 с.

16. Наточий В. В. Проблемы информационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI вв.) : сб. ст. Оренбург, 2012. С. 386—388.

17. Немчинов А. А. Муниципальная служба : справ. пособие. М. : Дело и Сервис, 2012. 384 с.

18. Современные технологии управления социальным развитием региона : кол. моногр. / А. М. Аллагулов, О. М. Масюто и др. ; отв. ред. В. В. Наточий. Оренбург, 2015. 149 с.

19. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб. : Питер, 2012. 272 с.

20. Чошанов М. А. Инженерия обучающих технологий. М. : Бином, 2011. 276 с.

References

1. Aksenov E.A. (2016) *Upravlenie personalom v sisteme gosudarstvennoj sluzhby: uchebnoe posobie*. Moscow, IPK gosslužhby, 178 p. [in Rus].

2. Allagulov A.M (2009) *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, no. 5, pp. 236—240 [in Rus].

3. Borisova Ye.A. (2015) *Ocenka i attestacija personala*. St. Petersburg, Piter, 195 p. [in Rus].

4. Vershlovskij S.G (1997). *Obrazovanie vzroslyh: opyt i problemy*. Moscow, Pedagogicheskoe obrazovanie, 168 p. [in Rus].

5. Voloshina V.V., Titov K.A. (2011) *Gosudarstvennaja sluzhba v Rossijskoj Federacii. Teoretiko-pravovye aspekty*. Moscow, Luch, 156 p. [in Rus].

6. Vyrupeva T.V. (2016) *Gosudarstvennaja sluzhba*, no. 5 (50), pp. 92—96 [in Rus].

7. Goncharova N.G., Rostovceva Ju.V. (2010) *Organizacija konkursnogo otbora i provedenie attestacii federal'nyh gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashhih*. Moscow, Izdatelstvo Minjusta Rossii, 256 p. [in Rus].

8. Dubik S. (2016) *Gosudarstvennaja sluzhba*, no. 2, pp. 49—52 [in Rus].

9. Ishakova (Natochaja) E.N., Zарipov S.M. (2014) *Analiz avtomatizirovannyh sistem testirovanija gosudarstvennyh sluzhashhih Rossijskoj Federacii // Sovremennye informacionnye tehnologii v nauke, obrazovanii i praktike*. Orenburg, Universitet, pp. 20—22 [in Rus].

10. Ishakova (Natochaja) E.N., Zарipov S.M. (2015) *Avtomatizacija intellektual'nogo metoda ocenki kompetencij gosudarstvennyh sluzhashhih Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo, regional'nogo i municipal'nogo upravlenija: teorija, analitika, praktika*. Orenburg, Pressa, pp. 45—48 [in Rus].

11. Ishakova (Natochaja) Ye.N., Zарipov S.M. (2016) *Primenenie informacionnyh tehnologij dlja ocenki professional'nyh kompetencij gosudarstvennyh sluzhashhih Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo, regional'nogo i municipal'nogo upravlenija: teorija, analitika, praktika*. Orenburg, Pressa, pp. 35—41 [in Rus].

12. Leont'ev A.N. (2014) *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow, Progress, 342 p. [in Rus].

13. Markova A.K. (2013) *Psihologija professionalizma*. Moscow, Infra-M, 126 p. [in Rus].

14. Masjuto O.M. (2008) *Organizacija dokumentacionnogo obespechenija upravlenija na osnove novyh informacionnyh tehnologij*. Orenburg, IPK GOU OGU, 124 p. [in Rus].

15. Nadeina O.S., Pestereva N.M., Cvetljuk L.S. (2014) *Formirovanie professional'nyh kompetencij gosudarstvennyh sluzhashhih*.

Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 139 p. [in Rus].

16. Natochij V.V. (2012) Problemy informacionnogo obespechenija dejatel'nosti organov mestnogo samoupravlenija. Regional'noe upravlenie i problema jeffektivnosti vlasti v Rossii (XVIII — nachalo XXI vv.) Orenburg, pp. 386—388 [in Rus].

17. Nemchinov A.A. (2012) Municipal'naja sluzhba: spravochnoe posobie. Moscow, Delo i Servis. 384 p. [in Rus].

18. Allagulov A.M., Masjuto O.M. (2015) Sovremennye tehnologii upravlenija social'nym razvitiem regiona. Orenburg, 149 p. [in Rus].

19. Holodnaja M.A. (2012) Psihologija intelekta: paradoksy issledovanija. St. Petersburg, Piter, 272 p. [in Rus].

20. Choshanov M.A. (2011) Inzhenerija obuchajushih tehnologij. Moscow, Binom, 276 p. [in Rus].

For citing: Natochij V.V., Natochaya E.N. Applying information technologies for assessing professional competence of public civil servants // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 41—52.

UDC 35.08

APPLYING INFORMATION TECHNOLOGIES FOR ASSESSING PROFESSIONAL COMPETENCE OF PUBLIC CIVIL SERVANTS

Vladimir V. Natochij,

Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Cand. Sc. (Political Sciences), The Russian Federation, 460000, Orenburg, ulitsa Kuracha, 26. E-mail: NWW1967@mail.ru

Elena N. Natochaya,

Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Cand. Sc. (Education), Associate Professor. The Russian Federation, 460000, Orenburg, ulitsa Kuracha, 26. E-mail: en_ischa@mail.ru

Annotation

The article analyzes regulatory basis for organizing the assessment of professional competence of public civil servants. The authors points out the peculiarities of applying the competency-based approach in personnel management in public administration. The practicality of applying intellectual computer system in personnel management for assessing public servants' competence is justified. Mathematical model with the elements of artificial intellect for assessing professional competence of public servants on the basis of fuzzy inference is described. The results of the approbation of the integrated model for assessing professional competence of public servants in personnel management of Orenburg region power bodies are given. The sphere of applying the developed intellectual computer system is connected with solving problems of efficiency improvement in employee rating, perfecting the procedure of competitive selection of candidates for the personnel reserve, forming a databank of the employees as for the job openings. Applying information technologies makes it possible to make the process of assessing the level of professional competence of the applicants for the opening positions and also the acting public servants objective and clear and consequently increase efficiency of personnel management in governing bodies.

Key concepts:

information technologies, public administration, personnel management, professional competence, intellectual computer system.

Для цитирования: Чан Янь (Chang Yan). Влияние экономического проекта «Великий шелковый путь» на развитие восточных территорий России и Китая // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 53—60.

УДК 341.221.27 (571.6 + 511)

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЕКТА «ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» НА РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И КИТАЯ

Чан Янь (Chang Yan),

Хэйлунцзянский университет,
Центр изучения России,
кандидат политических наук,
научный сотрудник.
Китайская Народная Республика,
150000, г. Харбин, ул. Сюефу, д. 74.
E-mail: changyan-2000@163.com

Аннотация

В данной статье автор представляет стратегию развития «Один пояс, один путь», которая в качестве единой государственной стратегии КНР предлагается на протяжении последних пяти лет. На практике теория данного проекта по объему и внутреннему содержанию непрерывно расширяется. В статье отмечается, что не только Китай нуждается в данной экономической инициативе, но и всему миру необходима более широкая экономическая платформа, предоставляемая Китаем. Россия в качестве стратегически важной примыкающей территории прошла линию от пассивного принятия до активного участия. Эффективное взаимодействие с Евразийским экономическим союзом постепенно снизило обеспокоенность России. В частности, Китайский «Экономический пояс Шелкового пути» совпадает со стратегией России в отношении развития Дальнего Востока.

Необходимо совместное сотрудничество по развитию экономического пояса «Великого Шелкового пути» и Восточной России. Китаю необходимо поднимать северо-восточные районы, России — развивать Дальний Восток. Инициативы «Один пояс, один путь», сухопутный и морской Шелковый путь провинции Хэйлунцзян предоставляют России солидные финансовые гарантии для ускорения развития восточного региона, ускоряют осуществление стратегии развития Дальнего Востока. Китай имеет большие возможности для сотрудничества с Россией в ресурсном секторе. Благодаря данной экономической инициативе устанавливается статус и роль Китая и России в межрегиональном сотрудничестве на площадках Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Автор предполагает, что стратегическая и успешная интеграция может своевременно устранять связанные с этим национальные проблемы, создавать единое стратегическое пространство и стремиться к достижению совместных целей развития, тем самым осуществлять стратегию обоюдного выигрыша.

Ключевые понятия:

Концепция развития «Один пояс, один путь», «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века», Дальний Восток, российско-китайское межрегиональное сотрудничество, взаимодействие.

Введение

Российско-китайское региональное сотрудничество играет активную роль в строительстве экономического пояса «Великого шелкового пути», предоставляет альтернативы и вносит предложения.

«Один пояс, один путь» — это инициатива, состоящая из «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», предложенного председателем Си Цзиньпином в 2013 г., также она стала одной из трех основных стратегий развития страны. С китайской стороны цель данного экономического проекта заключается в том, что, опираясь на экономические коридоры, посредством коммуникации осуществить прорыв основных инфраструктурных объектов, с помощью строительства финансовых платформ как инструмента гуманитарного обмена в качестве связующего звена положить начало осуществлению Азиатского взаимного доступа. Посредством политической координации, коммуникации, беспрепятственной торговли, передвижения капитала и связи между народами, которые являются пятью основными целями укрепления сотрудничества в рамках экономической стратегии, идти вперед нога в ногу, активировать региональную экономику и точки экономического роста, сформировать общее экономическое пространство в Евразии [6, с. 43].

Не только Китай нуждается в инициативе «Один пояс, один путь», но и всему миру необходима более широкая платформа, предоставляемая Китаем, разделение десятилетиями накопленных экономических дивидендов между всеми без исключения.

Основная часть

Российский Дальний Восток и Северо-Восточный Китай являются главными при соприкосновении Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь». На основании сопряжения двух стратегий это будет способствовать развитию Восточной части России и строительству сухопутного и морского экономического пояса Великого Шелкового пути в провинции Хэйлунцзян в восточной части экономического коридора Китай — Монголия — Россия, а также способствовать взаимодействию и сотрудничеству по стратегическому развитию Северо-Востока Китая.

«Восточный сухопутный и морской Шелковый путь» является стратегией развития, которая была разработана провинцией Хэйлуцзян, важной частью стратегической концепции «Один пояс, один путь». Экономический пояс был включен в национальный план и стал важной составляющей частью экономического коридора, который пересекает восток и запад, соединяет север и юг. Экономический пояс основывается на Маньчжурской железной дороге, Даляне, Тунцзянской железной дороге, трех железнодорожных линиях вдоль пограничной железнодорожной магистрали Хэйлуцзяна и российской Транссибирской магистрали. Экономический пояс объединяет наземные и морские стратегические превосходства Шелкового пути и последовательно осуществляет инициативу «Один пояс, один путь», в большей степени раскрывает исторические возможности развития провинции Хэйлуцзян. Как северная приграничная провинция, провинция Хэйлуцзян не имеет собственного морского порта. Тогда каким образом выход в море сделать ключевым пунктом? Существует логистический коридор сухопутного и морского транспорта из Харбина через реку Суйфэньхэ в российские порты Дальнего Востока, такие как порт Владивосток, порт Находка и порт Восточный, через которые имеется прямой выход в Японию, Южную Корею, США и в порты южного Китая. В частности, принятие Путиным решения об открытии Владивостока как свободного порта в 2015 г. положило начало логистическому каналу, что позволило восточной части сухопутного и морского Шелкового пути напрямую проходить через свободный порт Владивосток, предоставляя выход к морю для провинции Хэйлуцзян.

В рамках данной экономической стратегии, реализуемой совместно Китаем и Россией, Дальний Восток рассматривается как важнейшая часть данной идеи комплексного развития данного экономического проекта, что, в свою очередь, будет содействовать осуществлению проекта развития Дальнего Востока России, а также модификации и реконструкции устаревшей промышленной базы на Севере Китая. По мере обнародования указа о «Законе о свободном порте» и создания территорий опережающего социально-экономического развития, а в особенности осуществления стратегий «Один пояс, один путь» и «Возрождение

Северо-Востока Китая», еще более усилился интерес к развитию Дальнего Востока. В настоящее время основное внимание направлено на развитие и модернизацию проходной способности транспортно-логистической системы в приграничных районах России, увеличение объема экспортных товаров в Европу, усиленное развитие строительства объектов инфраструктуры; можно сказать, что российский Дальний Восток не может развиваться без участия Китая. По отношению к Китаю можно сказать, что воплощение в жизнь стратегии «Один пояс, один путь» может осуществиться только при участии Сибири и Дальнего Востока России во главе с Евразийским экономическим союзом [7].

Совместные действия по развитию Дальнего Востока России и экономического проекта «Один пояс, один путь» представлены взаимодействием и сотрудничеством Восточной части сухопутного и морского Шелкового пути и развитием Дальневосточных регионов России, которые ускоряют осуществление стратегии развития Дальнего Востока России.

Российские эксперты в целом считают, что при нынешней экономической ситуации использование Китая для ускорения развития Дальнего Востока является важным прорывом для экономического развития России. Общая цель России — добиться к 2025 г. увеличения среднего темпа роста ВВП на 0,5 процентных пункта выше, чем в целом по стране и достичь уровня одновременного развития с Европой. Однако при реальном давлении Россия должна использовать стратегию «Один пояс, один путь» для районов, прилегающих к Дальнему Востоку России. Провинция Хэйлуцзян является одним из ключевых пунктов для Дальнего Востока России, создание Восточного сухопутного и морского Шелкового пути приведет в движение экономику провинции Хэйлуцзян и Дальнего Востока, предоставит России солидные финансовые гарантии для ускорения развития восточного региона.

Российские ученые считают, что разработка эффективного механизма привлечения китайских инвестиций для участия России в данном экономическом проекте позволит России заполнить огромный разрыв в финансировании между государственным финансовым бюджетом в 5000 трлн р. и 11,4 трлн р., необходимых для поддержания быстрого развития. Андреем Островским, директором Дальневосточно-

го института РАН, считает, что для развития китайско-российских отношений необходимо увеличить взаимные инвестиции в экономическую сферу. В настоящее время существует три части для инвестиций Китая на Дальний Восток России: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, фонд Шелкового пути, предприятия и отдельные лица.

Развитие российского Дальнего Востока требует огромных средств. К концу 2016 г. на Дальнем Востоке проходило предварительное обсуждение осуществления порядка 470 проектов. Существовало 24 предприятия с общим объемом инвестиций 12,5 млрд р. В 2017—2018 гг. планируется создать 165 компаний. Хотя на Дальнем Востоке создан фонд развития, но его все еще недостаточно. Китайский экономический проект предоставляет большой объем средств для стран-участниц. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и фонд Шелкового пути предоставляют источник финансирования для развития Дальнего Востока. Российская Федерация и региональные правительства также приняли меры по поддержке иностранных инвестиций и постепенному улучшению инвестиционной среды на Дальнем Востоке. Все больше китайских инвесторов участвуют в проектах на Дальнем Востоке. В настоящее время на территории Дальнего Востока России реализуется 23 китайских инвестиционных проекта с общим объемом инвестиций около 3 млрд долл. США, что составляет примерно одну четвертую часть иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. Проекты включают в себя энергетику, сельское хозяйство, транспорт и логистику, а также инфраструктуру [5].

В последние годы частные инвестиции на Дальний Восток постоянно увеличивались. В области строительства автор исследовал строительные компании г. Владивостока и пришел к выводу, что в настоящее время в российской строительной индустрии постепенно наступает потепление, инвестиции продолжают расти, спрос на жилье непрерывно увеличивается, в то время как происходит рост иностранных инвестиций. Число россиян, инвестирующих в недвижимость для выхода на пенсию в Китае, также растет, особенно в приграничных районах г. Суйфэньхэ и г. Хэйхэ. Кроме того, люди также инвестируют в

сельское хозяйство, производство и переработку.

Для ускорения строительства инфраструктуры в Дальневосточных регионах в рамках данного экономического проекта китайские партнеры предоставляют России выгодные гарантии, поскольку слабая инфраструктурная база на Дальнем Востоке России всегда являлась ограничивающим фактором ее развития. И важнейшей целью участия России в экономическом проекте является развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке. Для этого Россия к 2030 г. специально разработала стратегию развития транспортных коммуникаций, в основном направленную на создание эффективной транспортной и логистической инфраструктуры, включая строительство транспортных терминалов. Фактическое внедрение этих инфраструктурных сооружений также будет испытывать трудности без участия китайских инвестиций. В связи с этим заинтересованные коммерческие банки Китая и Департамент развития Дальнего Востока России подписали соглашение о сотрудничестве для последующего финансирования на сумму 5 млрд долл., а также договор займа на сумму 10 млрд юаней с Внешэкономбанком России. В 2016 г. Россия обратилась в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций за 9 млрд долл. США на строительство инфраструктуры и разработку источников энергии на Дальнем Востоке. В настоящее время первый российско-китайский железнодорожный мост через пограничную реку провинции Хэйлуцзян, мост Тунцзян-Нинское, завершен в 2017 г. Приморский край также активно развивает и строит два коридора, связывающих Азию и Европу, МТК «Приморье-1», который начинается от порта Находки до провинции Хэйлуцзян и МТК «Приморье-2» от порта Зарубино до провинции Цзилинь. По предварительным оценкам, даже примерные расчеты показывают, что, если 2 % объема импорта стран АТР будет экспортироваться с Дальнего Востока — это минимум удвоение ВРП [5].

В последние годы развитие Дальнего Востока вошло в существенный этап реализации, что также обусловило условия участия Дальнего Востока России в инициативе «Один пояс, один путь». Строительство свободного порта и развитие территорий опережающего социально-экономического развития объективно улучшили транспортную инфраструктуру и выступили

стимулом реализации Восточного сухопутного и морского Шелкового пути Китая.

Развитие Восточной части России обеспечило крупный транспортный канал для реализации данного проекта. Прежде всего создана транзитная дорога для железнодорожных перевозок между Китаем и Россией.

Дальневосточный регион России является важной частью железнодорожного транспортного коридора (Суйфэньхэ — Маньчжурия — Россия — Европа). Эта дорога в будущем будет частью Транссибирской магистрали, Байкало-Амурской магистрали и будет иметь выходы для транспортировки грузов на побережье Балтийского моря, порта Гамбурга и порта Роттердам. Вдоль транспортного коридора будет возможность не только перевозить грузы из Северо-Восточного Китая, но и перевозить грузы из дельты реки Янцзы, Чжуцзян, г. Пекин, г. Тяньцзинь и провинции Хэбэй, а также товаров из Восточной России и Сибири. Эти транспортные коридоры значительно сократят транспортные расходы и время транспортировки грузов, что имеет преимущество перед морскими перевозками. Можно сказать, что инициатива «Один пояс, один путь» активно поддерживает создание нового крупномасштабного международного рынка контейнерных логистических услуг и объективно способствует развитию современных логистических предприятий Китая и России. Что касается пассажирского транспорта, то автор предполагает, что после того, как г. Харбин войдет в транспортную сеть г. Суйфэньхэ, будет ускорено сотрудничество с Россией в части строительства высокоскоростной дороги из г. Суйфэньхэ, КНР до г. Владивосток, Россия. Вследствие чего будет сокращено время пассажирских перевозок, произойдет увеличение туристического потока, что будет содействовать развитию туризма на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая.

Не так давно российское правительство одобрило концепцию развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» между портами Дальнего Востока России и северо-восточными провинциями Китая. Один коридор идет от провинции Хэйлунцзян до порта Находка, другой, соответственно, от провинции Цзилинь до порта Зарубино. Оба транспортных коридора будут проходить через Свободный порт Владивосток, где может быть организован 24-часовой

коридор упрощенного таможенного оформления. Смешанный вид транспортировки может осуществляться из всех провинций Китая и всех регионов России, что более удобно, эффективно и безопасно. По оценке экспертов, транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» сэкономят почти 1 млрд долл. США для китайских грузоотправителей каждый год за счет сокращения расстояния и, соответственно, снижения транспортных расходов и экономии времени.

Согласно анализу, ускорение строительства ряда трансграничных коридоров на Северо-Востоке Китая и на Дальнем Востоке России открыло доступ к транспортному сообщению, что значительно сократило время и протяженность транспортировки грузов. Это дало возможность выхода к морю провинции Хэйлунцзян, что создало максимально благоприятные условия для модификации и оживления экономики на Северо-Востоке Китая [5].

Развитие Дальневосточных регионов России в отношении реализации инициативы «Один пояс, один путь» и Восточного сухопутного и морского Шелкового пути Китая предоставляет достаточные гарантии защиты энергетических ресурсов.

Дальний Восток России содержит почти все ресурсы, необходимые для экономического развития, и в основном они экспортируются в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай. Объекты основной инфраструктуры включают в себя общественную инфраструктуру, центральные тепловые электростанции, гидроэлектростанции, ветряные электростанции, линии электропередач и приливные электростанции. России необходимо сотрудничать с Китаем в этих областях или же проводить совместные исследования. Многие из этих проектов могут быть связаны с программой возрождения Северо-Востока Китая.

Будучи страной с дефицитом ресурсов, Китай имеет большие возможности для сотрудничества с Россией в ресурсном секторе. В частности, провинция Хэйлунцзян — крупная энергетическая провинция, однако после многих лет разработки ее преимущество в энергоресурсах исчезло. Выступая в роли приграничной провинции с геополитическим преимуществом, потребность в энергии из России постоянно увеличивается. Сотрудничество в области энергетики по-прежнему остается одним из основных направлений деятельности

Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России в будущем. Одновременно с этим необходимо отметить, что простое энергетическое сотрудничество заставило российское правительство насторожиться, в особенности стать зависимой страной от энергоресурсов Китая. Ввиду этого, в будущем совместно с энергетическим сотрудничеством провинции Хэйлунцзян необходимо выделить другие области для совместной работы, в особенности использовать преимущества достаточно низких локальных цен на энергоресурсы. Производство некоторых видов продуктов с высокой добавленной стоимостью в будущем принесет прибыль России и устранил беспокойство, так же как и транспортировка переработанной продукции внутри страны, несомненно, считается обоюдовыгодным делом и взаимовыгодным видом сотрудничества.

Развитие Дальневосточных регионов России представляет собой технологическую инновационную платформу для реализации программы «Один пояс, один путь» и Восточного сухопутного и морского Шелкового пути Китая.

На заседании Российского научно-образовательного комитета в 2016 г. В. В. Путин сказал, что российский Дальний Восток должен сначала создать прочную техническую основу, опираться на технологическую платформу для обеспечения экономического развития и конкурентоспособности предприятий, а также вывести медицину и сельское хозяйство на новый уровень. Министр промышленности и торговли России Д. Мантуров сказал, что в настоящее время в России построено 75 промышленных парков, 90 находятся в стадии строительства, а 104 находятся на стадии планирования. Технологические инновации также являются одним из важных направлений развития Дальнего Востока России. Дальний Восток России имеет прочную научно-исследовательскую и инновационную базу. Передовые технологии в области аэрокосмической промышленности, новых материалов, сельскохозяйственной техники и ядерной энергетики могут обеспечить технологическую инновационную платформу. Предполагается стимулирование строительства высокотехнологичных промышленных парков для российско-китайского сотрудничества и создание сервисной площадки для коммуникации с Россией на основе созданной платформы,

что выступит стимулом для привлечения отечественных и зарубежных выдающихся предприятий и последующего размещения в парке.

Автор считает, что устаревшая промышленная база на Северо-Востоке Китая стоит перед тяжелым вопросом структурной перестройки экономики. Использование в полной мере технологического потенциала Дальнего Востока России создаст инновационную платформу для сотрудничества, исследуя прорывы в региональном сотрудничестве между Дальним Востоком России и Северо-Востоком Китая, направляя промышленное сотрудничество посредством инноваций и кооперации, расширяя торгово-экономическое сотрудничество и обоюдное переуплотнение производств. Планирование всесторонней инновационной стратегии экономического развития экономики российских и китайских регионов формирует новую модель российско-китайского межрегионального сотрудничества — модель развития, сочетающую инновации и техническую модернизацию. В то же время внедрение передовых технологий в России и поиск новых инвестиционных возможностей, связанных с технологическими инновациями, породили рождение новых отраслей промышленности, завершили экономическую трансформацию и создали уникальный путь инноваций. Разрыв китайско-российского регионального сотрудничества всегда основывался на экономической и торговой ситуации, способствовал высокоуровневому развитию технологических инноваций и модернизации промышленности двух сторон.

Строительство свободного порта в России содействует внедрению инициативы «Один пояс, один путь» и реализации стратегии великого развития Дальнего Востока России.

Самым значительным событием развития Дальнего Востока является создание режима свободного порта и территорий опережающего социально-экономического развития, что определяет уровень участия России и является «локомотивом» для ускорения развития восточной части России. Автор считает, что создание свободного порта несколько не является простым вопросом одного порта, но превращает г. Владивосток в мегаполис, формируя кластерное развитие городов Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая.

«Закон о свободном порте Владивосток» повышает конкурентоспособность участия Дальнего Востока России в инициативе «Один пояс, один путь» и в полной мере сыграет свою важную роль в соединении с транспортными коридорами Европы и Азии.

Строительство «Лунцзянского шелкового пути» и свободного порта в России усилило перепрофилирование производственной структуры в Северо-Восточном Китае и на Востоке России и улучшило процесс внедрения инновационных технологий и капитала в Северо-Восточном Китае и восточной части России. Новый механизм развития Дальнего Востока принесет инвестиции в экономику на сумму более чем 993 млрд р. В стратегических рамках г. Владивостока до 2030 г. насчитывается 83 проекта с общим капиталом 1,2 трлн р., среди них находится строительство бизнес-центра во Владивостоке, строительство морского терминала для оказания туристических услуг на о. Русский и строительство города-спутника в б. Суходол. Указанные проекты принесут огромную прибыль городу и предоставят большое количество возможностей для сотрудничества Северо-Восточным регионам Китая [4, с. 14].

Китайская инициатива трансграничного экономического сотрудничества регионов может оказать положительное влияние на усиление регионального приграничного сотрудничества и предоставить преимущества для создания зоны китайско-российской свободной торговли. Провинция Хэйлуцзянь является зоной свободной торговли между Россией и Китаем, имеет преимущество международной зоны экономического сотрудничества и напрямую выходит на рынок двух стран. Приграничная зона экономического сотрудничества создала хорошую платформу для внедрения экономического проекта «Морского шелкового пути» на рынок Дальнего Востока. Основываясь на географических ограничениях провинции Хэйлуцзянь, строительство свободного порта Владивосток предоставило шанс получить выход к морю. Формат использования данной возможности имеет решающее значение. С одной стороны, имеется возможность экономии на себестоимости транспортных перевозок. С другой стороны, расширение экспорта и внешнеэкономического сотрудничества. Что касается Дальнего Востока России, он может

привлекать инвестиции и развивать промышленные предприятия. В настоящее время в провинции Хэйлуцзянь созданы 16 зон торгово-экономического сотрудничества с Россией для содействия развития международных производственных цепей.

В декабре 2014 г. был принят Федеральный закон «О территориях социального и экономического развития России», который дал жизненные силы для ускоренного развития Дальнего Востока. Главная цель создания территорий опережающего развития — развитие высоких технологий, перерабатывающих предприятий, развитие туризма и портовых перевозок, а также инфраструктурное строительство. Территории опережающего развития на Дальнем Востоке предоставляют целый ряд льготных режимов для налогообложения. С 2016 г. на Дальнем Востоке России утверждено создание 15 территорий опережающего развития. Первый этап инвестиций в ТОР «Надеждинская» в Приморском крае составил 6,73 млрд р. Второй и третий этапы предполагают привлечение частных инвестиций в размере 30 млрд р. и дальнейшее обеспечение до 7 тысяч новых рабочих мест, что принесет более 33,6 млрд р. в бюджет Российской Федерации от налоговых поступлений. В настоящее время группа китайских компаний уже стала резидентами территорий опережающего развития.

Министр развития Дальнего Востока России Александр Галушка заявил, что Россия начала строительство российской части канатной дороги между г. Благовещенском и г. Хэйхэ в декабре 2016 г. Реализация проекта обеспечит необходимую инфраструктурную гарантию для ТОР «Примамурская», в то же время будет способствовать развитию туризма, значительно расширит пропускную способность между двумя странами. После завершения строительства моста между Хэйхэ и Благовещенском будет создана новая международная автомагистраль для реализации прямой транспортной взаимосвязи между двумя городами России и Китая. Ведется строительство международного экономического коридора Китай — Монголия — Россия, а также «Лунцзянского шелкового пути», который является важнейшим трансграничным транспортным коридором.

Заключение

Теоретически в будущем, стратегия развития восточной части России будет

интегрирована в процесс развития экономического пояса Великого шелкового пути, сломав практически не имеющие связи опыт и теорию Великого шелкового пути и восточных районов России. Тесная связь между стратегиями развития сухопутного и морского экономического пояса Великого шелкового пути в провинции Хэйлуцзян и Дальнего Востока России заставляет стратегии развития двух сторон взаимно интегрироваться, тем самым обогащая теории стратегического развития Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. Потенциальное «преимущество отсталости» сотрудничества между наименее развитыми регионами двух стран, вероятно, станет аргументом в пользу развития основных сил экономического развития в Северо-Восточной Азии в целом, наполняя содержанием соответствующую теорию интеграции районов.

С практической точки зрения благодаря строительству экономического пояса Шелкового пути ускоряется реализация стратегии развития восточного региона России, развивается и укрепляется региональное экономическое сотрудничество между Китаем и Россией, что превращает в будущем Дальний Восток России и Северо-Восток Китая в новую базу экономического роста. Более того, расширяется сотрудничество со странами вдоль Шелкового пути, устанавливая статус и роль Китая и России в межрегиональном сотрудничестве на площадках Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Стратегия «возрождения Северо-Востока Китая» и развития Дальнего Востока России дополняют друг друга, обе зависят от взаимодополняемости экономики совместного развития, которые являются важной составляющей частью сотрудничества России и Китая. При помощи площадок территорий опережающего развития и законе о свободном порте на Дальнем Востоке России формируется благоприятная база для реализации проектов, разрушаются барьеры для сотрудничества между Китаем и Россией, ускоряется строительство сухопутного и морского экономического пояса Великого шелкового пути в провинции Хэйлуцзян, активно стимулируется развитие экономического коридора Китай — Монголия — Россия, устраняются барьеры для российско-китайского регионального экономического сотрудничества, ведется поиск точек взаимодействия в различных

областях деятельности для достижения всеобъемлющей стратегической модернизации экономического сотрудничества в восточной части России.

1. Галушка А. Триллион — на Восток. Куда направить «восточный вектор» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/29/galushka.html> (дата обращения: 12.04.2018).

2. Иванов В. В., Бочкарева Н. И. Финансирования российских проектов Экономического Пояса Шелкового пути // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 8. С. 38—48.

3. Лабыкин А. Дальнему Востоку прописали экспорт // Форум. Экономика. ExpertOnline. URL: <http://expert.ru/2013/10/24/dalnemu-vostoku-propisali-eksport/> (дата обращения: 11.05.2018).

4. Ли Синь. Интерактивные исследования по строительству экономического пояса Шелкового пути и развитию Восточной России // Форум Северо-Восточной Азии. 2016. № 4. С. 14—15. URL: <http://www.faobserver.com/Newsinfo.aspx?id=11964> (дата обращения: 12.04.2018).

5. Основной смысл взаимодействия. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/219650528.html> (дата обращения 18.02.2018).

6. Рамонов М. Ляньюньган и евразийские трансконтинентальные экономические оси // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 38—46.

7. Цзин Хэн. Россия хочет использовать Китай для ускорения развития Дальнего Востока: создание зоны развития на Дальнем Востоке. URL: http://www.guancha.cn/Neighbors/2015_04_06_314929.shtml (дата обращения: 11.02.2018).

References

1. Galushka A. (2015) Trillion — na Vostok. Kuda napravit' «vostoch-nyy vektor» // Rossiyskaya gazeta. Available at: <http://www.rg.ru/2015/12/29/galushka.html>, accessed 12.04.2018. [in Rus].

2. Ivanov V.V. (2016) *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, no. 8, p. 42 [in Rus].

3. Labykin A. (2013) *Forum. Ekonomika. ExpertOnline*. Available at: <http://expert.ru/2013/10/24/dalnemu-vostoku-propisali-eksport>, accessed 11.05.2018 [in Rus].

4. Li Sin' (2016) *Forum Severo-Vostochnoy Azii*, no. 4. Available at: <http://www.faobserver.com/Newsinfo.aspx?id=11964>, accessed 12.04.2018 [in Chinese].

5. Osnovnoy smysl vzaimodeystviya (2017) Available at: <https://zhidao.baidu.com/question/219650528.html>, accessed 18.02.2018 [in Chinese].

6. Ramonov M. (2015) *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 2, pp. 43 [in Rus].

7. Tszin Khen. (2015) Rossiya khotet ispol'zovat' Kitay dlya uskoreniya razvitiya Dal'nego Vostoka: sozdaniye razvitoy zony razvitiya na Dal'nem Vostoke. Available at: http://www.guancha.cn/Neighbors/2015_04_06_314929.shtml, accessed 11.02.2018 [in Chinese].

For citing: Chang Yan.

Influence of the economic project "The silk Road" on the development of eastern parts of Russia and China // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 53—60.

UDC 341.221.27 (571.6 + S11)

INFLUENCE OF THE ECONOMIC PROJECT "THE SILK ROAD" ON THE DEVELOPMENT OF EASTERN PARTS OF RUSSIA AND CHINA

Chang Yan,

Heilongjiang University,
Russia Research Department,
Cand. Sc. (Political Sciences),
People's Republic of China,
150000, Harbin, Xue Fu Street, 74.
E-mail: changyan-2000@163.com

Annotation

In the article the author presents the strategy of development "One Belt and One Road Initiative" which has been suggested as a national strategy of People's Republic of China for the last five years. In practice the theory of the project in volume and inner essence is widening. The author underlines that not only China needs this economic initiative but the whole world needs a wider economic platform which is suggested by China. Russia as a strategically significant adjacent land area has worked its way from the passive acceptance to active participation. Effective coordination with the Eurasian Economic Union has gradually decreased Russia's concern. In particular, Chinese "Silk Road Economic Belt" coincides with Russia's strategy in relation to the Far East development. It is necessary to cooperate on developing "Silk Road Economic Belt" and Eastern Russia. It is necessary for China to reclaim north-eastern territories and for Russia to develop Far East. Initiatives "One Belt and One Road", Land and Maritime Silk Road of the Heilongjiang Province provide for Russia substantial financial assurance to develop the eastern region, hasten the realization of the strategy of Far East development. China has great possibilities for cooperating with Russia in the resource sector.

Due to this economic initiative the status of China and Russia's role in interregional cooperation on the grounds of North-East Asia and Asia-Pacific Region is determined.

The author supposes that strategic and successful integration can overcome national problems, create the integrated strategic area and strive for realizing cooperative development goals and consequently realize the strategy of mutual profit.

Key concepts:

"One Belt and One Road Initiative",
"Silk Road Economic Belt",
"Maritime Silk Road of the XXI century",
Russian-Chinese interregional cooperation,
interrelation.

Для цитирования: Мирошников С. Н. Пространственное развитие как основа системного подхода государственного управления территориями // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 61—67.

УДК 332.021

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОСНОВА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ

Мирошников Сергей Николаевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт «Высшая школа государственного управления», заместитель директора экспертно-аналитического центра региональных исследований, кандидат физико-математических наук, доцент. Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84. E-mail: miroshnikov-sn@ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы пространственного развития Российской Федерации как основы системного подхода к вопросам территориального развития. Сформулированы тенденции, проблемы и вызовы данного подхода, определены стратегическая цель пространственного развития и ключевые задачи. Выделены приоритеты государственной поддержки развития конкурентоспособных отраслей экономической специализации субъектов Российской Федерации. Рассмотрено развитие макрорегионов, агломераций, больших и крупных городов. Проведен анализ существующих тенденций развития городов, существующих достоинств и недостатков. Поскольку крупнейшие города должны выступать в роли точек роста и центров размещения и развития объектов отраслей экономики, социальной сферы и науки федерального и регионального значения, отмечена необходимость разработки индивидуальной комплексной программы, учитывающей уникальные особенности каждого города и прилегающей территории. Подчеркнуто, что для упорядочивания использования инструментов и подходов государственного управления развитием территорий, установления льготных режимов осуществления предпринимательской деятельности на определенных территориях в субъектах Российской Федерации должна быть сформирована комплексная система инструментов развития территорий.

Ключевые понятия:

пространственная организация, территориальное развитие, агломерации, точки роста, человеческий капитал, инфраструктура, конкурентные преимущества, экономическая специализация.

Социально-экономическое развитие территорий Российской Федерации, ее регионов и муниципальных образований не может осуществляться без плановой основы, без программ, разрабатываемых на основе региональных и муниципальных стратегий, определяющих направления движения и применяемые инструменты, способы реализации планов и механизмы достижения ключевых целей.

Разработанная стратегия позволяет для каждой сферы экономики определить главные задачи и приоритеты развития, выбрать механизмы управленческой деятельности, определенные с учетом объема необходимых и имеющихся ресурсов, а также потребности в привлечении инвестиций.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что изолированное развитие территорий в современных условиях практически невозможно. Региональные и муниципальные стратегии должны в обязательном порядке учитывать приоритетные цели и направления движения всей страны в целом, федеральных округов, соседних субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, как входящих в рассматриваемую территорию, так и граничащих с ней [1; 8; 9].

Сделать это возможно лишь на базе Стратегии пространственного развития Российской Федерации, необходимость разработки которой определена Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ-172), а также положениями Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития на период до 2025 года».

При этом под пространственным развитием Российской Федерации понимается совершенствование пространственной организации социально-экономической деятельности, связанной с эффективным освоением и использованием территории Российской Федерации, направленными на повышение качества жизни населения и воспроизводство человеческого капитала, преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии территорий и обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов и отдельных территорий страны [14].

Основным направлением пространственного развития в большинстве развитых и развивающихся стран является полицентрическое развитие, направленное на поддержку существующих центров экономического роста, увеличение их числа за счет территорий, обладающих конкурентоспособной экономикой, а также обеспечение высокой связанности таких центров как между собой, так и с прилегающими территориями, а также с точками выхода на международные рынки за счет инфраструктурного развития. Это предполагает сбалансиро-

рованную поддержку центров роста с опорой на расширение практики учета региональных инициатив в пространственном планировании.

Сложившиеся в настоящее время в Российской Федерации тенденции пространственного развития в значительной мере определяют существующие и требующие реагирования основные проблемы и вызовы [2]:

- ограниченное количество центров экономического роста, их крайне неравномерное распределение по территории Российской Федерации;
- несоответствие современного уровня развития магистральной инфраструктуры потребностям экономики субъектов Российской Федерации, низкая транспортная связанность центров экономического роста между собой и с другими территориями, нереализованный транзитный потенциал;
- нереализованные конкурентные преимущества в развитии эффективных экономических специализаций большого числа субъектов Российской Федерации, значительная доля малопроизводительных и низкотехнологичных отраслей в структуре региональных экономик;
- наличие существенных различий в качестве жизни населения как между субъектами Российской Федерации, так и между различными муниципальными образованиями;
- отсутствие комплексного подхода в решении вопросов социально-экономического развития отдельных типов территорий, прежде всего крупнейших городов с прилегающими территориями;
- недоучет пространственных факторов размещения и прогноза их изменений при принятии решения о территориальной организации объектов инфраструктуры;
- нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия, слабый уровень кооперации между субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями;
- ухудшение экологической ситуации в крупных и крупнейших городах и прилегающих к ним территориях, в том числе за счет стремительного роста площади застроенных земель при сокращении доли зеленых насаждений.

Исходя из перечисленных проблем и вызовов, можно сформулировать стратегическую цель пространственного развития Российской Федерации — устойчивое и эффективное развитие пространства страны, обеспечивающее раскрытие социально-экономического потенциала ее территорий и способствующее раз-

витию человеческого капитала, повышению качества жизни граждан и темпов экономического роста, обеспечению национальной безопасности страны [15].

Общими приоритетами государственной поддержки развития конкурентоспособных отраслей экономической специализации субъектов Российской Федерации являются:

- поддержка экспортоориентированных и импортозамещающих производств;
- поддержка проектов, обеспечивающих кластерный эффект за счет использования потенциала сразу нескольких отраслей эффективной экономической специализации [16];
- поддержка инновационных проектов;
- поддержка проектов, направленных на достраивание цепочек добавленной стоимости продукции.

При этом ключевыми задачами являются:

- реализация конкурентных преимуществ субъектов Российской Федерации и отдельных территорий через приоритетное развитие эффективных экономических специализаций;
- социально-экономическое развитие перспективных центров экономического роста, обеспечивающее ускорение экономического роста Российской Федерации и способствующее дальнейшему формированию полицентрической системы пространственного развития прежде всего крупнейших городов с прилегающими территориями, в том числе крупнейших городских агломераций, а также больших и крупных городов;
- обеспечение опережающего социально-экономического развития малых и средних городов, сельских территорий;
- повышение устойчивости пространственной системы Российской Федерации, включая развитие геостратегических территорий Российской Федерации, снятие инфраструктурных ограничений экономического роста в субъектах Российской Федерации, обеспечение роста транспортной связности центров экономического роста друг с другом и с прилегающими территориями;
- развитие экологической инфраструктуры и сохранение биологического разнообразия.

Высокая конкуренция между регионами за привлечение инвестиций требует определения для каждой территории конкурентных преимуществ, и прежде всего выделения конкурентоспособных направлений экономической специализации, сформированной с учетом пространственных факторов размещения (населения, качества человеческого капитала, рыночного положения, инфраструктурной обеспеченности, климатических условий и природно-ресурсного потенциала и прочих).

В целях упорядочивания использования инструментов и подходов государственного управления развитием территорий, установления льготных режимов осуществления предпринимательской деятельности, на определенных территориях в субъектах Российской Федерации, должна быть сформирована комплексная система инструментов развития территорий [17; 18].

Такая система должна дать возможность унифицировать требования и условия к созданию и функционированию таких территорий определить перечень предоставляемых льгот и преференций с учетом эффективных экономических специализаций и особенностей территории [4; 5].

Управление территориями с особым режимом предпринимательской деятельности, преимущественно создаваемых в существующих или перспективных центрах экономического роста, должно осуществляться на уровне субъектов Российской Федерации при необходимой координации и содействии федеральных органов исполнительной власти.

Поскольку, как уже отмечалось, невозможно в современных условиях представить изолированное развитие субъектов Российской Федерации, то необходимо предусмотреть согласованное движение вперед групп регионов в составе макрорегиона. Макрорегион — это часть территории страны, которая состоит из двух или более субъектов федерации, социально-экономические условия в пределах которых требуют выделения отдельных общих направлений, приоритетов, целей и задач экономического развития. Состав макрорегионов может не всегда совпадать с составом федеральных округов. Это категория экономическая, а не административная [3].

Критериями выделения макрорегионов являются: соседнее расположение субъектов Российской Федерации, наличие или возможности формирования межрегиональных инвестиционных проектов, инфраструктурного каркаса, наличие устойчивых экономических и социальных связей между субъектами Российской Федерации в составе макрорегиона, наличие в составе каждого макрорегиона одного или нескольких центров экономического роста и макрорегиональных и межрегиональных центров социального обслуживания населения.

Понятие макрорегиона и его стратегии развития было введено ФЗ-172, однако практически не используется. Причины этого состоят в том, что отсутствует нормативное определение состава и числа макрорегионов, не определены органы управления и порядком согласования интересов, входящих в него субъектов федерации. Решение данной задачи является чрезвычайно важным для развития территорий и должно быть в кратчайшие сроки решено на федеральном уровне через принятие необходимых нормативных документов.

Важнейшим направлением является развитие городов, в которых проживает около 70 % населения, при этом следует различать их как по размеру, так и по вкладу в экономику страны.

В течение последних десятилетий в большинстве развитых стран наблюдается увеличение доли городского населения, проживающего в крупнейших городских агломерациях, роль которых в экономическом росте устойчиво возрастает. В развивающихся странах данный процесс развивается ускоренными темпами.

Причинами динамичного социально-экономического развития крупнейших городов с прилегающими территориями являются емкий внутренний рынок, высокий уровень развития человеческого капитала, высокий инновационный потенциал, качественная городская среда, высокая предпринимательская активность, развитая социальная инфраструктура. Сочетание перечисленных факторов способствует активному развитию деловых и финансовых услуг, высокотехнологичных и наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Так, в Российской Федерации в крупнейших городах концентрируется до 90 % выручки и занятого населения в указанных отраслях.

Одним из главных эффектов концентрации населения и экономики в крупных городских агломерациях становится более высокая производительность труда по сравнению с остальными территориями. Высокий социально-экономический потенциал большинства крупнейших городских агломераций определяют максимальная концентрация производственных факторов, возможности существенного наращивания объемов производства в инновационных и высокотехнологичных отраслях промышленности, сфере услуг.

Под воздействием факторов концентрации в Российской Федерации сформировалось около 40 крупнейших городских агломераций, в каждой из которых проживает более 700 тыс. человек. Численность населения большинства крупнейших городских агломераций с начала 2000-х годов устойчиво возрастает и уже превысила 73 млн человек.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в Российской Федерации за последние 10 лет сформировалось ограниченное количество центров экономического роста. В их составе преобладают самые крупные города с прилегающими территориями численностью более 500 тыс. человек, образующие крупнейшие городские агломерации, большие и крупные города численностью от 100 до 500 тыс. человек, а также специализированные относительно малозаселенные территории со слабо диверсифицированной экономикой, но с высокой производительностью в сфере добычи полезных ископаемых и агропромышленно-производства, лесного хозяйства, туристско-рекреационной деятельности.

За период с 2010 г., по данным Росстата, 84 % суммарного валового регионального продукта субъектов Российской Федерации (ВРП) обеспечили 2 крупнейших по масштабам центров экономического роста — Московская и Санкт-Петербургская городские агломерации, 25 крупных и 23 средних городов, общий вклад которых в рост совокупного ВРП составляет 26 % при доле в населении — 18,6 %.

Крупными центрами экономического роста, вклад каждого из которых в рост суммарного ВРП с 2010 г. составляет более 1 %, стали 25 территорий, в том числе 18 крупных городских агломераций, в которых проживает 20 % населения страны, но производится 40 % суммарного ВРП.

В центрах экономического роста среднего масштаба, каждый из которых обеспечил вклад в 0,5—1,0 % от прироста суммарного ВРП, относятся еще 23 территории, в которых проживает 12 % населения, а их вклад в прирост суммарного ВРП составляет 17 %.

Следует отметить, что при всей внешней привлекательности приведенных выше цифр, вклад каждой из агломераций, каждого из городов весьма различен. Если вклад Москвы в ВВП составляет, по данным Росстата в 2017 г., 17 % при доле населения 8 %, что подтверждает позитивную экономическую роль агломерационных эффектов, то для Санкт-Петербурга эти цифры не столь убедительны — вклад в ВВП — 5 % при доле населения — 4 %. Другие российские городские агломерации по данным показателям сильно отстают от уровня Москвы и Санкт-Петербурга и по этой причине проигрывают им конкурентную борьбу за человеческий капитал и инвестиции.

В течение последних десятилетий отсутствие достаточного внимания развитию агломераций, качественного планирования их пространственного развития, определения направлений роста привело к нарастанию пространственных диспропорций:

- избыточной застройке пригородов жильем без необходимой транспортной и социальной инфраструктуры;
- высокой концентрации мест приложения труда в центральной части крупнейших городов и дефициту в пригородах;
- низкими бюджетными возможностями в пригородных муниципальных образованиях.

Результатом этой тенденции стало нарастание экологических и транспортных проблем, а также усиление социальных диспропорций внутри агломераций.

Необходимо подчеркнуть, что размер, численность населения города или городской агломерации является необходимым, но не достаточным условием экономического роста. Города притягивают человеческий капитал, необходимый для развития, не столько размером

и качеством среды, и доступностью жилья, хотя это тоже немаловажные факторы, а своими конкурентоспособными компетенциями и наличием спроса на те или иные компетенции со стороны бизнеса [1].

Поэтому развитие агломераций, больших и крупных городов также требует определения эффективной экономической специализации, содействия инновационному развитию отраслей обрабатывающей промышленности, модернизации производства отраслей специализации, формирования кластеров и цепочек добавленной стоимости продукции. Это позволит о обеспечить не только приоритетную поддержку перспективных высокотехнологических и наукоемких отраслей производства товаров и услуг, но и создание и развитие новых центров экономической активности в пределах самого города или городов агломерации и на пригородных территориях [6; 11—13].

Вовлечение больших территорий в экономический рост будет возможно только при повышении транспортной связности между центрами роста за счет развития системы международных, национальных и межрегиональных транспортных коридоров и модернизации опорного транспортного каркаса Российской Федерации.

Улучшение качества городской среды как фактор привлечения людских ресурсов и повышения качества человеческого капитала должно осуществляться через обеспечение жилого фонда базовой коммунальной инфраструктурой, решение проблем ветхого и аварийного жилья, приведение в нормативное состояние региональных и местных дорог и развитие общественного транспорта, в том числе обновление парка общественного транспорта. Значимой задачей является также снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах [7].

Крупнейшие города должны выступать в роли центров размещения и развития объектов отраслей социальной сферы и науки федерального и регионального значения [19]. Можно выделить следующие направления развития отраслей социальной сферы и науки в крупнейших городах:

- формирование и развитие медицинских центров, в том числе национальных медицинских исследовательских центров, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность вместе с экспортом медицинских услуги, с предоставлением специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи;
- создание и развитие научных центров мирового уровня, также центров компетенций;
- развитие ведущих образовательных организаций высшего образования с целью повышения их конкурентных

позиций на глобальном рынке образовательных услуг;

- создание на базе ведущих организаций профессионального образования межрегиональных центров компетенций;
- создание федеральных и межрегиональных центров культурных услуг.

В крупнейших городах с прилегающими территориями необходимо планирование развития сети учреждений отраслей социальной сферы с учетом транспортной доступности указанных услуг, прогноза численности населения и трудовых ресурсов не только крупнейшего города, но и окружающих территорий субъекта Российской Федерации, а также соседних субъектов Российской Федерации, предусмотрев усиление межрайонных функций больших и крупных городов в отраслях социальной сферы.

Это требует инфраструктурной поддержки реализации проектов реновации существующих городских жилых районов, комплексного развития городских и пригородных территорий с привлечением частного бизнеса на условиях государственно-частного партнерства; повышения эффективности использования центральных частей крупнейших городов, сохранения культурного наследия; развития общественных (публичных) пространств крупнейших городов; обеспечения разнообразной и насыщенной культурной жизни за счет развития культурно-досуговой сферы; улучшения состояния окружающей среды за счет стимулирования внедрения малоотходных технологий и современных систем очистки выбросов и стоков, реализации мер по защите от шумового загрязнения, утилизации и переработке отходов, сокращения воздействия транспорта на окружающую среду.

Для крупнейших и крупных городов должны разрабатываться качественные индивидуальные комплексные программы, учитывающие уникальные особенности каждого города и прилегающей территории, входящей в городскую агломерацию (при необходимости — в увязке с развитием субъекта Российской Федерации и соседних субъектов Российской Федерации). Такая программа должна учитывать документы стратегического и территориального планирования федерального и регионального уровней, индекс городского развития, мероприятия национальных проектов, государственных и муниципальных программ, непрограммных направлений деятельности органов власти, включать в себя разработку и внедрение передовых практик в сфере государственно-частного партнерства, обучение специалистов органов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления лучшим практикам управления городами и сельскими территориями [9; 10; 20].

В стратегиях и программах социально-экономического развития макрорегионов, субъек-

тов Российской Федерации и муниципальных образований, включая агломерации, должны быть определены ограниченное количество конкурентоспособных на международном и российском рынке отраслей промышленности и услуг и региональных центров экономического роста, в которых локализируются предприятия и организации данных отраслей. В целях ускорения экономического развития необходима концентрация государственной поддержки на выделяемых в указанных стратегиях отраслевых и территориальных приоритетах.

Обязательным элементом программ должна стать система профессионального образования, обеспечивающей подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров в соответствии с потребностями отраслей эффективной специализации региона и города путем развития целевой формы обучения, создания базовых кафедр крупнейших компаний, центров компетенций с участием бизнеса.

Сохранению и развитию человеческого капитала будет способствовать обеспечение сплошной доступности базовых услуг, в том числе за счет современных способов оказания услуг; опережающего развития высокотехнологичных социальных услуг и возможности профессионального образования в городах.

В заключение следует отметить, что пространственное развитие является не столько целью, сколько системным подходом к вопросам государственного управления территориальным развитием. Его применение позволит достичь прогресса в таких важнейших направлениях, как увеличение экономической активности, модернизация инфраструктуры и систем управления, развитие социальной сферы и человеческого капитала. Ключевыми задачами государственного управления в обеспечении социально-экономического роста должны стать инфраструктурное обеспечение пространства развития экономики и социальной сферы, привлечение частных инвестиций в негосударственный сектор региональной и местной экономики, а также совершенствование механизмов стимулирования органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления к наращиванию собственного экономического потенциала и определения оптимального состава органов государственной власти и органов местного самоуправления.

1. Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 1. С. 76—91.

2. Бухвальд Е. М., Иванов О. Б. Экономическая безопасность России и стратегия ее пространственного развития // ЭТАП:

экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 3. С. 7—22.

3. Доманицкий А. А. Управление пространственным развитием России (на примере регионов Севера). М., 2015.

4. Зельднер А. Г. Условия и стимулы функционирования территорий опережающего социально-экономического развития // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-2 (82-2). С. 171—176.

5. Зельднер А. Г. Государственно-частное партнерство — мейнстрим современного этапа российской экономики // Мир перемен. 2014. № 1. С. 140—143.

6. Иванов А. С. Пространственные тенденции и противоречия в управлении развитием города. // Региональная экономика. Юг России. 2014. № 2. С. 99—105.

7. Каримов А. М. Градостроительный подход к развитию территорий как необходимое условие создания пространственных предпосылок для повышения качества жизни // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 31-1 (50). С. 92—99.

8. Козжевина О. В., Сиротенко М. В. Пространственный анализ и его роль в повышении качества стратегического управления территориальным развитием // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. II. № 1. С. 358—362.

9. Леманова П. В. Пространственное развитие и его роль в управлении социально-экономическим развитием региона // Экономика устойчивого развития. 2012. № 12. С. 111—114.

10. Маннапов Р. Г. Пространственные аспекты обновления управления инновационным развитием региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 31. С. 41—48.

11. Мирошников С. Н. Моногорода: современная практика и перспективы // Евразийское Научное Объединение. 2017. Т. 3. № 12 (34). С. 151—154.

12. Мирошников С. Н. О совершенствовании механизма государственного и муниципального управления // Местное самоуправление в Российской Федерации. 2009. № 1. С. 23—25.

13. Мирошников С. Н., Чаркина Е. С. Города России: инструменты государственного управления развитием территорий (на примере моногородов) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 1. С. 23—27.

14. Рой О. М. Управление пространственным развитием: методологические основы // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 2. С. 65—67.

15. Старикова С. С. Проблемы управления пространственным развитием территорий //

Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2010. № 1. С. 389—391.

16. Суханова П. А. Кластерное пространственное развитие: основные положения программ кластерного развития, новые тенденции кластерного развития // Кластеры в экономике России: сущность, проблемы и перспективы развития : сб. ст. по итогам междунар. науч. практ. конф. М., 2017. С. 126—129.

17. Чаркина Е. С., Мирошников С. Н. Система создания и функционирования инструментов развития территорий (часть первая) // Управленческое консультирование. 2017. № 9 (105). С. 92—104.

18. Чаркина Е. С., Мирошников С. Н. Система создания и функционирования инструментов развития территорий (часть вторая) // Управленческое консультирование. 2017. № 10 (106). С. 89—95.

19. Черняк В. И. От пространственного анализа территорий к сбалансированному социально-экономическому развитию людей // Global crisis of contemporaneity in the sphere of mindset, social values and political interests correlation: issues of limits, reproduction and rational use of natural resources : materials digest of the XXXV international research and practice conference and the iii stage of the championship in political, philosophical and military sciences. (London, november 05 — november 12, 2012) / ed. V.V. Pavlov. London, 2013. С. 107—110.

20. Швец И. Ю., Швец Ю. Ю. Управление пространственным развитием региона. М., 2016.

References

1. Bahtizin A.R., Buhval'd Ye.M., Kol'chugina A.V. (2016) *Vestnik Instituta ehkonomiki RAN*, no. 1, pp. 76—91 [in Rus].
2. Buhval'd Ye.M., Ivanov O.B. (2017) *HTAP: ehkonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, no. 3, pp. 7—22 [in Rus].
3. Domanickij A.A. (2015) *Upravlenie prostanstvennym razvitiem Rossii (na primere regionov Severa)*. Moscow. [in Rus].
4. Zel'dner A.G. (2017) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 5-2 (82-2), pp. 171—176 [in Rus].
5. Zel'dner A.G. (2014) *Mir peremen*, no. 1, pp. 140—143 [in Rus].
6. Ivanov A.C. (2014) *Regional'naya ehkonomika. Yug Rossii*, no. 2, pp. 99—105 [in Rus].
7. Karimov A.M. (2013) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: stroitel'stvo i arhitektura*, no. 31-1 (50), pp. 92—99 [in Rus].
8. Kozhevina O.V., Sirotenko M.V. (2015) *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire*, vol. II, no. 1, pp. 358—362 [in Rus].
9. Lemanova P.V. (2012) *Ekonomika ustojchivogo razvitiya*, no. 12, pp. 111—114 [in Rus].
10. Mannapov R.G. (2013) *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, no. 31, pp. 41—48 [in Rus].

11. Miroshnikov S.N. (2017) *Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie*, vol. 3, no. 12 (34), pp. 151—154 [in Rus].
12. Miroshnikov S.N. (2009) *Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii*, no. 1, pp. 23—25 [in Rus].
13. Miroshnikov S.N., Cparkina Ye.S. (2018) *Municipal'noe imushchestvo: ehkonomika, pravo, upravlenie*, no. 1, pp. 23—27 [in Rus].
14. Roj O.M. (2014) *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*, no. 2, pp. 65—67 [in Rus].
15. Starikova S.S. (2010) *Ekonomika i upravlenie: novye vyzovy i perspektivy*, no. 1, pp. 389—391 [in Rus].
16. Suhanova P.A. (2017) *Klasternoe prostranstvennoe razvitie: osnovnye polozheniya programm klasternogo razvitiya, novye tendencii klasternogo razvitiya. // Klastery v ehkonomike Rossii: sushchnost', problemy i perspektivy razvitiya*. Moscow, pp. 126—129 [in Rus].
17. Charkina E.S., Miroshnikov S.N. (2017) *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 9 (105), pp. 92—104 [in Rus].
18. Charkina E.S., Miroshnikov S.N. (2017) *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 10 (106), pp. 89—95 [in Rus].
19. Chernyak V.I. (2013) *Ot prostranstvennogo analiza territorij k sbalansirovannomu social'no-ehkonomicheskomu razvitiyu lyudej // Global crisis of contemporaneity in the sphere of mindset, social values and political interests correlation: issues of limits, reproduction and rational use of natural resources*. London, pp. 107—110 [in Rus].
20. Shvec I.Yu., Shvec Yu.Yu. (2016) *Upravlenie prostranstvennym razvitiem regiona*. Moscow [in Rus].

For citing: Miroshnikov S.N. Spatial development as the basis of system approach of state territorial management // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 61—67.

UDC 332.021

SPATIAL DEVELOPMENT AS THE BASIS OF SYSTEM APPROACH OF STATE TERRITORIAL MANAGEMENT

Sergey N. Miroshnikov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute "Higher School of Public Administration", Deputy Director of the Expert Analytical Centre of Regional Researches, Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Associate Professor, Russian Federation, 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 84. E-mail: miroshnikov-sn@ranepa.ru

Annotation

The article considers the aspects of spatial development of the Russian Federation as a system approach to territorial development. The author summarizes tendencies, problems and challenges of this approach, defines the strategic aim of spatial development and key tasks. Priorities of government support for developing competitive branches of economic specialization of the Russian Federation subjects are pointed out. The author considers development of macroregions, agglomerations, and big cities. The analysis of the existing tendencies of city development, the existing strong and weak points is done. As far as big cities should be in the role of growth point and centers of developing economic branches, social sphere and science of federal and regional significance, the author points out the necessity to work out individual integrated program, considering the unique peculiarities of every city and surroundings. The author underlines that for regulating implementation of tools and approaches to managing territorial development, setting preferential conditions for conducting a business on certain territories of the Russian Federation subjects there should be an integrated system of instruments for territorial development.

Key concepts:

spatial organization,
territorial development,
agglomeration,
growth points,
human capital assets,
infrastructure,
competitive advantages,
economic specialization.

Для цитирования: Побединский В. В.,
Вукович Н. А., Зубкова О. В.
Основные положения научного направления
«зеленая» экономика //
Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 68—78.

УДК 330.341.42

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ «ЗЕЛЕНАЯ» ЭКОНОМИКА»

Побединский Владимир Викторович,

Уральский государственный
лесотехнический университет,
профессор кафедры сервиса и эксплуатации
транспортных и технологических машин,
доктор технических наук, доцент
Российская Федерация,
620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 37.
E-mail: pobed@e1.ru

Вукович Наталья Анатольевна,

Уральский государственный
лесотехнический университет,
проректор по инновационному развитию
и международному сотрудничеству,
кандидат экономических наук,
Российская Федерация,
620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 37.
E-mail: shprak@usfeu.ru

Зубкова Ольга Владимировна,

Уральский социально-экономический
институт (филиал)
Академии труда и социальных отношений,
заведующий кафедрой экономики,
доктор экономических наук, доцент.
Российская Федерация,
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: Aknozama78@mail.ru

Аннотация

Рассмотрена проблема развития «зеленой» экономики в России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания теоретико-методологической базы на переходный период и идентификации критериальной оценки состояния и уровня развития «зеленой» экономики. Гипотеза исследования состоит в том, что использование системного подхода позволяет сформировать общую методологию и первоочередные задачи, а также иерархическую структуру системы «зеленая» экономика», учесть все особенности, взаимосвязи объекта исследования и разработать наиболее приемлемую систему критериальной оценки «зеленой» экономики в масштабе региона. Предлагаемые инструментальные средства позволяют встраиваться в систему международных измерений и определять состояние «зеленой» экономики в российских условиях. Основные результаты и выводы статьи могут быть использованы в качестве теоретико-методологической и практической основы для выполнения оценки текущего состояния и уровня развития «зеленой» экономики, определения эффективности эколого-экономических программ, оптимизации финансового управления, ведения экологического мониторинга и других задач.

Ключевые понятия:

«зеленая» экономика,
методология,
иерархическая структура «зеленой» экономики,
методика разработки критериев,
критерии оценки «зеленой» экономики.

Введение

В настоящее время обострение глобальных экологических проблем поставило под угрозу существование человеческой цивилизации и активизировало поиск новых путей развития мировой экономики. Главную причину такого положения М. В. Терешина, И. Н. Дегтярева объясняют так называемым эффектом «декаплинга» [13], когда природные ресурсы сокращаются, а потребление человечества все возрастает. С целью решения проблемы мировым сообществом была принята концепция «зеленой» экономики, которая на сегодня стала не просто возможностью, а обязательным путем развития всех стран для обеспечения безопасного будущего своих граждан. Реализация новой модели развития связана с переходным периодом, определяющим инновационный курс и технологические изменения. Это положение одновременно вызывает необходимость определения задач для переходного периода, которые будут одним из предметов дальнейшего рассмотрения.

Тема перехода к «зеленой» экономике стала центральной на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 2012 г., где в заключительном документе указывается, что переход к «зеленой» экономике каждая страна может определять в соответствии со своими национальными планами, стратегиями и приоритетами устойчивого развития.

Важными элементами государственной политики в области «зеленой» экономики, направленными на охрану окружающей среды, защиту интересов общества, государства и его граждан в сфере природопользования, а также обеспечения экологической безопасности и повышения экономического потенциала страны, являются экологический аудит, экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, экологическая сертификация, другие мероприятия. Однако настоящие инструменты не позволяют сравнивать различные технологии между собой, давать количественную оценку проектов по показателям экологичности и тем более не пригодны для их оптимизации. Указанные методы предназначены для надзорных целей, поэтому действуют как ограничители и не оказывают нормативно-правового стимулирования на развитие «зеленой» экономики.

Из сказанного следует, что для обеспечения перехода к «зеленой» экономике необходимо создать теоретико-методологическую базу, а для мониторинга процесса перехода и оценки управляющих воздейст-

вий — разработать соответствующую систему оценочных индикаторов.

В силу глобальности «зеленая» экономика охватывает все отрасли, поэтому с точки зрения науки — это междисциплинарная тема и включает кроме экономики проблемы энергетики, экологии, производства, нормативно-правового сопровождения, землепользования, водных ресурсов и других стратегических отраслей науки и практики управления народным хозяйством. Об этом прямо говорится в основных программных документах международного статуса, где речь идет о глобальной проблеме. Выше-сказанное предопределяет актуальность исследования проблем «зеленой» экономики на основе системного подхода. Как объект исследований «зеленая» экономика относится к классу больших систем, поэтому изучать ее нужно с этих позиций, тем не менее, судя по обзору публикаций, учеными такой подход игнорируется. Большинство авторов выделяется только наиболее заметная для них сторона объекта исследования, и она представляется в обобщенном виде, претендуя на описание всего объекта во всем его многообразии. Например, в работах доктора экономических наук В. С. Бочко предлагается т. н. «цивилизационный» подход к объяснению понятия «зеленая» экономика [2], но, как будет показано далее, эта социальная сторона по значимости относится к группе самого низкого уровня показателей. Кроме того, автор рассматривает проблему значительно шире и не ограничивается только социальной стороной. Аналогичны теоретические подходы и некоторых других авторов.

Следует отметить, что вопросы «зеленой» экономики сейчас являются объектами научного интереса широкого круга ученых. Так, влияние эко-городов на развитие «зеленой» экономики изучают А. Nahman, В. К. Mahumani и W. J. DeLange [19]. В работах D. D'Amato, N. Droste, B. Allen, M. Kettunen, K. Lähtinen, J. Korhonen, A. Toppinen [17] предлагается осуществить с помощью перехода к «зеленой» экономике технологический сдвиг мирового промышленного производства и потребления. Общие вопросы и взаимосвязь устойчивого развития и «зеленой» экономики рассматривают А. Pegels и др. [20].

Работы вышеуказанных исследователей отличаются отвлеченными подходами философского плана и несколько неопределенными результатами. Большая часть этих работ посвящена попыткам выработать основные понятия, определения, критериальные

оценки, очевидно, для будущих исследований, но направления дальнейших исследований не конкретизируются, соответственно, неясно и назначение предложенных критериев. В качестве примера можно привести статью А. Nahman, В. К. Mahumani и W. J. DeLange из достояния авторитетного издания [19], где авторами предполагается в качестве одного из принципов, что «зеленая» экономика *«интернализует внешние эффекты»*. А из этой малопонятной трактовки якобы логично вытекает критерий *«Интернализировать экстерналии»*. Другой «разработанный» принцип звучит еще более экзотически: *«Справедлива, справедлива и справедлива внутри стран и между поколениями»*, и этому принципу соответствуют следующий перечень критериев, дословно:

- 1) *справедливость внутри поколений;*
- 2) *межпоколенческая справедливость;*
- 3) *международная институциональная реформа»*.

Большинство других зарубежных публикаций в методологическом плане аналогичны. Можно отметить только известные материалы различных форумов на правительственном уровне и международного статуса¹, где критериальные оценки более конкретизированы, но методологические подходы к проблеме официальные документы не содержат.

К этой проблеме наиболее корректно, системно подходит доктор технических наук Ю. В. Лебедев [10] и отмечает необходимость фундаментальных исследований в этом направлении, которые должны охватывать несколько уровней: концептуальный, политический, экологический, экономический. Из содержания и контекста намечаются основные положения методологии — необходим системный подход к исследованию «зеленой» экономики и рассмотрению объекта исследований как иерархической структуры.

Важность институтов «зеленого финансирования» в устойчивом развитии национальной экономики на примере России анализируют в своих работах Л. Ю. Андреева, Н. Г. Вовченко, Т. В. Епифанова, А. А. Полуботко [1]. Они рассматривают «зеленую» экономику как новую ступень развития эко-

номики страны и подчеркивают ее важность в контексте национальной безопасности.

Публикационная активность в направлении исследования «зеленой» экономики резко возросла за последние 2—3 года, имеются большие наработки по теме, но достаточно обоснованного методологического подхода к изучению этой области, по мнению авторов, еще не сложилось.

Таким образом, исследования, посвященные формированию концепции «зеленой» экономики, направленные на разработку методологии исследований в указанной области, развитие системы ее критериальной оценки, являются весьма актуальными.

В этой связи приоритетным аспектом научных исследований является обоснование основных положений концепции «зеленой» экономики как актуального научно-практического направления экономики и управления народным хозяйством.

Реализация научного исследования предполагала:

1. Разработку общей методологии выполнения первоочередных задач в исследованиях «зеленой» экономики.
2. Разработку структурной схемы объекта исследования — «зеленой» экономики.
3. Разработку методического подхода к формированию системы оценки «зеленой» экономики.
4. Обоснование иерархической структуры критериев оценки «зеленой» экономики.

Основная часть

Разработка общей методологии выполнения первоочередных задач

Укрупненно этапы и первостепенные задачи исследований «зеленой» экономики приведены на рис. 1.

В настоящей статье акценты сделаны на разработке структурной схемы объекта исследования — «зеленой» экономики; разработке методического подхода к формированию системы оценки «зеленой» экономики; обосновании системы критериев оценки «зеленой» экономики.

Разработка структурной схемы объекта исследования — «зеленой» экономики

Система «зеленой» экономики является иерархической по степени значимости составных частей или в данном случае

¹ Конференция ООН по устойчивому развитию Рио+20. Рио-де-Жанейро, 2012; Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года № 1061. Минск : Совет министров Республики Беларусь, 2016 ; Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой» экономике. Астана : утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577.

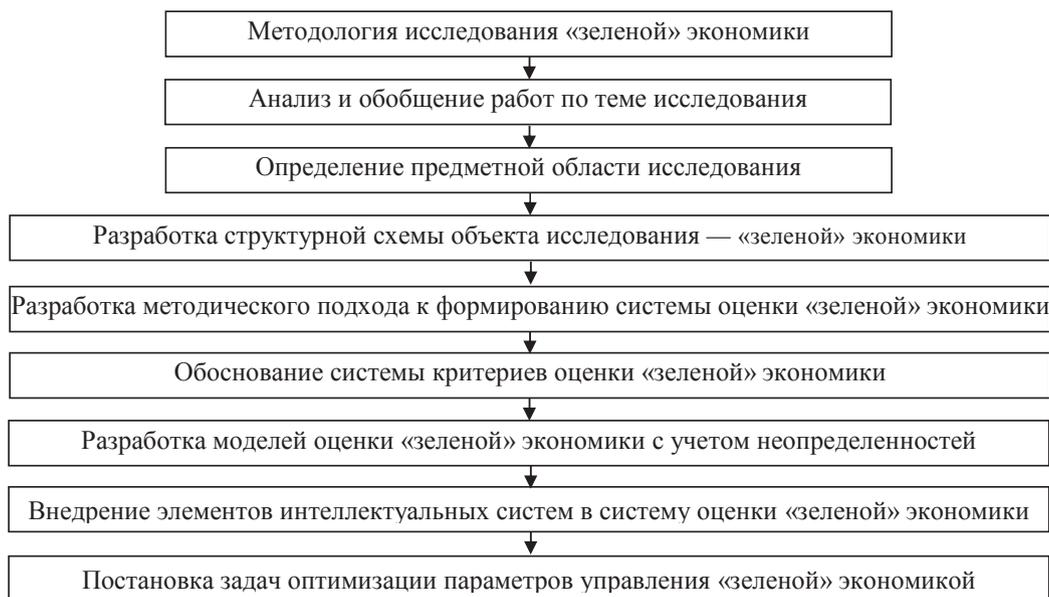

Рис. 1. Первостепенные задачи исследований «зеленой» экономики

подсистем. Рассмотрим подсистемы в порядке иерархии (рис. 2).

Подсистема I уровня «Управление».

Теория систем предполагает наличие субъекта и объектов управления. Для управления «зеленой» экономикой в государственном масштабе имеется только один механизм — нормативно-правовая база. Но нормативно-правовая база (Федеральные законы, Указы, Постановления Правительства РФ и др.) определяет только стратегические задачи управления, говоря проще, определяет, «что делать». А реализация стратегических задач, или «как делать», выполняется на основе нормативно-технической базы. И та, и другая база характеризуется тем, насколько она развита в части «зеленой» экономики, т. е. количественно ее можно оценить числом нормативно-правовых документов, регулирующих данную область.

Динамику развития этой подсистемы можно проследить по изменению (увеличению или обновлению) количества соответствующих документов.

Если механизмом управления является нормативная база, то движущей силой для механизма является финансирование. Кроме бюджетного финансирования и различных инвестиций огромную роль играет и система налогообложения, действуя во многих случаях аналогично финансированию. Объемы финансирования по каждой подсистеме будут характеризоваться показателем текущего состояния элемента «Финансиро-

вание», а изменение объема характеризует динамику процесса.

Таким образом, подсистему первого уровня «Управление» образуют элементы «Нормативно-правовая база», «Нормативно-техническая база» и «Финансирование». Следует отметить, что все три указанных элемента также являются подсистемами, а в зависимости от детализации могут рассматриваться сложными системами, но в данном случае названы так для целей структуризации критериев оценки состояния «зеленой» экономики.

Подсистема II уровня включает самые приоритетные области по вкладу в экономику «зеленого» роста или системообразующие области. Каждая системообразующая область имеет основной показатель, который характеризуется как текущим состоянием (статический), так и показателем его изменения (динамическим). Основной признак составных частей назван экологическим условно в контексте рассмотрения вопроса. Так, для энергетики основным признаком с точки зрения «зеленого» роста нужно определить энергоемкость, и в этой трактовке она должна учитываться от возобновляемых и невозобновляемых источников.

Аналогично обстоит и с подсистемой «Транспорт» детализировать в показателях долю на электро- и другом более экологическом приводе, как предлагается многими авторами, нет необходимости, т. к. важнейшим

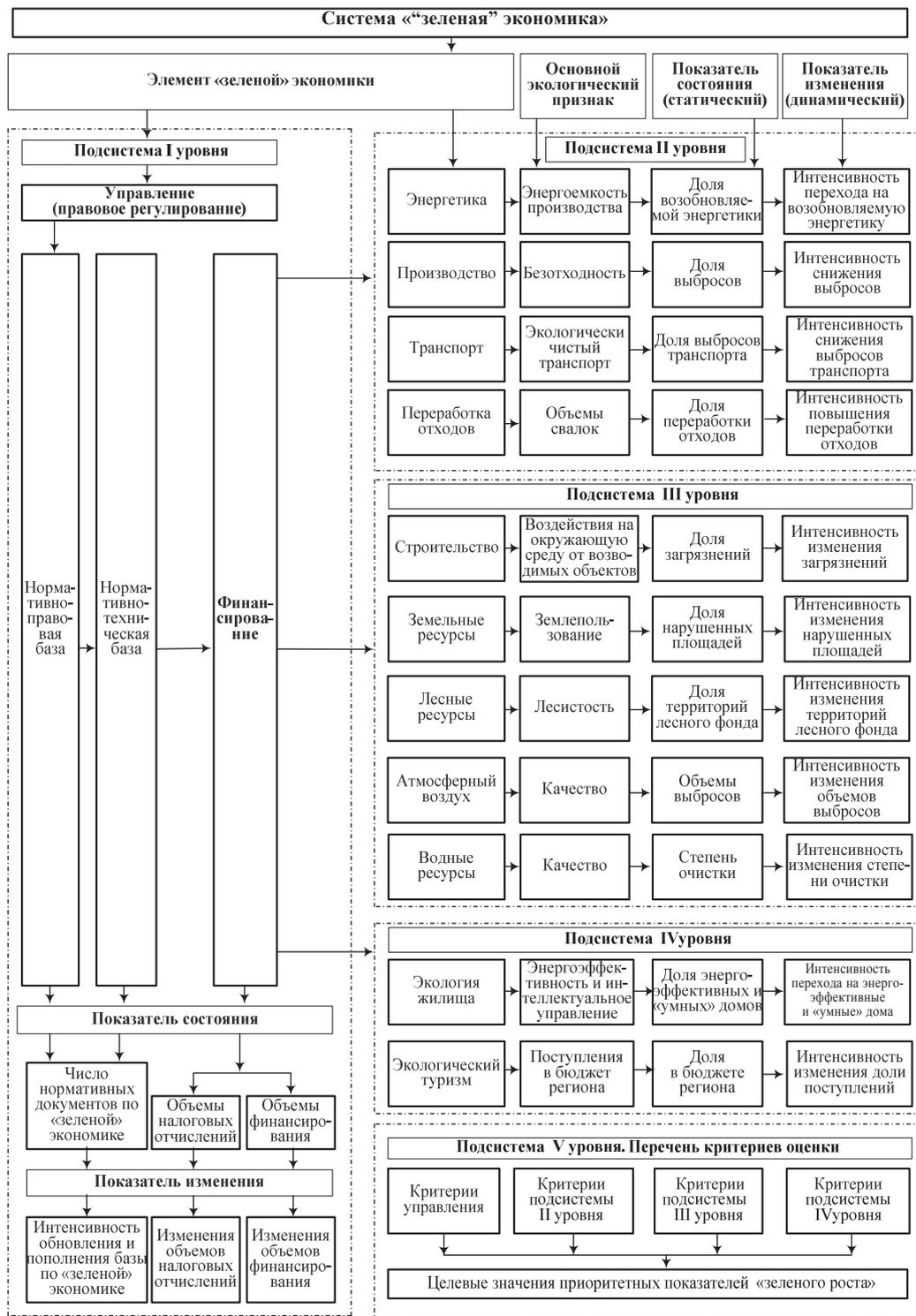

Рис. 2. Иерархическая структура системы «зеленая» экономика»

показателем является не собственно переход на новый привод, а только выбросы и отходы от технической эксплуатации. При этом количество выбросов может быть одновременно и показателем объемов использования углеводородного топлива.

К **подсистеме III уровня** относится строительство. Дискуссионным вопросом является исследование основного экологического принципа строительства. Многими авторами предлагается в строительстве учитывать производство стройматериалов и ввод экологического жилища. Но в этой части нужно учитывать только воздействия от возводимых объектов, а индустрия стройматериалов относится к производству. Также и количество энергоэффективных и «умных» домов следует относить в другую группу в «Экологию жилища».

Остальные подсистемы III уровня относятся к природным ресурсам.

Подсистема IV уровня. Элемент «**Экология жилища**», с одной стороны, можно рассматривать как один из целевых, как желаемый результат новых экономических условий, но он зависит от множества факторов: экологические параметры жилища являются следствием функционирования других подсистем, поэтому он отнесен к последнему уровню подсистем.

На этот же уровень нужно включить элемент «**Экологический туризм**», но не второстепенные параметры, например, количество экологических маршрутов или туристов, как у некоторых авторов, а важнейший показатель — финансовые поступления в бюджет региона.

Для группы критериев каждого уровня формируется интегральный показатель, а его количественное значение следует дополнительно обосновывать для конкретного этапа развития «зеленой» экономики.

Целевые значения приоритетных показателей «зеленого» роста формируются для оценки результата функционирования четырех подсистем «зеленой» экономики. Реализация ее должна обеспечить неистощимое потребление ресурсов при сохранении достигнутого уровня благосостояния человечества [1]. Отсюда логично следуют конечные показатели. Например, как с показателями для энергоэффективных домов, должны обосновываться значения близкие к оптимальным и по другим критериям.

Подсистема V уровня. «**Целевые значения приоритетных показателей**».

Нужно исходить из назначения «зеленой» экономики, в связи с чем эта идея появилась. Ее реализация должна обеспечить

неистощимое потребление ресурсов при сохранении достигнутого уровня благосостояния человечества [1]. Отсюда также логично следуют конечные показатели. Как было сказано, по аналогии, например, с показателем «три нуля» для энергоэффективных домов¹, должны обосновываться значения, близкие к нулевым и по другим критериям (в части потребления ресурсов или отходов).

Для группы критериев каждого уровня формируется интегральный показатель, а его количественное значение следует дополнительно обосновывать для конкретного этапа развития «зеленой» экономики.

Понятно, что на сегодня нулевые показатели (в части отходов и потребления ресурсов) недостижимы, поэтому их значения, скорее всего, должны быть разными на конкретных этапах и обоснованы с экономических позиций. Одним из способов обоснования может быть оптимизация по критериям минимизации этих показателей. Поскольку задача является многокритериальной, целесообразно формировать обобщенный показатель эффективности с использованием весовых коэффициентов для критериев.

Разработка методического подхода к формированию системы оценки «зеленой» экономики

Вопросам исследования критериальных оценок «зеленой» экономики посвящена большая часть всех публикаций по данной теме, что потребовало изучения их специфики и областей применения.

Обзор исследований, посвященных разработке критериальных оценок «зеленой» экономики, показывает значительное расхождение в подходах к формированию этих критериев. Отметим главные особенности известных публикаций.

Часто авторы рассматривают отдельную сторону проблемы и по ней пытаются построить систему критериев, которая, как они предполагают, должна быть комплексной. Однако все интуитивно понимают, что объект исследований сложный, многогранный, и тогда для учета различных свойств объекта изучения предлагают также большое количество показателей. Понятие «зеленая» экономика имеет различные стороны смыслового содержания, поэтому целесообразно

¹ Дома с нулевым потреблением электроэнергии. URL: <http://sc-os.ru/energyefficiency/1751-doma-s-nulevym-potrebleniem-energii.html> (дата обращения: 02.05.2018).

ным будет укрупненно разделить критерии ее оценки. Например, структура показателей экологизации по [20] включает 5 групп и в каждую группу входят различные индикаторы. Но здесь авторы не учитывают принципиально важный момент, что эти группы могут быть не равнозначными. Это свойство отмечается в [12], и авторы предлагают для практического применения ранжировать критерии. Например, А. А. Гусев предлагает систему основных, дополняющих и сопряженных показателей «зеленого» роста, в том числе приведен обзор опыта зарубежных стран [6].

В других работах сделана попытка более строго конкретизировать критерии, а также предложить нормирование их значений и вместо назначения размерностей представить критерии в процентном отношении или долях.

Поскольку критерии описывают комплексное явление «зеленая экономика», это предопределяет и большое их количество, что, в свою очередь, приводит к сложности оценки и обуславливает наличие интегрированных количественных показателей. Например, «результатирующий показатель устойчивого развития “зеленой” экономики», а также диапазоны для его ранжирования [5].

Следует отметить, что почти все оценочные показатели «зеленой» экономики имеют свойства неопределенности, нечеткости, поэтому многие авторы используют элементы теории нечетких множеств для описания объекта исследования, однако дальше эти вопросы не развивают.

Тем не менее, при разработке систем критериев оценки «зеленой» экономики не в полной мере учитываются закономерности структуры, взаимосвязь составных частей «зеленой» экономики и их свойства. В результате в научных публикациях представлено достаточное количество систем оценки элементов «зеленой» экономики, но отсутствует методический подход к ее оценке как системного явления.

С учетом предложенной структуры «зеленой» экономики (рис. 2), положительных и негативных результатов исследования, опыта создания систем оценок в рассматриваемой области разработаны принципы исследования «зеленой» экономики, позволяющие конкретизировать требования к критериям ее оценки:

1. Объектом исследований является сложная система — «зеленая» экономика, отсюда при изучении следует исходить из системного подхода и представлять объект

во взаимосвязи составных частей с определенными свойствами.

2. Следует учитывать неравнозначность критериев, их различный вклад в исследуемое свойство, поэтому, если они образуют систему показателей, необходимо рассматривать эту систему как иерархическую структуру.

3. Иерархия показателей должна быть построена с учетом значимости критериев и классификационных признаков.

4. Для оценки текущего состояния «зеленой» экономики в регионе должны использоваться статические показатели, аналогичные, например, в физике массе, объему и т. п.

5. Для прогноза развития «зеленой» экономики в регионе наиболее удобно использовать динамические показатели, т. е. параметры, зависящие от времени. Физически они определяют скорость изменения некоторого параметра.

6. Критерии должны быть максимально информативны и отражать наиболее значимое свойство, при этом значительно большей информативностью обладают удельные показатели.

7. Критерии целесообразно ранжировать по значимости, особенно в случаях, когда решаются задачи оптимизации.

8. Критерии не должны быть взаимозависимы, чтобы не дублировать друг друга и исключить избыточность показателей.

9. Для характеристики элемента системы «зеленой» экономики, которому соответствует несколько критериев, может использоваться интегральный показатель.

10. Основным принципом группировки критериев в рамках элемента является близость критериев по «экологическому» принципу.

11. Данные, используемые для определения критерия, должны быть общедоступными.

12. Для практического использования критериев при сопоставлении, моделировании, выполнении расчетов, формировании интегральных критериев они должны быть представлены в нормированном виде, например по формуле

$$K_n = (K_{\max} - K) / (K_{\max} - K_{\min}),$$

где K_n — нормированное значение критерия;

K_{\max} — максимальное значение критерия;

K_{\min} — минимальное значение критерия;

K — текущее значение критерия.

13. При формировании интегральных критериев из иерархического перечня или

обобщенных критериев в задачах оптимизации будет корректнее использовать их с весовыми коэффициентами.

Обоснование системы критериев оценки «зеленой» экономики

На основе сформулированных принципов методики, иерархической структурной схемы элементов, свойств и показателей разработан перечень критериев для оценки «зеленой» экономики в масштабе региона. Перечень разделен на типы, уровни значимости и может быть использован как

для оценки текущего состояния каждой подсистемы, так и для прогнозирования развития «зеленой» экономики региона (см. таблицу).

Для оценки элементов (подсистем) системы «зеленой» экономики используются интегральные критерии подсистем I—IV уровней, а для всей системы в целом предназначен обобщенный показатель ее эффективности (состояния). Весовые коэффициенты перед критериями назначаются при оптимизации параметров системы, например правового или финансового управления системой и других параметров.

Перечень критериев «зеленой» экономики

Элемент «зеленой» экономики	Критерий состояния	Критерий развития
Критерии первого уровня		
1. Правовое регулирование	Количество документов по теме, ед.	Изменение количества документов, ед./г.
2. Налогообложение	Поступления от налогов, млн р./г. / ВРП	Изменение поступлений от налогов, % / г.
3. Финансирование	Сумма, млн р./г. / ВРП	Изменение суммы, % г. / ВРП
Критерии второго уровня		
4. Энергетика	Доля от возобновляемых источников, %	Изменение доли от возобновляемых источников, % / г.
5. Производство	Индекс безотходности, %	Изменение индекса безотходности, % / г.
6. Транспорт	Доля выбросов, тыс. т/г. / Σквт	Изменение доли выбросов, % (тыс. т/г / Σквт / г.)
7. Переработка отходов	Объемы переработки, %	Изменение объемов переработки, % / г.
Критерии третьего уровня		
8. Строительство	Доля загрязнений, т / Σкм ²	Изменение доли загрязнений, т / Σкм ² / г.
9. Земельные ресурсы	Доля нарушенных площадей, % от общ. км ²	Изменение доли нарушенных площадей, % от общ. км ² /г.
10. Лесные ресурсы	Доля территорий лесного фонда, % от общ. км ²	Изменение территорий лесного фонда, % от общ. км ² /г.
11. Водные ресурсы	Объемы очистки, %	Изменение объемов очистки, % / г.
12. Атмосферный воздух	Количество выбросов, тыс. т/г. / ВРП	Изменение кол-ва выбросов, % (тыс. т/г. / ВРП)
Критерии четвертого уровня		
13. Экология жилища	Доля энергоэффективного жилого фонда, %	Изменение доли энергоэффективного жилого фонда, % / г.
14. Экологический туризм	Доля в бюджете от экологического туризма, % / ВРП	Изменение доли поступлений от экологического туризма, % (% / ВРП)
Интегральная оценка		
15—18. Подсистемы I—IV уровней	Интегральные критерии подсистем I—IV уровней	Изменение критериев подсистем I—IV уровней, %
19. Обобщенный показатель эффективности (ОПЭ)	$ОПЭ = \sum K_{вi} K_{зэi}^*$	Изменение ОПЭ, % от ОПЭ

* $K_{вi}$ — i -й весовой коэффициент; $K_{зэi}$ — i -й критерий «зеленой» экономики нормированный.

Заключение

В заключение следует отметить:

1. Развитие «зеленой» экономики требует фундаментальных исследований, которые должны базироваться на системном подходе к изучению проблемы. С этой точки зрения предложена методология исследования «зеленой» экономики (рис. 1), а также иерархическая структура объекта исследования — системы «Зеленая» экономика», которая подразделяется на ряд системообразующих составных частей (рис. 2).

2. В целях оценки «зеленой» экономики представлен методический подход, учитывающий специфические особенности объекта изучения.

3. С учетом значимости и классификационных признаков обоснован перечень критериев оценки «зеленой» экономики, позволяющих оценить ее статическое состояние и перспективы развития как по отдельным подсистемам, так и в целом по региону.

4. Предложенные критерии являются достаточно информативными, с доступными исходными данными, позволяют более точно определять текущее состояние и уровень развития экономики и могут быть использованы в международных сопоставлениях глобального экономического развития, для оценочных процедур и оптимизации параметров, например финансового управления «зеленой» экономикой.

Финансирование

Работа ведется на основании задания на выполнение госзаказа в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (Уральского государственного лесотехнического университета) (тема № 26.8660.2017/8.9 «Методология исследований форм экономико-технологической реальности в аспекте устойчивого управления лесопользованием»).

1. Андреева Л. Ю. и др. Институты и инструменты «зеленого финансирования»: риски и возможности устойчивого развития российской экономики // Лесотехнический журнал. 2017. Т. 7. № 2 (26). С. 205—214.

2. Бочко В. С. Зеленая экономика: вторая вечная проблема человечества // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 3. С. 113—119.

3. Вукович Н. А. «Зеленая экономика: определение и современная эколого-экономическая модель // Вестник УрФУ. 2018. Т. 17. № 1. С. 128—145.

4. Горшков А. С., Дерунов Д. В., Завгородний В. В. Технология и организация строительства здания с нулевым потреблением энергии // Строительство уникальных зданий и сооружений. 2013. № 3. С. 12—23.

5. Гусев А. А. Переход к политике «зеленого» роста экономики // Экономическая наука современной России. 2016. № 2. С. 27—35.

6. Гурьева М. А., Симарова И. С. Разработка модели развития «зеленой» экономики в экономическом пространстве // Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 5. С. 86—99.

7. Егорова М. С., Цубрович Я. А. «Зеленая» экономика — решение проблем современной экономики России // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 523—528. URL <https://moluch.ru/archive/88/17408/> (дата обращения: 22.03.2018).

8. Захарова Т. В. «Зеленая» экономика как новый курс развития: глобальный и региональный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 4 (16). С. 28—38.

9. Крючкова О. М., Гузенко А. Д. «Зеленая экономика» как элемент устойчивого развития: современное состояние и перспективы // Концепт. 2016. Т. 35. С. 44—48. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56730.htm> (дата обращения: 22.03.2018).

10. Лебедев Ю. В. «Зелёная» экономика: общественное и научное представления // Российские регионы в фокусе перемен. М., 2016. С. 292—302.

11. Мингалеева Ж. А., Шпак Н. А. Оценка потенциала развития альтернативной биоэнергетики в регионах России на основе перехода к национальной модели «зеленой» экономики // Аграрный вестник Урала. 2014. № 9 (127). С. 85—89.

12. Руднева Л. Н., Гурьева М. А. Система индикативной оценки уровня и степени экологизации экономики региона // Российское предпринимательство. 2013. № 1 (223). С. 134—139.

13. Терешина М. В., Дегтярева И. Н. «Зеленый рост» и структурные сдвиги в региональной экономике: попытка теоретико-методологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 246—248.

14. Шпак Н. А. Современные парки науки и индустриальные парки как инструменты перехода экономики региона к принципам «зеленой экономики» // Известия Санкт-

Петербургской лесотехнической академии. 2014. №. 208. С. 267.

15. Шпак Н. А. Перспективы развития «зеленой» экономики в регионах России : монография. Екатеринбург. 2014. 126 с.

16. Шпак Н. А., Стариков Е. Н., Зубкова О. В. Управление субъектом хозяйствования по принципам «зеленой» экономики // Социально-экономическое развитие России: возможности, проблемы, перспективы : сб. науч. трудов XXXI Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2014. С. 92—96.

17. D'Amato D., Droste N., Allen B., Kettunen M., Lähtinen K., Korhonen J., Toppinen A. Green, circular, bio economy: a comparative analysis of sustainability avenues // *Journal of Cleaner Production*. 2017. № 168. P. 716—734.

18. Eydenzon D., Ganieva I., Shpak N. Socio-economic and environmental aspects of the industry imbalances in the regional economy // Экономика региона. 2013. № 4 (8). Екатеринбург. С. 115—127.

19. Nahman A., Mahumani B. K., De Lange W. J. Beyond GDP: towards a green economy index // *Development Southern Africa*. 2016. № 33 (2). Pp. 215—233.

20. Pegels A. et al. Politics of Green Energy Policy // *Journal of Environment & Development*. 2018. Vol. 27 (1). Pp. 26—45.

References

1. Andreeva L.Yu. et al. (2017) *Lesotekhnicheskij zhurnal*, t. 7. no. 2 (26), pp. 205—214 [in Rus].

2. Bochko V.S. (2014) *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, no. 3, pp. 113—119 [in Rus].

3. Vukovich N.A. (2018) *Vestnik UrFU*, vol. 17, no. 1, pp. 128—145 [in Rus].

4. Gorshkov A.S., Derunov D.V., Zavgorodnij V. V. (2013) *Stroitel'stvo unikal'nyh zdaniy i sooruzhenij*, no. 3, pp. 12—23 [in Rus].

5. Gusev A.A. (2016) *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, no. 2, pp. 27—35 [in Rus].

6. Gur'eva M.A., Simarova I.S. (2016) *Nauka i biznes: puti razvitiya*, no. 5, pp. 86—99 [in Rus].

7. Yegorova M.S., Cubrovich Ya.A. (2015) *Molodoj uchenyj*, no. 8, pp. 523—528 [in Rus].

8. Zaharova T.V. (2011) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 4 (16), pp. 28—38 [in Rus].

9. Kryuchkova O.M., Guzenko A.D. (2016) *Koncept*, vol. 35, pp. 44—48. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56730.htm>, accessed 22.03.2018 [in Rus].

10. Lebedev Yu. V. (2016) «Zelyonaya» ekonomika: obshchestvennoe i nauchnoe predstavleniya // *Rossijskie regiony v fokuse peregmen*. Moscow, pp. 292—302 [in Rus].

11. Mingaleva Zh.A., Shpak N.A. (2014) *Agrarnyj vestnik Urala*, no. 9 (127), pp. 85—89 [in Rus].

12. Rudneva L. N., Gur'eva M. A. (2013) *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, no. 1 (223), pp. 134—139 [in Rus].

13. Tereshina M. V., Degtyareva I. N. (2012) *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 5, pp. 246—248 [in Rus].

14. Shpak N. A. (2014) *Izvestija Sankt-Peterburgskoj lesotekhnicheskoy akademii*, no. 208, pp. 267 [in Rus].

15. Shpak N.A. (2014) *Perspektivy razvitiya «zelenoj» ekonomiki v regionah Rossii*. Екатеринбург, 126 p. [in Rus].

16. Shpak N.A., Starikov E.N., Zubkova O.V. (2014) *Upravlenie sub'ektom hozyajstvovaniya po principam «Zelenoj ekonomiki» / Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: vozmozhnosti, problemy, perspektivy*. Chelyabinsk, pp. 92—96 [in Rus].

17. D'Amato D., Droste N., Allen B., Kettunen M., Lähtinen K., Korhonen J., Toppinen A. (2017). *Journal of Cleaner Production*, 168, pp. 716-734 [in Eng].

18. Eydenzon D., Ganieva I., Shpak N. (2013) *Ekonomika regiona*, no. 4 (8), pp. 115—127 [in Eng].

19. Nahman A., Mahumani B. K., De Lange W. J. (2016). *Development Southern Africa*, no. 33 (2), pp. 215—233 [in Eng].

20. Pegels A. et al. (2017) *Journal of Environment & Development*. Vol. 27 (1). Pp. 26—45. [in Eng].

For citing: Pobedinskiy V.V.,
Vukovich N.A., Zubkova O.V.
Fundamental principles of the research area
of "green" economy //
Socium i vlast'. 2018. № 4 (72). P. 68—78.

UDC 330.341.42

FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF THE RESEARCH AREA OF "GREEN" ECONOMY

Vladimir V. Pobedinskiy,

Ural State Forest Engineering University,
Professor of the Department Chair of Service and
Operation of Transport and Technological Ma-
chines,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor,
The Russian Federation, 620100, Yekaterinburg,
Sibirskiy tract, 37
E-mail: pobed@e1.ru

Natalya A. Vukovich,

Ural State Forest Engineering University
Vice-rector for Innovation Development and Inter-
national Cooperation,
Cand.Sc.(Economics),
The Russian Federation, 620100, Yekaterinburg,
Sibirskiy tract, 37 E-mail: shpak@usfeu.ru

Olga V. Zubkova,

Ural Social and Economic Institute (branch) Acad-
emy of Labor and Social Relations,
Head of the Department Chair of Economics,
Doctor of Economics, Associate Professor,
The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk,
ulitsa Svobody, 155/1
E-mail: Aknozama78@mail.ru

Annotation

The problem of development of "green" economy in Russia is considered. The relevance of the study is due to the need to create a theoretical and methodological basis for the transition period and the identification of criteria for assessing the state and level of the "green" economy development. The study hypothesis is that the use of a systematic approach allows to form a common methodology and priorities, as well as the hierarchical structure of the system "Green" economy", to take into account all the features, the relationship of the study object and develop the most appropriate system of criteria for assessing the "green" economy in the region. The proposed tools make it possible to integrate into the system of international measurements and determine the state of the "green" economy in Russia. The main results and conclusions of the article can be used as a theoretical, methodological and practical basis for assessing the current state and level of development of the "green" economy, determining the effectiveness of environmental and economic programs, optimization of financial management, environmental monitoring and other tasks.

Key concepts:

«green» economy,
methodology,
hierarchical system of "green" economy,
methodology for developing criteria,
criteria for assessing the "green" economy.

Для цитирования: Волкова Т. П., Хомякова В. С. Риски в социально-трудовой сфере: теория и практика // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 79—89.

УДК 331.4

РИСКИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Волкова Татьяна Павловна,

Уральский государственный университет путей сообщения, доцент кафедры управления в социальных и экономических системах, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова 66. E-mail: miss.tatjanapavlovna@yandex.ru

Хомякова Вера Сергеевна,

Уральский государственный университет путей сообщения, доцент кафедры техносферной безопасности, кандидат философских наук. Российская Федерация, 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова 66. E-mail: Khom-06@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализирована сущность понятий «социальный риск», «профессиональный риск» в социальной теории и практике, проведен разбор и представлена классификация рисков в социально-трудовой сфере. Показан анализ расходов Фонда социального страхования, связанных с социальным обеспечением пострадавших от профессиональных рисков за 2012—2017 гг., актуализирована проблема управления данными рисками в условиях социально-ориентированной рыночной экономики.

Ключевые понятия:

социальный риск, профессиональный риск, социально-трудовая сфера, управление риском, экономические расходы.

Введение

Интеграция России в мировую экономическую систему, сопровождающаяся переходом к рыночным отношениям, внесла существенные изменения в хозяйственную деятельность предприятий. Государственную собственность сменили обособленные хозяйствующие субъекты: акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и др.

Деятельность предприятий различных форм (индивидуально-частной, групповой, ассоциативной) в условиях современной жизни является весьма сложной. Это связано не только с общим кризисным состоянием российской экономики, сохраняющейся инфляцией и прочими макроэкономическими деформациями, но и рядом специфических факторов, увеличивающих количество и степень техногенных, экологических и социальных рисков.

В структуре социальных рисков особое значение приобретают профессиональные риски, обусловленные опасностью трудовой деятельности и производственным травматизмом. Недопроизводство продукции и услуг из-за общего производственного травматизма и профзаболеваний приводит к значительным потерям внутреннего валового продукта. В 2016 г. этот показатель составил 0,65 %, в абсолютном выражении — 555,5 млрд р.

Методологическую основу разработки стратегий государственного и корпоративного управления профессиональными рисками, поиска способов их снижения государственными органами, корпорациями, предприятиями малого и среднего бизнеса составляют положения общей теории риска.

Многие общественные, технические и гуманитарные науки используют в своей терминологии понятие «риск» и занимаются его изучением настолько это возможно в рамках конкретного научного направления.

Современные дискуссии о проблемах социального риска затрагивают его государственные, политические, международные, религиозные аспекты. Стоит отметить, что, согласно теории, риск может быть как индивидуальным, так и коллективным.

Поэтому оценка вероятной степени безопасности, измерение того или иного риска для отдельной личности, конкретной организации или общества в целом достаточно сложная задача.

Идентификация всех видов социальных рисков невозможна, поскольку их количество

и качество будет неизбежно изменяться с развитием общества.

Однако изучение и систематизация сложившихся в конкретный исторический период социальных рисков необходимы для определения способов их минимизации, снижения и компенсации негативных последствий в условиях нестабильного общества.

Вопросы структурирования и методологии анализа социально-экономических рисков активно освещаются в научной литературе и периодических изданиях (Г. А. Бушуева, О. И. Водяненко, Е. И. Капустин, О. И. Кашник, В. Ю. Щеколдин, Е. Г. Тимофеева, Д. В. Малышев, Н. А. Мешавкина, В. Д. Роик, О. В. Яцук) [4; 5; 7; 8; 11; 12; 14; 20].

Значительное количество научных исследований в области общественной безопасности и теории социального риска говорит скорее о многозначности данного понятия, чем о его полноценной изученности и осмысленности. Разброс мнений ученых и специалистов свидетельствует об отсутствии завершенной методологической основы в исследовании данного понятия.

Понятие «риск» в социальном знании

Социальный риск существует на протяжении всего периода социогенеза, в течение которого происходила его дифференциация и возрастание степени тяжести. Поэтому понятие «риск» справедливо используется для характеристики социальной реальности (У. Бек — «общество риска») или этапа развития общества (А. И. Костин — «эра риска») [2; 9].

Принципиальным отличием осмысления социального риска в различных общественных системах является то, что в социалистическом обществе социальный риск был в основном коллективным по своей сущности, тогда как для капиталистического строя типичны индивидуальные риски, носящие массовый характер. Как отмечает один из известных исследователей риска В. Д. Роик, в социалистическом обществе социальные риски были всегда, но в существенно меньших масштабах. В процессе становления социалистической системы хозяйства и командно-административных методов управления, стимулирования социальной экономики в нашей стране появилось отрицание и непризнание проблемы хозяйственного риска [14]. В то же время в советский период разработаны рекоменда-

ции, связанные с профилактикой и управлением социальными рисками, в которых можно выделить следующие направления деятельности:

- разработка теоретической и социально-методологической основы исследования и изучения социальных рисков, а также упорядочение научно аргументированных основ их классификации;
- изучение коллективного отношения к социальному риску, доминирующему в массовом сознании, его оценивание;
- предоставление государственного финансирования для исследований социальных рисков;
- создание в структуре органов государственной власти и местного самоуправления подразделений прогнозирования и разработки мер по предотвращению и изменению отрицательных последствий социальных рисков.

Политическая система социалистического общества провозглашала благополучие людей и сохраняла постоянные условия коллективной жизнедеятельности. При этом государство, являясь главным работодателем и хозяином средств производства, демонстрировало ответственность за техногенные и социальные риски. С появлением различных форм собственности круг государственного обеспечения и его возможности резко сократились [14].

Изучением рисков ученые начали заниматься во второй половине XX столетия, что обусловлено возрастанием количества аварий в период формирования крупного индустриального производства, а также в связи с интенсивным инновационным технологическим развитием производства в целом. По мнению У. Бека, именно высокий уровень технико-технологического прогресса, сопровождающегося развитием техногенных и социальных рисков, делает современное общество «обществом риска» [2].

Понятие «риск» — атрибут многих общественных, технических и естественных наук. Теория риска как концепция исследования используется в ряде сфер общественной жизни, включая промышленность, экологию, управление, страхование. В настоящий период изучение рисков переросло в самостоятельную науку, так называемую рискологию, зародившуюся преимущественно в России, где риск выступает объектом междисциплинарного исследования. Любая из наук, участвующих в исследовании

риска, с учетом собственной специфики и точки зрения раскрывает различные аспекты данного явления и вписывается в общую структуру рискологии.

В последние десятилетия категорию «риск» стали детально рассматривать в ряде социальных наук, в том числе политологии, социологии, экономике и других смежных областях знаний [5; 8; 12]. Учеными исследуются и анализируются проблемы риска в образовании, культуре, трудовой, экономической и других сферах общественной жизни. Экономисты часто говорят и пишут о предпринимательских, финансовых, инфляционных рисках, а отдельные авторы даже различают «экономические риски и риски экономики».

Принадлежность риска к различным сферам общественной жизни обуславливает многообразие видов риска, специфические характеристики, а главное — сложность их познания.

Априори риск относится к сфере возможного, а не действительного бытия и связан с возможностью опасного воздействия и причинения ущерба. Понятие «риск» оценивает вероятность опасности той или иной деятельности, а количественный анализ угроз позволяет прогнозировать возможный риск [17, с. 52].

Существует две формы риска: в одной риск является характеристикой действия, в другой — неотъемлемой составляющей коллективной деятельности, результаты которой могут иметь негативные последствия как для общества, так и для личности [17, с. 52].

Именно это положено в основу научного осмысления категории «социальный риск». Например, О. В. Яцук, определяя понятие «социальный риск», указывает, что это «возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности. Вероятность наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных факторов (индивидуальных или коллективных) и вероятность обретения выгод и благ субъективно воспринимаются факторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия» [20, с. 130].

Классификация рисков в социально-трудовой сфере

В настоящее время социальные проблемы, как справедливо замечает Т. В. Чуба-

рова, все чаще понимаются в категории социальных рисков, возникающих прежде всего, в связи с модернизацией социально-трудовой сферы, которые автор группирует по трем основным направлениям:

- совмещение семьи и трудовой деятельности;
- недостаточный уровень компетентности, необходимой для получения стабильной и справедливо оплачиваемой работы, расширения индивидуальной ответственности за удовлетворение общественных потребностей в результате перехода к социально-ориентированной экономике [19, с. 17—18].

При идентифицированных видов риска необходимо учитывать их специфику, критерии, факторы, на основе которых и построены различные классификации рисков. В общей классификации социальных рисков выделяется как специфический, особый вид. Среди всей совокупности социальных рисков выделяют группы (внешние, отраслевые, внутриорганизационные и другие), в которых объединено и представлено множество видов.

В своем исследовании Н. А. Мешавкина выделяет отдельные виды социальных рисков (медицинские, демографические, криминальные, вынужденную миграцию, безработицу). Обращает внимание на маргинализацию общества, социальную политику государства, неадекватную общественной жизни, реализацию социальных проектов и программ, не прошедших испытания и экспериментальную проверку. Автор делает акцент на аномии, резкой дифференциации доходов и низком уровне жизни населения, его дезадаптации и слабой адаптационной способности, отрицательных социальных проявлениях глобализации и других видах риска [12, с. 11].

Вышесказанное свидетельствует о том, что многообразие потенциальных рисков общественной жизни сосредоточилось в едином понятии «социальный риск», которое затрагивает практически все сферы общественной жизни.

Среди основных факторов риска — уровень занятости экономически активного населения, величина производственного травматизма, отток высококвалифицированных кадров, снижение эффективности командной работы, старение персонала и многое другое [8, с. 497—498].

Таким образом, «социальный риск» — это вероятность наступления событий (обусловленных практически любыми факторами), способных негативно повлиять на

социальное, материальное и духовное состояние человека, являющегося главным элементом социума, и нарушающих его социальную и профессиональную деятельность.

Одним из наиболее вероятных видов социального риска для личности трудоспособного возраста в условиях рыночной экономики является потеря трудового дохода.

Продолжая речь о разнообразии социальных рисков, не претендуя на исчерпывающее заключение, выделим два основных вида социального риска в социально-трудо-вой сфере:

- полное отсутствие постоянного трудового дохода;
- несоответствие уровня жизни социальным стандартам в обществе, обусловленное низким уровнем постоянного трудового дохода.

Основным критерием при данном подходе выступает отсутствие или недостаток у личности трудоспособного возраста средств жизнедеятельности.

Основными видами рисков в социально-трудо-вой сфере, влекущими за собой полное отсутствие трудового дохода, является риск утраты трудоспособности, безработица, потеря кормильца семьи.

Потеря трудоспособности может быть временной, вызванной различными факторами — болезнью, травмой, рождением ребенка и уходом за ним, и постоянной, обусловленной преклонным возрастом, инвалидностью, непрерывным уходом за людьми с ограниченными возможностями.

Такой социальный риск, как безработица, может быть связан с различными обстоятельствами как общественной, так и личной жизни (например, отсутствие спроса конкретной профессии на рынке и, как следствие, ликвидацию отдельных рабочих мест, низкая квалификация работника или простое отсутствие желания трудиться). В современной России, чтобы обеспечить себя средствами к жизни, личность должна обладать, как минимум, двумя условиями: способностью к труду и возможностью трудоустройства.

В условиях социально-ориентированной экономики не исключены риски, которые независимо от трудоспособности могут вести к снижению доходов работающих ниже уровня социальных стандартов, имеющих место в данном обществе.

Риск, обусловленный несоответствием уровня жизни социальным стандартам, предполагает величину доходов ниже прожиточного минимума и нехватку средств (в связи с рождением детей, содержанием

в семье иждивенцев и др. факторами). Социальные стандарты (минимальный размер оплаты труда, пенсий, социальных пособий, а также прожиточный минимум) переводят признаки, характеризующие уровень и качество жизни населения на язык цифр и конкретных экономических показателей [1].

Проводя анализ важнейших факторов риска в социально-трудо-вой сфере, можно дать его определение для личности трудоспособного возраста.

Риск в социально-трудо-вой сфере для личности трудоспособного возраста — это вероятность потери заработка и материальной обеспеченности из-за утраты трудоспособности, связанной с профессиональным или общим заболеванием, несчастным случаем на производстве, отсутствием спроса на рабочую силу, снижением уровня жизни ниже прожиточного минимума и другими факторами.

Одним из видов социального риска в социально-трудо-вой сфере является профессиональный риск, поскольку включает его характерные признаки (утрата трудовых доходов, угроза социальным правам и гарантиям личности).

Понятие «профессиональный риск»

По данным Росстата в России в 2017 г., суммарно по всем отраслям промышленности и сельского хозяйства 41,5 % от общего числа работников трудятся в условиях повышенного профессионального риска. В 2016 г. эта цифра составляла 38,5 %.

Профессиональные риски формируются определенными факторами, характерными как для индивидуальной, так и для коллективной деятельности работников конкретной производственно-хозяйственной сферы и оцениваются с помощью специальных моделей анализа и методик расчета [10; 18]. Основными характеристиками профессиональных рисков, заболеваний и несчастных случаев на производстве являются величины их частоты и уровня.

Отметим, что в сфере экономики и управления народным хозяйством для каждого вида экономической деятельности характерен определенный уровень профессионального риска, который определяется в соответствии с классификацией видов экономической деятельности (ВЭД), сгруппированных в 32 класса, отражающие уровень производственного травматизма, профессиональных заболеваний и соответствующих расходов на обязательное социальное страхование.

Понятие «профессиональный риск» документально закреплено в Федеральном законе от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», устанавливающим правовые, экономические и организационные основы социальной защиты пострадавших на производстве. Документ определяет «профессиональный риск» как вероятность повреждения (утраты) здоровья или смерти застрахованного, связанная с исполнением им обязанностей по трудовому договору¹.

Вероятность повреждения здоровья и утраты трудоспособности в процессе трудовой деятельности можно оценить по социальным показателям. Количественные показатели, отражающие удельный вес численности лиц, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в государственных и негосударственных организациях, выраженные в процентах от общей численности работников соответствующего вида экономической деятельности (по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации²), представлены в табл. 1.

Данные таблицы свидетельствуют о значительном количестве рабочих мест (в основных сферах экономической деятельности) с опасными или вредными условиями труда, где риск повреждения здоровья работников в процессе трудовой деятельности достаточно высок.

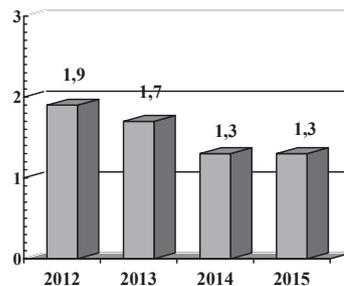
Существует ряд социальных и экономических показателей, которые дают возможность оценивать состояние и динамику

¹ Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Федер. закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.07.2018).

² Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).

условий труда в течение установленного периода времени и сравнивать уровни профессионального риска в различных отраслях народного хозяйства.

Например, показатель (коэффициент) частоты производственного травматизма, отражающий численность пострадавших на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих, позволяющий на основе статистических данных получить достоверную информацию о частоте производственного травматизма. Динамика изменения показателя частоты производственного травматизма за 2012—2015 гг. (по данным Федеральной службы государственной статистики) представлена на рис. 1.

■ Коэффициент частоты производственного травматизма

Рис. 1. Динамика изменения показателя частоты производственного травматизма за 2012—2015 гг.

Данные рис. 1 свидетельствуют о положительной динамике и снижении (в 2014—2015 гг. по отношению к 2012 г. на 32 %, а к 2017 г. — на 23 %) среднестатистического значения показателя производственного травматизма по Российской Федерации. Округляя по математическим правилам значения коэффициента до целого числа, мож-

Таблица 1

Удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда

Вид экономической деятельности	Численность работников занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (%)		
	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего по РФ	39,7	39,1	38,5
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	нет данных	29,6	30,8
Добыча полезных ископаемых	57,1	56,5	55,6
Обрабатывающие производства	41,1	42,2	42,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	нет данных	37,6	35,0
Строительство	39,2	37,4	37,9
Транспорт и связь	33,9	32,7	31,1

но заключить, что на каждую тысячу работающих на производстве в 2014 и 2015 гг. в среднем приходилась одна травма в сравнении с 2012 и 2013 гг., в которых работники травмировались в два раза чаще.

Следует согласиться с С. М. Ильиным, что несчастные случаи на производстве и профессиональные заболевания, возникающие в результате воздействия профессиональных рисков, приводят к серьезным потерям в экономике предприятий и государства [6].

В частности, экономическими показателями профессионального риска выступают обязательные расходы на возмещение утраченного заработка вследствие производственной травмы или профессионального заболевания, восстановления трудоспособности, социальную и профессиональную реабилитацию. Несчастные случаи, произошедшие на объектах экономики, приводят к существенным экономическим издержкам (помимо негативного социального ущерба).

Нередко на предприятиях вопросы экономики безопасности труда недооцениваются руководством, что приводит к отсутствию учета неочевидных затрат предприятия в связи с несчастными случаями. Во многом это обусловлено тем, что данные вопросы находятся «на стыке» компетенций различных подразделений хозяйственных объектов — службы главного инженера, охраны труда, плановых и бухгалтерских служб.

Как правило, работодатель видит только очевидные (прямые) расходы, обусловленные высоким профессиональным риском и

полученными травмами, наряду с которыми существуют неочевидные (косвенные) расходы, остающиеся неучтенными, поскольку работодатель не связывает их с несчастными случаями. В частности, работодатель не рассматривает социальные выплаты пострадавшим по факту страховых несчастных случаев как собственные, относя их к расходам Фонда социального страхования (ФСС).

Анализ данных Фонда социального страхования Российской Федерации¹ о количестве страховых выплат пострадавшим по факту производственных несчастных случаев демонстрирует следующую динамику за 2014—2017 гг. (табл. 2).

В целом отмечается общая тенденция снижения показателей, однако в 2017 г. вновь зарегистрирован рост числа дней временной нетрудоспособности (на 18,5 % по отношению к 2016 г.) и единовременных выплат (на 23,5 % по отношению к 2016 г.), что свидетельствует об увеличении тяжести производственных травм.

Оценивая расходы фонда социального страхования в анализируемом периоде, можно заключить, что значительно возросли ежемесячные страховые выплаты и в 2017 г. составили 287,8 млн р. (на 4,3 % по сравнению с 2016 г. и на 14,5 % по сравнению с 2014 г.) (табл. 3, рис. 2).

Как видно из рис. 2, общие расходы ФСС по обязательному социальному

¹ Фонд социального страхования Российской Федерации. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/ (дата обращения 10.07.2018).

Таблица 2

Количественные показатели страховых выплат по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний за 2014—2017 гг.

Год	Общее число дней временной нетрудоспособности (тыс. дней)	Количество единовременных страховых выплат (тыс. выплат)	Количество ежемесячных страховых выплат (тыс. выплат)
2014	24,0	95,0	42,5
2015	20,2	75,0	41,3
2016	17,9	59,0	40,4
2017	21,2	73,0	39,8

Таблица 3

Динамика расходов Фонда социального страхования по страховому обеспечению пострадавших на производстве за 2014—2017 гг.

Год	Расходы на оплату пособия по временной нетрудоспособности в связи с несчастными случаями (млн р.)	Расходы на единовременные страховые выплаты (млн р.)	Расходы на ежемесячные страховые выплаты (млн р.)
2014	13,67	11,45	251,1
2015	12,6	14,01	262,4
2016	11,9	12,58	276,1
2017	14,7	10,84	287,8

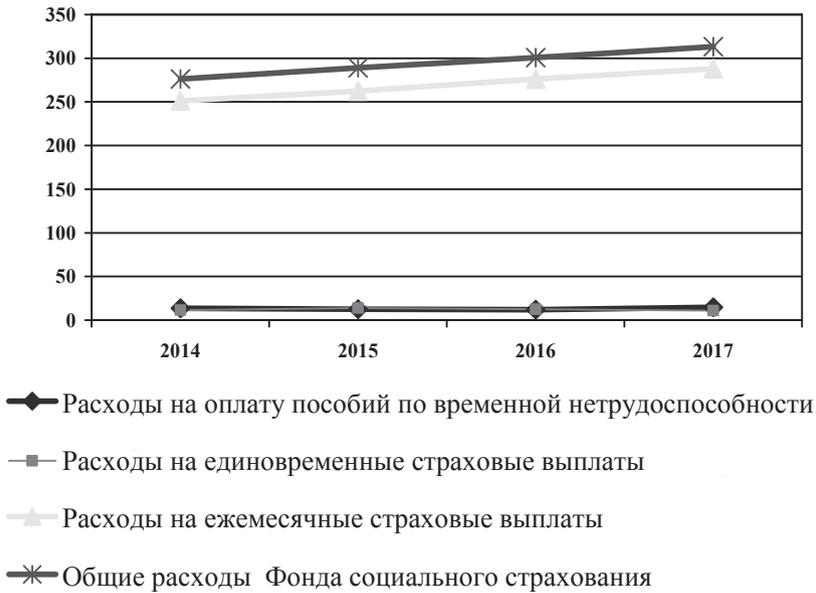

Рис. 2. Динамика расходов Фонда социального страхования по страховому обеспечению пострадавших на производстве за 2014–2017 гг., млн р.

страхованию за анализируемый период имеют стойкую тенденцию к увеличению. Рост расходов на ежемесячные выплаты также свидетельствует о повышении тяжести несчастных случаев на производстве, обусловленных профессиональными рисками.

Кроме того, предприятия несут экономические затраты, обусловленные вредными условиями труда, в виде компенсаций и льгот работникам, гарантированных трудовым законодательством.

Фактические расходы предприятий, связанные с неблагоприятными условиями труда, в 2017 г. (без учета затрат, обусловленных производственным травматизмом) составили 208 544 214 тыс. р., в 2016 г. эта сумма была 193 373 351 тыс. р.

Серьезные расходы, связанные с производственным травматизмом, вынуждают ФСС разрабатывать механизмы стимулирования страхователей в управлении профессиональными рисками, одним из которых является установление скидок и надбавок к страховым тарифам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве. Назначение надбавки увеличивает, а установление скидки снижает страховые взносы в ФСС, что приводит к росту или снижению экономических издержек предприятия, связанных с неблагоприятными условиями труда, а следовательно, должно влиять на степень экономической заинтересованности работодателей в управлении профессиональными рисками.

Уровень профессионального риска на предприятиях во многом определяется затратами на реализацию превентивных мероприятий по охране труда и производственного травматизма. Г. А. Бушуева пишет: «Величина затрат на предупреждение профессиональных рисков определяется составом и стоимостью профилактических мероприятий, которые зависят от особенностей вредного фактора, специфики производственного процесса и характера нарушений здоровья работающих» [4, с. 17]. Однако стоит отметить, что в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации финансирование мероприятий по улучшению условий и охраны труда работодателем должно осуществляться в размере не менее 0,2 процента от суммы затрат на производство продукции (работ, услуг)¹.

Факторы условий труда определяют множество потенциальных профессиональных рисков для здоровья работников и имеют определенные количественные социальные и экономические коэффициенты. Однако основным показателем минимизации негативного воздействия профессионального риска является сохранение высокого уровня здоровья и работоспособности работников в процессе труда за счет целенаправленного управления безопасностью производственной деятельности.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 09.07.2018).

Вышесказанное позволяет заключить, что в системе социального страхования понятие «профессиональный риск» оценивается с позиции оказания финансовой помощи пострадавшим на производстве и определения материальных затрат, связанных с компенсацией потери заработка из-за утраты трудоспособности.

Фактически понятие «профессиональный риск» значительно шире и может трактоваться (в контексте единства социальных и трудовых отношений), как количественная мера проявления опасности возникновения смерти, временной или стойкой утраты трудоспособности в результате несчастного случая, возникшего при выполнении работником трудовых функций, и выраженная в полной или частичной потере трудового дохода.

В современных условиях возрастание уровня социального риска является закономерным процессом, своего рода «обратная сторона» подъема экономической свободы. В связи с этим, назрела необходимость создания таких механизмов и форм социальной защиты, которые были бы адаптированы к изменяющимся интересам личности, общества и государства в условиях социально ориентированной рыночной экономики. Следовательно, чем выше уровень экономического развития общества, тем больше государство обязано уделять внимания управлению рисками в социально-трудовой сфере.

Управление рисками в социально-трудовой сфере

Как общественное явление, риски в социально-трудовой сфере, как и другие виды рисков, определяются совокупностью экзогенных и эндогенных факторов: общественным строем, внешней и внутренней социально-экономической политикой государства, развитостью не только законодательной базы в области трудовой деятельности и социальной защиты, но и гражданской ответственности руководителей всех уровней и работающего населения.

Обращаясь к нормативно-правовым основам обеспечения безопасности в Российской Федерации, следует отметить, что одним из основных дефиниций антонима категории «безопасность» является понятие «риск». Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» устанавливает основные положения и цели деятельности по обеспечению государственной, правовой, экономической, экологической, личной и других видов безопасности. В документе определено

не только понятие «безопасность», но и «жизненные интересы», «объекты безопасности» (личность, общество), «восприятие угрозы безопасности»¹. Основной стандарт «ГОСТ Р 51897-2011 / Руководство ИСО 73:2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Термины и определения» утверждает такие понятия, как «риск», «критерий риска», «уровень риска», «идентификация риска», «оценка риска», «анализ риска», «управление риском» и др.² Данные понятия в совокупности определяют сущность процесса управления, направленного на минимизацию опасностей и угроз в различных сферах общественной жизни.

Управление рисками в социально-трудовой сфере представляет собой процесс целенаправленного воздействия на систему взаимообусловленных социальных и трудовых отношений, включающий идентификацию (выявление, распознавание); оценку (измерение) риска; контроль над его снижением и исчезновением. Оценка профессионального риска как индикатора безопасности воспроизводства рабочей силы и его социального сопровождения, проводится по ряду показателей, характеризующих уровень профессиональной заболеваемости, травматизма, продолжительность жизни, смертность от производственных факторов.

В общем виде процесс управления профессиональными рисками представляет собой непрерывную и циклическую повторяемость обязательных фаз: идентификация, оценка и менеджмент рисков, исходя из фактической экономической и социальной обстановки на предприятии.

Несмотря на положительную динамику процесса управления рисками в социально-трудовой сфере, в рамках внедрения на предприятиях систем управления качеством на базе стандартов серии ИСО 9000, стоит отметить, что единой стандартизованной методики их оценки в настоящее время нет.

Одним из важнейших механизмов управления рисками, связанными с профессиональной деятельностью, является социальная защита, рассматриваемая с точки

¹ О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 09.07.2018).

² ГОСТ Р 51897-2011 / Руководство ИСО 73:2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200088035> (дата обращения: 09.07.2018).

зрения экономики как система обеспечения материальными средствами жизнедеятельности, направленная на снижение бедности и повышение благосостояния до уровня социальных стандартов, принятых в обществе. Данное направление деятельности относится к сфере социальной политики, поэтому ведущая роль принадлежит государству, поскольку критерием благополучия и развития страны является не только экономический подъем, но и способность государства обеспечить защиту своих граждан в неблагоприятных для них условиях.

Российская Федерация, согласно действующей Конституции (ст. 7), является социальным государством, где политика обращена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹.

Многие развитые страны прошли серьезный путь развития в достижении социального прогресса. В рейтинге стран мира по уровню социального развития по показателям индекса социального прогресса (The Social Progress Index), комбинированного показателя международного исследовательского проекта The Social Progress Imperative, измеряющего достижения стран мира с точки зрения общественного благополучия, на первых позициях стоят Дания (индекс 90,57), Финляндия (90,53), Исландия, Норвегия (90,27), Швейцария (90,10).

Можно предположить возможность изучения и диссеминации опыта этих стран с целью выработки собственных подходов и методов решения проблемы социальной защиты, с учетом специфики российского государства.

В современной системе социальной защиты должны доминировать главные тенденции:

- изменение социального климата в обществе путем уменьшения бедности за счет роста экономики страны;
- усиление роли социальных институтов, увеличение значимости образования и здравоохранения в жизни общества;
- повышение государственной поддержки семьи как социального института;
- помощь в реабилитации инвалидам и другим лицам, полностью или частично утратившим трудоспособность в результате профессионального риска;
- эффективная социальная поддержка лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации (утрата трудоспособно-

сти в результате производственной травмы и т. д.).

Анализируя необходимые преобразования в социальной сфере, направленные на минимизацию профессиональных рисков, стоит помнить о том, что в единой системе управления рисками социально-трудовой сферы только комплексные меры помогут достигнуть максимального результата, поскольку невозможно усовершенствовать систему в целом, улучшив только одну ее составляющую.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что в настоящее время множество социальных, гуманитарных и технических наук занимаются изучением проблем риска в различных сферах жизни общества. Поскольку каждое научное направление имеет собственный взгляд на сущность данной категории, при междисциплинарном изучении риска складываются некоторые противоречия, и категория «риск» выглядит неточной. В свою очередь, неструктурированными, расплывчатыми понятиями научного познания очень трудно оперировать как в теоретическом знании, так и в реальной практической деятельности.

Анализ существующих научных исследований феномена «риск» в социально-трудовой сфере приводит к выводу, что:

- существуют многочисленные научные мнения в формулировании понятия «социальный риск», однако конкретный категориальный аппарат не разработан;
- нет единой классификации показателей, факторов, отсутствует стандартизованная методика оценки риска в социально-трудовой сфере.

Переход России к социально ориентированной экономике увеличивает количество и качество профессиональных рисков, обусловленных трудовыми отношениями (потеря трудового дохода, утрата гарантированных государством жизненных стандартов), которые не существуют в чистом виде, без социальной составляющей и могут быть отнесены к социальным рискам в социально-трудовой сфере.

Предприятия и государственные внебюджетные фонды (в частности, Фонд социального страхования) несут дополнительные расходы, обусловленные профессиональными рисками. Оценка экономического ущерба от профессиональных рисков весьма сложная задача, поскольку отсутствует первичная информация и единообразная детальная

¹ Конституция Российской Федерации. М. : АСТ, 2018. 32 с.

статистическая отчетность по экономическим последствиям травматизма и профзаболеваний в России.

Увеличение числа рисков в социально-трудовой сфере, влекущих за собой серьезные экономические последствия, требует трансформации механизмов управления данными видами рисков и социальной защиты в российском обществе с усилением доминирующей роли государства, поскольку прежде всего является инструментом для повышения уровня безопасности и эффективного использования финансовых ресурсов предприятий и централизованных фондов.

1. Алёшина И. В. Социальные стандарты в Российской Федерации — гарантии социальных прав человека // Молодой ученый. 2017. № 41. С. 99—103.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2013. 384 с.

3. Буданова М. А., Шушарина О. П., Баранова В. И. Социально ориентированное управление в условиях риска и неопределённости : монография. М. : Спутник+, 2012. 209 с.

4. Бушуева Г. А. Экономическая оценка профессиональных рисков // Социально-трудовые проблемы переходной экономики : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. С. 15—21.

5. Водяненко О. И. Социальные риски в современной экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 5 (69). С. 14—16.

6. Ильин С. М. Управление профессиональными рисками в системе социального страхования в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук. URL: <http://hdl.handle.net/10995/4714> (дата обращения: 10.07.2018).

7. Капустин Е. И. Социальная защита и социальная помощь населению // Уровень, качество и образ жизни населения России. М. : Наука, 2013. С. 169—215.

8. Кашник О. И., Щеколдин В. Ю., Тимофеева Е. Г. Социальные риски: факторный анализ // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 497—502.

9. Костин А. И. Глобалистика и проблемы планетарной безопасности : автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.10. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000015686> (дата обращения: 10.07.2018).

10. Левашов С. П., Шкрабак В. С. Профессиональный риск: методология мониторин-

га и анализа : монография. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. 308 с.

11. Малышев Д. В. Метод комплексной оценки профессионального риска // Проблемы анализа риска. 2008. Т. 5. № 3. С. 40—59.

12. Мешавкина Н. А. Социальный риск в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003055264> (дата обращения: 10.07.2018).

13. Нагманов К. И., Бектемиров А. К. Различные аспекты управления профессиональным риском на производстве // Вектор науки ТГУ. 2013. № 3. С. 365—368.

14. Роик В. Д. Профессиональный риск: оценка и управление. М. : Анкил, 2004. 224 с.

15. Савинков В. И. Влияние современных реформ на социальные условия жизни населения России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003071932> (дата обращения: 10.07.2018).

16. Тимошкина Е. В. Управление профессиональными рисками и пути его совершенствования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004850683> (дата обращения: 10.07.2018).

17. Хомякова В. С. Безопасность как фактор устойчивого развития (социально-философский аспект) : дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 154 с.

18. Хрупачева А. Г., Хадарцева А. А. Профессиональный риск. Теория и практика расчета : монография. Тула : Изд-во ТулГУ, 2011. 330 с.

19. Чубарова Т. В. Государство социальных инвестиций — новый поворот в социальной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 17—18.

20. Яцук О. В. Риск как фактор развития современного общества: социокультурный аспект : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 166 с.

References

1. Aljoshina I.V. (2017) *Molodoy uchenyj*, no. 41, pp. 99—103 [in Rus].

2. Bek U. *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, Progress-Traditsija, 384 p. [in Rus].

3. Budanova M.A., Shusharina O.P., Baranova V.I. (2012) *Sotsial'no-orientirovannoe upravlenie v uslovijah riska i neopredeljonnosti*. Moscow, Sputnik+, 209 p. [in Rus].

4. Bushueva G.A. (2003) *Bushueva G.A. Ekonomicheskaja otsenka professional'nyh riskov*. Ekaterinburg, pp. 15—21 [in Rus].

5. Vodjanenko O.I. (2017) *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, no 5 (69), pp. 14—16 [in Rus].

6. Il'in S.M. Upravlenie professional'nymi riskami v sisteme sotsial'nogo strahovanija v Rossijskoj Federatsii. Thesis. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/4714>, accessed 10.07.2018 [in Rus].

7. Kapustin Ye.I. (2013) *Uroven', kachestvo i obraz zhizni naselenija Rossii*. Moscow, Nauka, pp. 169—215 [in Rus].

8. Kashnik O.I., Schekoldin V.Ju., Timofeeva E.G. (2012) *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, no 2 (33), pp. 497—502 [in Rus].

9. Kostin A.I. (1992) *Globalistika i problemy planetarnoj bezopasnosti*. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000015686>, accessed 10.07.2018 [in Rus].

10. Levashov S.P., Shkrabak, V.S. (2015) *Professional'nyj risk: metodologija monitoringa i analiza*. Kurgan, Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 308 p. [in Rus].

11. Malyshev D.V. (2008) *Problemy analiza riska*, vol. 5, no. 3, pp. 40—59 [in Rus].

12. Meshavkina N.A. *Sotsial'nyj risk v sovremennom rossijskom obschestve*. Abstract of thesis. Available at: <https://dlib.rsl.ru/0100305264>, accessed 10.07.2018 [in Rus].

13. Nagmanov K.I. (2013) *Vektor nauki TGU*, no. 3, pp. 365—368 [in Rus].

14. Roik V.D. (2004) *Professional'nyj risk: otsenka i upravlenie*. Moscow, Ankil, 224 p. [in Rus].

15. Savinkov V.I. (2007) *Vlijanie sovremennyh reform na sotsial'nye uslovija zhizni naselenija Rossii: sotsiologicheskij analiz*. Abstract of thesis. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003071932>, accessed 10.07.2018 [in Rus].

16. Timoshkina E.V. (2011) *Upravlenie professional'nymi riskami i puti ego sovershenstvovanija*. Abstract of thesis. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004850683>, accessed 10.07.2018 [in Rus].

17. Homjakova V.S. (2007) *Bezopasnost' kak faktor ustojchivogo razvitija (sotsial'no-filosofskij aspekt)*. Thesis. Chita, 154 p. [in Rus].

18. Hrupacheva A.G., Hadartseva A.A. (2011) *Professional'nyj risk. Teorija i praktika rascheta*. Tula, Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, 330 p. [in Rus].

19. Chubarova T.V. (2015) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 17—18 [in Rus].

20. Jatsuk O.V. (2006) *Risk kak faktor razvitija sovremennogo obschestva: sotsiokul'turnyj aspekt*. Thesis. Moscow, 166 p. [in Rus].

For citing: Volkova T.P., Khomyakova V.S. Risks in social and labor sphere: theory and practice // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 79—89.

UDC 331.4

RISKS IN SOCIAL AND LABOR SPHERE: THEORY AND PRACTICE

Tatyana P. Volkova,

Ural State University of Railway Transport, Associate Professor of the Department Chair of Management in Social and Economic Systems, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor. The Russian Federation, 620034, Yekaterinburg, ulitsa Kolmogorova, 66. E-mail: miss.tatjanapavlovna@yandex.ru

Vera S. Khomyakova,

Ural State University of Railway Transport, Associate Professor of the Department Chair of Technospheric Security, Cand. Sc. (Philosophy). The Russian Federation, 620034, Yekaterinburg, ulitsa Kolmogorova, 66. E-mail: Khom-06@yandex.ru

Annotation

The article analyzes the essence of the concepts of «social risk», «professional risk» in social theory and practice, the analysis and classification of risks in the social and labor sphere is given. The analysis of Social Insurance Fund expenses related to social security of the victims of occupational risks for 2012 — 2017 is presented; the problem of management of these risks in the conditions of socially-oriented market economy is actualized.

Key concepts:

social risk, occupational risk, social and labor sphere, risk management, economic costs.

Для цитирования: Мальцев Я. В. Современная философия и философия современности (пролегомены философии перманентности) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 90—99.

УДК 101.1

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОСТИ (ПРОЛЕГОМЕНЫ ФИЛОСОФИИ ПЕРМАНЕНТНОСТИ)

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии, соискатель,
Российская Федерация,
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена попытке ухватить конфигурацию текущего (на момент написания статьи) состояния мысли, отражающегося в различных истинностных процедурах (А. Бадью), и поставить вопрос о необходимости формирования новой парадигмы, которая вырабатывалась бы через широкую дискуссию, через объединение, создавая вместе с тем перспективу выхода из тоннеля, в котором, на взгляд автора, находится культура в ситуации расщепления смыслов и нигилизма.

Ключевые понятия:

современность,
перманентная современность,
субъективность,
картезианство,
философская практика.

1.

После того как Ницше и Бог похоронили друг друга, цивилизация развернулась и огромными шагами пошла в обратном направлении: от усложнения к упрощению, от размышления к наивности, от религии к эзотерике, от образования к игре, от науки к схоластике. С одной стороны, культура еще жила инерционной динамикой заданного движения и делала это настолько успешно, что к 1950-м гг. в философии прогремели А. Камю и Ж.-П. Сартр, К. Леви-Стросс и Ж. Лакан, а благодаря науке человечество смогло выйти в открытый космос. С другой стороны, во всем просвечивал кризис, и этот кризис набирал обороты; с восторгом говорили о распаде универсальности и смерти Просвещения как о политической, экономической, индивидуалистической, экзистенциальной, сексуальной революционной эмансипации. Все вдруг стали максимально свободными, не осознавая своей тотальной зависимости. Эпоха даже выдвинула своего Фому Аквинского по размаху и полету мысли — У. Эко, замыкающего распад классики, суммирующего старое и новое: классический язык, эрудицию и форму выражения Belle Époque с новыми веяниями мысли. Именно Эко издал сборник беллетристики «Полный назад!» [24], где обратил внимание на те возвратные движения, которые совершало человечество в конце XX — начале XXI вв. в области технологии и политики. Эко не заметил только того, что кризис более системен: он выходит за пределы изменяющихся технологий и постоянной зыби ландшафтов политических карт. Кризис выражается не столько в возврате к какой-либо прежней исторической точке: в начало XX в., в век XIX или даже в XVI, но и проявляется в состоянии первобытности, в котором оказывается человечество, отвергающее Просвещение.

2.

Известно выражение Т. Адорно о том, что невозможно писать стихи после Освенцима (и Колымы, добавляет А. Бадью [2, с. 10]), призванное вызвать в читателе/слушателе чувство вины, использующееся для прощания с метанарративами и наследием Просвещения. Чувство вины, ничем не обоснованное и, казалось бы, должное, напротив, актуализировать поэзию, а не отказываться от нее: именно поэты обладают даром наиболее тонко чувствовать кидаящийся на плечи век-волкодав

(О. Мандельштам), именно поэты острее всего ощущают болезненные изломы своего времени, именно через поэтов преимущественно говорит бытие. «Научиться чувствовать боль всеми клетками своего тела. Каждый осколок мира должен ранить вас лично», — вот завет всем поэтам от М. Уэльбека [22, с. 13].

В конце концов, на чем основываются критики Просвещения? На апелляции к рациональной и технической организованности «окончательного решения еврейского вопроса», на неудавшемся опыте построения социализма в СССР (так ли? сколько там оговорок?). Первый пример вроде бы как показал, насколько тонка культурная оболочка человека и что, оставаясь внешне культурным, человек может совершать банальное зло (Х. Арендт). Второй пример используется как иллюстрация невозможности построить утопию.

Оба примера провальны.

Не погружаясь в причины провала СССР (они неплохо проанализированы Т. Иглтоном [8, с. 39—58]), хотелось бы остановиться на неадекватности оценки сложившейся в XX в. рациональности как рациональности *Aufklärung*. Это кажется неверным. Если обратиться к программной статье И. Канта [9, с. 30—37], то первое, во что сразу упирается взгляд читателя, — это экзистенциальный призыв *Sapere aude!* — иметь смелость пользоваться собственным умом. Кант прямо и без долгого рассуждения сталкивает человека с тем, чего человек (по замечанию Сартра и Э. Фромма) часто стремится избежать — с необходимостью вырасти из яслей родительской и божественной (Бог как Родитель) опеки и соотнести Я с Я (И. Фихте). Никакого психоанализа, никаких экивоков: элегантный магистр прямо тыкает нас в то, что превращает индивида в субъекта: опора на собственные силы в том, что касается собственной мысли и собственного тела (Кант проезжается и по медицине). Текст Канта содержит в себе семена всех его критик и модель того, как прусский затворник выстраивал собственную жизнь. Учение Канта о трансцендентальном субъекте, об ограничениях, которые он вынужден накладывать на собственные силы, — это та модель философии, которая предвосхитила всю философию, что последовала за этим. Кант и Гегель довели философию до того пика, после которого последующие философы обречены лишь на своеобразное комментирование, выраженное развитием той или иной мысли в определенную

оригинальную концепцию: феноменология, психоанализ, аналитическая философия etc. — все философские системы после Гегеля имеют корни в немецком идеализме. Потому кажется верным восклицание С. Жижика: «Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем» [7].

Текст Канта, разумеется, не забыт, но есть ощущение, что выводы из него сделаны неверные. Не к той рациональности призывал Кант, которая воплотилась в печах Бухенвальда и Освенцима. Печи немецких и лесопилки советских лагерей, вся лагерная логистика и бюрократия — это Антипросвещение по своей сути. Дело не в том, какую музыку слушал фашистский или советский истеблишмент, а в том, какого этического праксиса они придерживались. Этика — это не просто Идея, как стремится ее понимать А. Бадью [4], но следование определенной практике познания и деяния, определенного самовоспитания, через соотнесение цели (телеологии) — принципов (знание о том, что есть добродетель, что есть крайность) — действия — результата [1, с. 78, 82]. Этика — это категорический императив, выражающийся в постоянном размышлении о благе, о добродетели, о правильности поступка. Этика — значимый этап превращения индивида в субъекта, требующий от индивида постоянного духовного роста и размышления. Именно через этику реализуется Просвещение и человек освобождается от влияния Большого Другого. Но именно этого не случилось в фашистской Германии и Советском Союзе — одна часть населения слепо подчинялась требованиям власти и оказалась под влиянием насаждаемой идеологии, другая часть либо реализовывала собственные корыстные интересы, либо верила в некую Идею, которая все оправдывала. Оба пути одинаково убивали человека в человеческом животном, оба пути были ложными с точки зрения субъективации, а значит, и Просвещения — системы мысли, настаивающей на субъективности каждого.

Случай, с которого любят начинать «попки по Просвещению» (Д. Грей), — на самом деле пример Просвещения от лукавого: когда вместо цивилизации, основанной на свободном и ответственном разуме, сложилась цивилизация, в которой видимость рациональности скрывает иррациональное Реальное «Замка» Ф. Кафки. Цивилизация, которая стала складываться с момента возникновения национальных государств и появления государственных служащих, бюрократическая цивилизация — это

цивилизация, где ликвидируется человеческое, все машинизируется и сами люди превращаются в звенья и передатчики искусственного интеллекта [17]. Люди не выделяют тепло для Матрицы (как в фильме братьев Вачовски, 1999), но становятся ее частью, ее функциональными колесиками. Сейчас широко обсуждается проблема искусственного интеллекта, идут речи об его угрозе для человечества. Но проблема состоит в том, что искусственный интеллект уже победил, и Освенцим показал это наглядно: цивилизация, нацеленная на воспитание конформизма и создающая институты, которые поддерживают и навязывают его, которые стремятся встроить человека в систему и в настоящее время способствовать его оглуплению, — эта цивилизация обречена на провал. Освенцим и Колыма показывают, к чему приходит цивилизация, если воспитание человека идет не в экзистенциальной и просвещенческой проблематике, а в духе коллективизма, в духе религии, идеологии, в дискурсе Господина. *Вывести людей из дискурса Господина, освободить от Большого Другого, показать условность Символического — вот задачи философии* на этапе, когда уже нечего сказать онтологически важного после Канта и Гегеля. Нечего сказать, но есть очень много работы.

3.

Фраза С. Жижека о весьма коротком промежутке существования собственно философии — от Канта до Гегеля — кажется оправданной. Кант синтезировал целый период, который прошла философия до него, и в полной мере ясно обозначил и работу сознания, и границы познания, и продемонстрировал формирование картезианского субъекта (а субъект может быть только картезианским). Гегель рисовал свою философию широкими социально-историческими мазками. Все, что после них, включая великие интеллектуальные диспозитивы — фрейдизм, марксизм и дарвинизм, — лишь уточнения и расширение мысли с невольным ее упрощением. Они подобны христианству относительно неоплатонизма. Именно в этой стадии в настоящее время находятся искусство и философия, что наиболее ярко свидетельствует о пребывании общества в состоянии межцивилизационной эпохи [19] — эпохи, когда старый порядок рушится, а очертания нового обсуждаются на полифокальной площадке [18].

Что мы наблюдаем в т. н. «современном искусстве»? Самое главное, что бросается в глаза в любой его форме, — утрата вечного. Искусство больше не ставит своей целью создать что-то «на века», оно не ставит своей целью возвеличить, не видит необходимости в воспитании, назидании, в передаче знания. Что самое удивительное: современное искусство не нацелено даже на то, чтобы автор и зритель вступали между собой в экзистенциальный диалог. Предметы М. Дюшана — это просто предметы как они есть, помещенные в определенное пространство и таким образом институализированные. Они ни к кому не обращаются и, собственно говоря, не нуждаются в зрителе. Они не требуют никакого надрыва, переживания (не говоря уже о технической составляющей классического понимания произведения искусства) со стороны автора. Зритель также оказывается к ним глух. По меньшей мере, человек, который посещает подобные выставки должен быть определенным образом «воспитан» и нацелен на восприятие подобного. Искусство, которое не затрагивает эмоций зрителя (скорее всего, и самого художника), которое не способствует катарсису, не переводит зрителя (художника) на следующую ступень субъективности, само— и миропонимания — это квазиискусство. А. Бадью таким образом определяет фундаментальную разницу между театром и кино [3, с. 5]: кино не нуждается в зрителе, оно может идти само по себе, в пустом зале. Однако по этому пути сегодня идет все искусство: предоставленное самому себе, оно ни в ком не нуждается, остается непонятым со стороны большей части человечества (которое, тем не менее, прекрасно понимает Рафаэля, по меньшей мере, понимает то, что Рафаэль — это гений, что из-под его кисти вышли шедевры), не способствует развитию человечества. Современное искусство становится все более примитивным, техническим (не в плане сложности техники, а относительно сферы приложения: например, дизайна), откровенно нацеленным на прибыль, не требующим никаких творческих усилий (картины уриной Э. Уорхола, где весь «творческий» процесс проделывало окисление). Современное искусство объявляет о своей деидеологизации, но часто остается встроенным в капиталистический дискурс, будучи откровенно нацеленным на сиюминутность желаний потребителей и получение преференций. Все это вместе, возможно, начиная с К. Малевича, быть может, с импрессио-

нистов и пуантилистов, со всех этих еще весьма профессиональных и великолепных попыток проанализировать живопись через ее составляющие, оказывается выражением общего кризиса: предыдущая цивилизация достигла максимум возможного в изображении (в случае поэзии — в возможностях выражения рифмованными строками, классическими размерами), а потому требовалось отступить назад, откатиться на уровень пещер Ласко.

В философии мы видим тот же процесс. Маркс и Фрейд, Ницше и Лакан, Э. Гуссерль и Сартр — это все продолжение, упрощение и расширение мысли Канти и Гегеля. Пусть с оговорками, пусть с отрицанием, но основной вектор остается именно просвещенческий, а направление — нацеленным на эмансипацию и субъективацию. Вместе с тем, в сравнении с Кантом и Гегелем, уже начиная с Л. Фейербаха, можно увидеть некоторое упрощение мысли, проявляющееся в наивном отрицании идеализма в пользу материального с одновременным упреком в сторону Канта и Д. Беркли, в концепциях которых соотношение идеального и материального было проработано много тоньше, чем это представлялось тем, кто следовал за ними. Попытки же неопозитивистов отказаться от метафизики спотыкались о вопрос о бытии и о том, что с этим бытием делать. Желание К. Мейясу [15] отказаться от корреляционизма игнорирует проблему восприятия (так подробно проработанную Кантом и Гуссерлем), превращая его философию в реализм не столько спекулятивный (и так ясно, что данная нам реальность контингента по многим параметрам), сколько в наивный (не говоря уж про то, что Мейясу, во-первых, отрицая корреляционизм, пытается осмыслить реальность в своих собственных понятиях, а во-вторых, похоже, не может разобраться, какие же проблемы он решает: научного познания или онтологии). О войне направления «тёмной онтологии» [14] с предшествующей традицией (в частности, с древними греками) говорить просто не приходится — ничего, кроме очевидных научных и обывательских трюизмов, проникнутых достаточно вульгарным (т. е. ни на чем не основанном и никак не аргументированным) отрицанием трансцендентного. Так Ницше может преломляться в сознании троечников.

Иными словами, современная философия там, где она выходит из традиции и пытается нащупать собственные пути (что само по себе хорошо), оказывается там же,

где и современное искусство, — в точке возврата, в точке разрыва, в точке переборки, когда невозможно сказать чего-то принципиально нового, когда основное уже прочерчено и вопрос стоит не столько в том, как провести линию дальше, сколько в том, как понять уже написанное. Понять и, следуя завету Маркса, реализовать. Возможно, что в настоящий момент ни философия, ни искусство не двинутся дальше до тех пор, пока философами и обществом не будут как следует впитаны, усвоены и реализованы уже сказанные мысли. В конце концов, если предположить, что некое трансцендентное существует, то почему мы должны отказать ему в желании быть услышанным?

4.

Таким образом, ситуация современной философии — это ситуация преломления: там, где молодость пробует заявить о себе, она непременно либо уходит в наивность (Л. Брайант, К. Мейясу, Р. Брассье), либо остается в философской традиции, пытается реанимировать кого-то из старцев: Фуко обращался к Эпикуру и Сенеке, Жижек отсылается к Гегелю, Бадью к Платону, Рансьер также ищет идеи у греков. Путь преемственности — старый путь признания роли и мощи плеч гигантов — кажется в данном случае оправданным: он позволяет усваивать и осмыслять предшествующее, чтобы выстроит социальный универсум. В конце концов, во-первых, мы уже сталкивались с подобным в период слома античной парадигмы и триумфального разворачивания христианства [13], во-вторых, именно усвоения и реализации требуют в настоящее время те идеи, которые уже были высказаны, но так и не были реализованы, примером чему как раз и служит ситуация с *Aufklärung* и Освенцимом. В связи с этим имеет смысл говорить не о современной философии, а о философии современности [16].

У философии современности есть несколько основных аксиом, на которых она выстраивается:

1. Прежде всего, философия современности — это философия картезианского субъекта, который реализуется в мире как *Dasein*, как данный самому себе индивид (именно индивид как целостность и единичность, в противоположность расколотому дивиду Лакана), понимающий и свои желания, и цели, и проблематику собственного существования. Субъект современности —

это индивид образованный, креативный, этический, самостоятельный и самостоятельный, данный самому себе, а не Большому Другому или разрушающим силам желаний. Субъект современности — это человек, ясно столкнувшийся с проблематикой собственного и культурного бытия и пробующий эту проблематику решить, реализовывая собственные идеалы. В конечном счете «воля к власти» — качество субъекта.

2. Сама современность есть экзистенциальное измерение социального, в котором субъект доступными ему средствами решает ту или иную проблему, вступает в коммуникацию (Ю. Хабермас) с другими субъектами, организует множественные площадки и конструирует (участвует в конструировании) ту или иную конфигурацию социума и цивилизации. Одновременное присутствие множества субъектов и множества идей-утопий обеспечивает динамику современности, которая всегда разворачивается здесь-и-сейчас, используя архив истории как топливо настоящего. Современность обозначает время *современное* субъекту, а потому не относится к какой-либо исторической датировке, но существует *esse est percipi* (Д. Беркли). Это не солипсизм, а трансцендентальная данность. И именно поэтому современность перманентна.

3. Через деятельность культуротворческого субъекта (Я-субъекта в терминологии А. В. Павлова) в ситуации современности складываются индивидуальные и коллективные акторы (множества), которые, вступая в пространство политики как поля борьбы за будущее, поля борьбы за равенство и освобождение [2], образуют собой политические субъекты настоящего и исторические субъекты в ретроспективе (либо в настоящем, если мы смотрим на сегодня из завтра).

Современность разворачивается из личной истории, подобно психоаналитической истории [10, с. 27], оказываясь пребыванием субъекта со-временем и его личным пониманием эпохи. Современность требует от философии и философов определенной практики, которая могла бы ей помочь реализоваться в полной мере. Практики и особого понимания истории.

5.

Исходя из вышеизложенного, первейшим поворотом, который, как кажется, должно совершить философии современности (или философии перманентности) для того, чтобы реализоваться, должен быть поворот к Канту. Именно Кант и античное

наследие — вот точки, которые следует изучить, от которых требуется оттолкнуться и реализовать в практике. Философия не есть мысль сама по себе и не есть абстрактная мудрость, форма схоластической интеллектуальной эквилибристики для избранных. Философия — важнейшая практика субъективации, вместе с психоанализом помогающая человеческому животному реализоваться в качестве Человека. Если А. Бадью говорит о четырех процедурах истины [2, с. 15—16], то также можно выделить и *четыре процедуры субъективации*: искусство, психоанализ, философия и любовь. Как видно, акценты слегка смещены: вычеркнуты политика и наука, но только потому, что эти сферы требуют уже состоявшегося субъекта как актора, иначе они лишь пользуются имеющимися агентами, никак не решая экзистенциальной проблематики личности. Говоря об истине, можно говорить о родовых путях Бадью, но, говоря о субъекте и современности, необходимо говорить о тех практиках, какие обозначены здесь. Наука и политика превращаются лишь в инструменты реализации субъективных программ.

Кант и возврат (хотя речь даже не о возврате, а о начале реализации высказанной однажды программы) к Просвещению обозначают целенаправленное «вращивание» субъективности, на которое должна быть нацелена вся культура и ее институции, включая государство. Безусловно, когда аналитики или этологи говорят о скрытых рычагах человеческой психики, они правы, но именно стремление к идеальному, рафинирование в себе человеческого вместо животного и составляет ту работу, которую необходимо предпринимать каждому, тот длительный процесс, который надо пройти и нужно стараться удержать в любых жизненных обстоятельствах (и здесь дендизм прошлого опережает вседозволенность настоящего). Общество, где культивируется субъективность, — это здоровое общество, в котором интересно жить, т. к. оно креативно и разнообразно, но которым трудно управлять, ибо субъекты не массы. Фактически именно через реализацию субъективной педагогики возможен переход к коммунистической самоорганизации и кластерной экономике К. Маркса. Реализация социального блока марксизма невозможна без реализации программы Канта, это два тесно связанных процесса.

В условиях возвращения к Канту то, чем могут и должны заниматься философы сегодня, — это критика идеологии,

разворачивание экзистенциальной проблематики и экзистенциальное консультирование. С одной стороны, философы должны показать (критическое наследие) слабость фигуры Господина (говоря об этом, уместно вспомнить фильм А. Ианнуччи «Смерть Сталина» (2018), где некогда всеильный Вождь лежит умирающий в собственной урине, а вокруг него суетятся аватары Табаки — очень удачное изображение Реального любой Власти и сущности любого Господина), иллюзорность идеологии и возможность иного пути и понимания; они должны доводить до абсурда, переворачивать, показывать несостоятельность любых дискурсов, стремящихся к доминированию, тем самым выполняя киническую функцию, заставляя разум работать и высвобождая его.

С другой стороны, важным моментом работы философии становится актуализированный М. Хайдеггером, Сартром, Камю, М. Мерло-Понти вопрос о самобытии субъекта, о том, как человеку обрести самого себя, реализовав тот потенциал, который в нем заложен, и гармонизировать собственную жизнь. В этом случае, философия неизбежно пересекается с экзистенциальным психоанализом и психотерапией [12], но нуждается в выработке собственной методологической базы (в конечном счете, философию мало интересуют первотравмы). Конкретизируя то, что Г. Ахенбах обозначил в качестве философской практики, можно обратиться к принципиально важному тексту М. Фуко [23], где подробно разбираются традиции «практик себя» и «практик заботы о себе», имевшие место в античности. Возрождение этих античных традиций, обращение к этическому наследию Канта, а через него к этике греков — вот та сфера приложения, которая в настоящее время видится актуальной для философии. Особенную своевременность такому выходу философии за стены университетских кафедр придают тенденции, которые наблюдаются в самих университетах, когда правительства (Франции, Японии, Австралии, США и других стран) отказываются финансировать гуманитаристику вообще и философию в частности. При сохранении подобного тренда выход философии «в народ» может послужить не только формой развития философии, но и способом ее сохранения и развития. В конечном счете, без философии человеческая цивилизация обращается к варварству, и искусственный интеллект победит окончательно.

6.

Таким образом, важнейшей чертой, отталкивающейся от субъекта философии современности, оказывается возврат к Просвещению, непосредственно выражающийся в распространении праксиса философствования [6] со всеми его античными коннотациями. Всемирное вспомоществование субъективации — архизадача философии. Но вместе с тем философия современности обязательно меняет взгляд на историю как некий направленный и упорядоченный процесс, т. е. тот взгляд, который сложился в позитивистской науке, имеющей иудео-христианские корни.

В контексте философии современности история видится развернутой в пространстве-времени субстанцией, обладающей физическим и ментальным телом, в границах которых разворачивается деятельность человека. Касательно современности, история всегда актуальна и всегда оказывается историей будущего, потому как преломляется и рассматривается через субъекта и отталкивается от него. Историческим актором всегда оказывается субъект, формируемые вокруг него (волью, как, например, вокруг св. Павла, или неволью, если взять идеи Д. Беркли, Б. Спинозы, Дж. Локка и других философов Просвещения о свободе) группы агентов — множества, соприкасающиеся в определенной точке пространства-времени. При этом на сетке времени линии соприкосновения и пересечения оказываются не только горизонтальными, но и вертикальными, т. е. диалог ведется как среди живущих *теперь*, так с живущими *до*. Это выстраивает единое ментально-историческое пространство, в котором между субъектами идет перманентный диалог, и этот диалог всегда касается будущего. Сам исторический акт основывается на Событии, как его понимает А. Бадью [5], — с точки, когда происходит нечто и рождается множество возможностей. Эти возможности выражены в некоторых утопических проектах, которые (созданные субъектами и поддерживаемые множеством) сталкиваются на полифокальной площадке в пространстве-времени и через взаимное снятие приводят к реализации ситуации, которая изначально не предусматривалась, некоего срединного варианта. Именно срединный вариант утопий, некий синтез имеющегося и накопленного знания, позволяет человечеству развиваться динамично и формировать здоровые общества.

Разумеется, история в таком понимании многовекторна и имеет как многовариантность прошедшего, так всегда несет в себе множество проектов будущего. История многомерна и крайне субъективна — каждый субъект пробует написать историю на свой лад, подобно тому, как пишутся книги, но всегда натывается на другого подобного писателя. Вместе с тем, именно субъективность исторического процесса делает этот процесс динамичным, а выявление и отслеживание различных концепций прошлого-будущего обладает достаточно сильным потенциалом прогнозирования.

При этом сам исторический процесс оказывает личностным, частью субъективации, т. к. на основе *восприятия истории* субъект конструирует некоторую грань своей собственной идентичности (как негативной — «я не», так и позитивной — «я тот, кто»). В связи с этим сама история вместо позитивистской объективации становится субъективной сферой познания, в которой особо важным оказывается экзистенциальное измерение. Внимание к доисторическому (К. Мейясу) или архивному становится интересным лишь постольку, поскольку получаемые таким образом данные способны трансформировать личность или культуру. В условиях современности история становится увлекательной в той степени, в какой она способна решать индивидуальные «пограничные ситуации» (К. Ясперс) жизненного опыта и помогать человеку справиться с его *собственным временем*, проблематикой индивидуального бытия (даже в случае, если речь идет о коллективе).

Такое понимание истории, по меньшей мере, приближает ее к человеку, помогая ему сосредоточиться на конструировании собственной самости и проживании *собственной* жизни, подчиненной непосредственно его целям и задачам, согласующейся с его представлениями о должном, высвобождая из-под власти неких якобы объективных сил (Бога, логики истории, светлого будущего коммунизма). Иными словами, понимание истории в контексте философии современности помогает сделать ее личностно ориентированной, способствует возвращению истории человеку (в тех границах, в каких человек способен осмыслить историю и участвовать в ее динамике). Значение приобретает то, как мы пишем историю.

7.

Резюмируя данную статью, хотелось бы сосредоточиться на основных положениях философии современности, которые можно было бы выделить в качестве своеобразного манифеста.

1. В развитии человеческого животного существует три основных стадии: фактичность его существования выражается в *индивидуальности*; формирование в качестве образованного Я, обладающего характером и знаниями, превращает индивида в *личность*, а неограниченный пафос к знанию (сгубивший Эдипа в интерпретации Ж. Рансьера [21, с. 23]), данность самому себе, выход за рамки Большого Другого и вечное стояние в Воображаемом относительно себя и мира превращает личность в *субъекта*.

2. Субъект есть человек, который участвует как в процедурах истины (поэма, магия, эрос и политика — А. Бадью), так и в процедурах субъективации: искусство, психоанализ, философия и любовь. Процедуры субъективации постоянны относительно человеческой жизни, это всегда незавершенный процесс.

3. Субъект выстраивает себя и пытается охватить культуру и сконструировать культуру. Субъектом является человек, участвующий в созидании культурной матрицы социума, при этом вольно или невольно находясь в диалоге с другими субъектами.

4. Субъект, таким образом, необходимо оказывается собственным проектом и выходит на арену в качестве сверхчеловека Ф. Ницше — что есть сверхчеловек, как не тот, кто реализует проект себя, превосходя данность?

5. Субъект воспринимает жизнь как *praxis*, не просто провозглашая, но реализуя. В кантовских категориях субъект есть носитель морали. Субъект осуществляет оценку добра и зла, реализуя этику добродетели (Аристотель).

6. В результате наследие древних греков не умирает, но оживает. Как и любая мысль, несущая новое относительно мира и человека. Однажды высказанная, она остается актуальной.

7. Не может быть никакого возврата к Гегелю, Канту, Эпикуру или Платону, но необходимо тщательное изучение того, что было написано. Изучение не теоретическое, а практическое. Практическое не только индивидуально, но социально.

8. Высказанные однажды мысли не были усвоены должным образом. В результате цивилизация зашла в тупик: эффекты бюрократии и капитализма грозят разрушить планету и уничтожают креативную рациональность

9. Субъект должен обладать волей к жизни как воли быть настоящим. И выстроить вокруг себя настоящий мир.

10. Субъект существует в реальности, которая в значительной мере конструируется им самим. Он всегда ограничен определенными рамками (в том числе и познавательными), но в границах имеющегося у него маневра он сам ответственен за себя и мир вокруг себя.

11. Находясь в структурах, субъект стремится выйти из них или переформатировать их под себя.

12. Субъект находится в субъективном времени, времени его собственной жизни и проблемности этой жизни. Эта ситуация и может считаться со-временностью.

13. Онтология современности в проживаемом субъектом времени делает современность не исторической, но субъективной, а потому перманентной. Современность индивидуальна и имеет смысл для субъекта лишь потому, что субъект жив.

14. Современность превращается в социальную экзистенцию: опыт человека по восприятию проблемности своего бытия здесь-и-сейчас, в этом окружении с этими проблемами и попытками их решить.

15. Потому восприятие истории субъектом распадается на мозаику и конструируется индивидуально. С помощью психоаналитических практик субъект «собирает себя», при помощи истории он «собирает социум», свое представление о процессах в нем.

16. История становится субъективной (она основана на индивидуальном) и полифокальной (научная парадигма диалогична).

17. Субъект современности не умирает: уходя физически, он остается на уровне высказывания и продолжает диалог с другими субъектами, физически находящимися после. Это делает современность объемной. И опять-таки делает ее перманентной.

18. Философия современности не отвергает трансцендентного по причине невозможности рационального высказывания и познания. Строго атеистические позиции возможны лишь в имеющихся границах знания, но в настоящем нет возможности узнать больше. Тот факт, что у Бога Хокинга не было времени для создания Вселенной и собственного существо-

вания справедливо лишь для материального мира.

19. Вместе с тем религиозную картину мира опровергает не столько физика, сколько история и медицина, в частности деменция.

20. Вне зависимости от трансцендентного, человек сам ответственен за свое бытие. Смерть Бога, которую провозгласил Ницше, дала людям полную свободу. Пока Бог еще (якобы?) есть, человечество находится под «опекой», ему есть куда двигаться, для чего люди стараются быть праведными, чтобы понравиться Родителю. Но Ницше сказал: «Расслабьтесь, там никого и ничего вокруг вас». И Сартр вторил: «Все пусто». И вот уже смысл задается самостоятельно, и быть нравственным означает быть нравственным ради самой нравственности, ради того, чтобы из человеческого животного стать человеком.

21. Вместо этого люди впадают в ребячество и коррумпируют все, что можно коррумпировать: «Предки ушли, мы можем веселиться», — говорит цивилизация потребления. В оптике (религиозной) линейности истории можно было бы подумать, что мы успешно провалили экзамен на зрелость.

22. В случае современности употребляется дефиниция «субъективность» как противоположность объективности, как существующая в сознании мыслящего человека картина универсума. Субъект пишет свой универсум сам. «Субъектность» же — вторичное качество, основанное на действии. Сперва нужно помыслить, потом действовать.

23. Ключевые функции философии: миропостижение в целостности, самоучреждение субъекта, конструирование социального фантазма (утопии, вектора) и критика идеологии.

24. Поэтому сегодня актуальны не только идеи Аристотеля о добродетели, но и наследие киников, как позиция подрыва, как истинное критическое мышление, основой которого является переворачивание, доведение до абсурда, показ изнанки любых форм мысли, претендующих на истину или доминирование. В способности подрыва скрыта *социально-лечебная* роль философии.

Автор ни в малейшей мере не претендует на окончательность и завершенность своих взглядов. Они нуждаются в дополнении и обсуждении, как, впрочем, и все остальные высказывания в философии.

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с.

2. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

3. Бадью А. Рэпсодия для театра: краткий философский трактат. М. : Модерн, 2011. 96 с.

4. Бадью А. Этика: очерк о сознании Зла. СПб. : Machina, 2006. 126 с.

5. Бадью А. Философия и событие: беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 192 с.

6. Борисов С. В. Философская практика как опыт «заботы о себе» // Наука ЮУрГУ : материалы 68-й науч. конф. Челябинск, 2016. С. 457—465.

7. Жижек С. «Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем» : интервью со Славоем Жижекком для журнала «Логос» // Логос. 2007. № 1 (58). С. 3—13.

8. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера-Пресс, 2012. 304 с.

9. Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994. 718 с.

10. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 192 с.

11. Латур Б. Об аффектах капитализма. URL: <http://doxajournal.ru/translations/latour> (дата обращения: 17.06.2018).

12. Лахав Р. Философская практика — quo vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7—14.

13. Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9. С. 13—14; № 10. С. 14—16.

14. Манифест «Темной онтологии» Леви Брайданта. URL: http://s357a.blogspot.com/2013/06/blog-post_14.html (дата обращения: 17.06.2018).

15. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

16. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5—14.

17. Павлов А. В. Перспектива неомодерна. Философия новой эпохи // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 85—90.

18. Павлов А. В. Полифокальная социология современности // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5—13.

19. Павлов А. В. Цивилизация и междивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17—27.

20. Рансьер Ж. Несогласие: политика и философия. СПб. : Machina, 2013. 192 с.

21. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. СПб. ; М. : Machina, 2004. 128 с.

22. Уэльбек М. Очертания последнего берега. М. : АСТ : CORPUS, 2016. 464 с.

23. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

24. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М. : Эксмо, 2007. 592 с.

References

1. Aristotel'. (1983) *Sochinenija: v 4 t. T. 4.* Moscow, Mysl', 830 p. [in Rus].

2. Bad'ju A. (2003) *Manifest filosofii.* Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].

3. Bad'ju A. (2011) *Rapsodija dlja teatra. Kratkij filosofskij traktat.* Moscow, Modern, 96 p. [in Rus].

4. Bad'ju A. (2006) *Jetika: Oчерk o soznanii Zla.* St. Petersburg, Machina, 126 p. [in Rus].

5. Bad'ju A. (2013) *Filosofija i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiju Alena Bad'ju.* Moscow, Institut Obshhegumanitarnyh Issledovanij, 192 p. [in Rus].

6. Borisov S.V. (2016) *Filosofskaya praktika kak opyt "zaboty o sebe"* // *Nauka JuUrGU*, pp. 457—465. [in Rus].

7. Zhizhek S. (2007) *Logos*, no. 1 (58), pp. 3—13 [in Rus].

8. Iglton T. (2012) *Pochemu Marks byl prav.* Moscow, Kar'era Press, 304 p. [in Rus].

9. Kant I. (1994) *Sochinenija: v 8 t. T. 8.* Moscow, Choro, 718 p. [in Rus].

10. Lakan Zh. (1995) *Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize.* Moscow, Gnozis, 192 p. [in Rus].

11. Latur B. *Ob affektah kapitalizma.* Available at: <http://doxajournal.ru/translations/latour> (accessed 17.06.2018) [in Rus].

12. Lahav R. (2016) *Socium i vlast'*, no. 1 (57), pp. 7—14 [in Rus].

13. Losev A.F. (1983) *Studencheskij meridian*, no. 9, pp. 13—14; no. 10, pp. 14—16 [in Rus].

14. Manifest «Temnoj ontologii» Levi Brajdanta. Available at: http://s357a.blogspot.com/2013/06/blog-post_14.html, accessed 17.06.2018 [in Rus].

15. Mejjasu K. (2015) *Posle konechnosti: Jesse o neobhodimosti kontingentnoe.* Ekaterinburg; Moscow, Kabinetnyj uchenyj, 196 p. [in Rus].

16. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5—13 [in Rus].

17. Pavlov A.V. (2017) *Socium i vlast'*, no. 2 (64). pp. 85—90 [in Rus].

18. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1 (39), pp. 5—14 [in Rus].

19. Pavlov A.V. (2012) *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*, no. 3, pp. 17—27 [in Rus].

20. Rans'er Zh. (2013) *Nesoglasie: politika i filosofija*. St. Petersburg, Machina, 192 p. [in Rus].

21. Rans'er Zh. (2004) *Jesteticheskoe besoznatel'noe*. St. Petersburg, Moscow, Machina, 128 p. [in Rus].

22. Ujel'bek M. (2016) *Ochertanija poslednego berega*. Moscow, AST, CORPUS, 464 p. [in Rus].

23. Fuko M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981—1982 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka, 677 p. [in Rus].

24. Jeko U. (2007) *Polnyj nazad! «Gorjachie vojny» i populizm v SMI*. Moscow, Jeksmo, 592 p. [in Rus].

For citing: Maltsev Ya.V.

The present-day philosophy and philosophy of modernity (prolegomena of the philosophy of permanency) // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 90—99.

UDC 101.1

THE PRESENT-DAY PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF MODERNITY (PROLEGOMENA OF THE PHILOSOPHY OF PERMANENCY)

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
The Department Chair of Philosophy,
Degree-seeking Student,
The Russian Federation,
625003, Tyumen, ulitsa Volodarskogo, 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation

The article focuses on the attempt to seize the configuration of the current (as of the date of writing the article) state of thought reflected in different in truth-value procedures (A. Badiou) and to pose a question on the necessity of forming a new paradigm which would be worked out through a wide discussion, through uniting, creating the prospect of getting out of the tunnel, in which, in the author's point of view the culture in the situation of splitting senses and nihilism is.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
subjectiveness,
cartesianism,
philosophical practice.

Для цитирования: Богданова В. О.
Философские практики обретения
экзистенциальной открытости:
компаративистский анализ восточных
и западных методик // *Социум и власть*. 2018. № 4 (72). С. 100—109.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРАКТИКИ ОБРЕТЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ МЕТОДИК¹

Богданова Вероника Олеговна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования являются философские практики экзистенциальной открытости, позволяющие сформировать доверие к жизни, необходимое для полноценного развития личности. Недоверие к жизни препятствует духовному росту человека, сужает поле его жизнедеятельности, разобщает бытие и мышление. Экзистенциальная открытость — это способность индивида объективно и правдиво воспринимать, осознавать и интерпретировать реальные события и свои собственные переживания. Объективное осознание возможно только тогда, когда индивид освободится от стереотипов, шаблонных схем, преодолеет разобщенность бытия и мышления. Принятие жизни выражается в готовности реализовывать множество возможностей, которые открываются перед человеком. Исследование выстраивается на основе компаративистского анализа восточных и западных методик, таких как медитативные

практики даосизма, буддизма и дзэн-буддизма в сравнении с методами экзистенциальной философии, феноменологии и гуманистической психологии. Медитативные практики способствуют осознанию открытости, принятию мира и своего собственного существования в нем. Данные практики помогают индивиду преодолеть рассудочное расчленение мира. Экзистенциальный подход позволяет выявлять глубинные проблемы индивидуального существования, связанные с осознанием безопорности мышления в ситуации жизненного выбора. Феноменологический подход способствует обнаружению мыслительных, речевых и поведенческих стереотипов жизненного мира, которые не позволяют феноменам говорить самим за себя, исходя из своего собственного уникального значения. Корень исследуемой проблемы видится автору в разобщенности мышления и бытия, которая определяется как «психологическая болезнь» современной цивилизации, главным симптомом которой является желание утвердить себя в мире, стремление к господству над природой, над другими людьми и над собой. Сознание человека порабощено искаженной идеей должного, зачастую подразумевающей набор социальных и культурных стереотипов той или иной исторической эпохи, а не философское стремление быть аутентичным, открытым истине. В исследовании описываются философские практики, которые помогают преодолеть разобщенность мышления и бытия, служащего помехой для объективного и правдивого восприятия реальности.

Ключевые понятия:
экзистенциализм,
феноменология,
экзистенциальная открытость,
философские практики,
сознание.

¹ Статья подготовлена в рамках задания Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности № 35.5758.2017/БЧ, при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 04.06.2018 г. № 1/313 по теме «Философская практика как новая парадигма социогуманитарных исследований» и в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Экзистенциальная открытость: основные характеристики

Одной из важных целей философской практики является прояснение индивидуального бытия, которое происходит через осмысление отношения человека к жизни. Нередко само это отношение затрудняет процесс самореализации, препятствует обретению смысла существования. Например, если в сознании человека присутствует установка, что жизнь коварна и опасна, то все силы он будет тратить не на реализацию своих талантов и поиски собственного предназначения, а на создание защитных механизмов, препятствующих спонтанному проявлению индивидуальности, создающих иллюзию безопасности. Такое общее отношение к существованию О. Ранк охарактеризовал как «страх встречи с жизнью в качестве изолированного существа». Это страх индивидуации, влекущей за собой чувство незащищенности, заброшенности, одиночества. Страх перед жизнью можно смягчить, отрекаясь от индивидуации, но это порождает экзистенциальную вину. Человек чувствует себя виноватым в том, что не реализует в полной мере свой жизненный потенциал [15, с. 160]. Из этой ситуации может быть только один выход — научиться доверять жизни и самому себе. Этой цели служат философские практики, которые мы условно назвали «практиками открытости», поскольку они способствуют обретению утерянного первоначального экзистенциального состояния — доверия миру.

С детства многие люди усваивают правило «доверяй, но проверяй», которое часто приводит к подозрительности и ложным предубеждениям. Человек живет с оглядкой, боится оказаться обманутым, лишиться духовных или материальных благ. Он не всегда осознает, что сама установка на недоверие лишает его жизненных сил, плодотворных межличностных отношений и подавляет естественное стремление к самореализации. Мир представляется средоточием враждебных сил, и для того, чтобы он вновь стал «интимно близким», каким он был в самом начале жизни, индивиду необходимо вернуть себе состояние первоначальной открытости, доверия миру. Что это за состояние и как оно достигается?

В философской и психологической литературе можно обнаружить разные описания открытости, хотя все они тесно переплетаются друг с другом. Представитель гуманистической психологии К. Роджерс в своем описании «полноценно функционирующе-

го человека» определяет его как открытую личность. Открытая личность способна почувствовать в себе все многообразие висцеральных, сенсорных, эмоциональных и когнитивных переживаний, не испытывая при этом угрозы. Она тонко осознает свои самые глубокие мысли и чувства и не пытается их подавить или исказить, она часто действует в соответствии с ними. «Полноценно функционирующий человек» способен не только осознавать свои переживания, но и контролировать их. Он готов действовать рассудительно, отказаться от желаний, реализация которых причиняет вред ему и другим людям [9]. Таким образом, под открытостью Роджерс понимает способность индивида осознавать свои переживания, что позволяет ему воспринимать реальность объективно и правдиво, ведь мир существует безотносительно к личным интересам, потребностям и страхам индивида.

По мысли Э. Фромма, видеть мир объективно возможно только в том случае, если разум человека выберет эмоциональную установку на смирение. Смирение предполагает избавление «от мечтаний о всезнании и всемогуществе» [13, с. 201]. В восточной традиции смирение часто трактуется как отказ от «воли». Человек освобождается от желания принуждать, направлять, подавлять мир вне и внутри себя для того, чтобы быть совершенно открытым, отзывчивым, пробужденным и чутким. Э. Фромм отмечает, что это состояние в терминологии дзэн-буддизма часто описывают фразой «сделаться пустым», т. е. сделаться открытым для восприятия мира [14, с. 29]. Почувствовать исходную неразделенность с ним. Быть способным принимать любые жизненные обстоятельства и адаптироваться к ним без физического и душевного сопротивления.

Открытость основывается на доверии к жизни. Нельзя доверять жизни, контролируя каждый шаг, поэтому открытый человек не имеет детально выверенного плана действий. Ему свойственна легкость, спонтанность, непосредственность в принятии решений. Это проявление открытости отражено в изречении Лао-Цзы «Великий порядок свободен от распорядка». Отказываясь от мелочного планирования, индивид открывает для себя новые возможности, не позволяет своей жизни стать механистичной и искусственной. Он прислушивается к потребностям своей души и тела в моменты настоящего времени, живет в гармонии с собой. Таким образом, доверие к жизни неразрывно связано с доверием к самому себе. Человек, доверяющий себе, выбирает такую линию поведения, ко-

торая опирается на осознание собственных переживаний, а не полагается на внешние указания (социальные нормы, суждения авторитетных лиц или групп).

Экзистенциально закрытый человек упорно сопротивляется реальности. Он пытается снова и снова осуществлять программу поведения, которая уже исчерпала себя, не достигая желаемого результата. Сила его сопротивления реальности прямо пропорциональна силе претерпеваемых душевных страданий. Возвращаясь к первоначальной открытости, индивид смягчает свои страдания или вовсе избавляется от них. Данный аспект открытости в полной мере воплощается в главном принципе даосизма — «У-Вэй» («недеяние»). Его суть заключается в спонтанном проживании настоящего без вмешательства в ход вещей, не находящихся во власти человека. Подчиняясь естественному ходу вещей и событий, человек становится органической частью единого потока изменений, ощущает себя причастным бытию, обретает внутренний покой и свободу. «У-Вэй» требует особого внутреннего настроя, который заключается в отказе от всего призрачного и суетного для того, чтобы ощутить полноту бытия, радость жизни [8, с. 82—83]. Практика даосизма «У-Вэй» построена таким образом, чтобы сознание личности не успевало проявить рациональное начало, порождающее эгоизм [11, с. 279]. В своей деятельности рациональное начало, как правило, проявляется через постановку и реализацию намеченной цели. В практике «недеяния» внимание переключается с цели деятельности на сам процесс. Схожую технику переключения внимания с цели (результата) на процесс деятельности можно встретить и в индийской философии. В индуизме существует специальная техника «карма-марга», которая в «Бхагавадгите» обозначается как «действие без расчета на результат». Бескорыстное исполнение долга без привязанности к результатам направлено на преодоление эгоизма [11, с. 72—73].

Под открытостью также следует понимать готовность расширять горизонт опыта через приобщение к новым знаниям. В даосизме, буддизме и дзэн-буддизме открытость описывается как состояние опустошенного сознания, свободного от прописных истин, стереотипных действий, низменных желаний, страстей, это готовность наполнить жизненный опыт новым содержанием. Если сознание человека «захлавлено» знаниями, которыми он не пользуется, но при этом пытается сохранить, то он закрыт для изменений. Горизонт опыта человека ограничен,

он видит только то, что подтверждается и оправдывается его прошлым опытом. Открытость предполагает свободный отказ от уже «отработанных» мыслительных схем, лишающих индивида свободы, делающих его ограниченным и закрепощенным. С позиции феноменологии открытость экзистенции — это отказ от любой теоретической ориентации, в том числе от привязанности к собственным убеждениям. Заданные когнитивные схемы, принципы, интерпретации не позволяют феноменам говорить самим за себя, в своем собственном уникальном значении, однако через них высвечивается подлинное бытие человека [7, с. 153]. К. Роджерс отмечает, что если в ответ на события окружающей действительности индивид вместо того, чтобы осознать возникшее переживание, пытается его преобразовывать в соответствии с какой-то заранее заданной жесткой структурой «Я», то его личность становится ригидной и неадаптивной. Полноценно функционирующая личность проистекает из переживания, т. е. она познает структуру своего опыта и саму себя в процессе переживания. Не принимая события жизни и собственные переживания, человек лишает себя возможности плодотворного и разностороннего развития [9].

Препятствия на пути экзистенциальной открытости

Что же мешает человеку быть открытым? Препятствуют пребыванию в состоянии открытости аффекты, порожденные страхом, вызванным негативным опытом прошлого. Негативные воспоминания, постоянно возвращаясь, создают своего рода «невротический цикл», из которого сложно вырваться и посмотреть на свое существование со стороны, трезво осознать иллюзорность многих опасений и предубеждений. Это препятствует чуткому и адекватному реагированию на происходящие события, разрывает связь с реальностью. Страх порождает навязчивое стремление остановить течение жизни, держать жизнь под неослабным контролем. Однако, следуя этой стратегии, индивид не достигает желаемого результата. Обретение безопасности посредством тотального контроля не происходит, а страх перед жизнью только усиливается. К нему также начинает примешиваться разочарование в жизни, ощущение утраты упущенных возможностей. Выход один — преобразовать «внешний» контроль над событиями в самоконтроль, дающий возможность контролировать собственные переживания. Как

пишет М. Босс, «следует прыгнуть в воду, вместо того чтобы все время пробовать, не слишком ли она холодная» [7, с. 151].

Склонность к строгому контролю проявляется не только в стремлении жить в безопасном и предсказуемом мире, но и в желании соответствовать идеальному образу «Я». Однако идеальный образ «Я» слишком абстрактен, его формирование обусловлено многими факторами, которые индивид не в состоянии осознать. Как правило, это стереотипы социального окружения, закрепляемые моральной оценкой «правильного» поведения, нормированного тем или иным сообществом. Идеальный образ «Я» формируется постепенно посредством хабиитуализации этих стереотипов. Это также препятствует доверию к жизни, поскольку задерживает процесс психического развития индивида на стадии инфантильной зависимости. Через «бунт» и конфликты с привычным социальным окружением проявляется воля индивида быть самим собой. «Воля быть собой» реализуется в попытке существования сразу в нескольких «Я-образах». Через них содержание личности обретает свое наполнение, а затем и целостность [1]. Сужение горизонта опыта приводит к потере способности адекватно осмысливать феномены собственного существования.

Все, что рождается в сознании человека (мысли, чувства, идеалы), должно не только осознаваться, но и проживаться в бытии. Любое содержание сознания должно быть включено в бытие. Мысли и переживания необходимо рассматривать как Откровения, через которые человек познает мир и самого себя. Например, С. Кьеркегор показывает связь между мышлением и бытием человека, вводя понятие «субъективной истины». Мысль обретает статус истины только при совпадении внутренних переживаний человека с внешним проявлением в виде какого-либо действия. В качестве пояснения Кьеркегор приводит пример с двумя молящимися людьми. Первый человек молится «истинному», христианскому Богу, но его душевное состояние при этом ложно. Молитва превращается в механический ритуал, который воспроизводится без душевного трепета и благоговения. Второй — язычник, молящийся примитивному идолу с «безраздельным стремлением к бесконечному», обладает «субъективной истиной», потому что он делает это искренне. Таким образом, понятие «субъективной истины» сродни понятию искренности, которая предполагает высокую духовную активность человека. Исходя из этого контекста, бытие есть искрен-

нее проживание жизни, предполагающее «страстное духовное участие субъекта в этом процессе» [6, с. 218—219]. Духовная активность субъекта направлена на утверждение личностных ценностей и смыслов в каждой жизненной ситуации. Это полная вовлеченность человека в бытие, позволяющая всегда чувствовать себя «живым» и «осознающим», а не только в воспоминаниях о тех или иных моментах прошлого или в мечтаниях о будущем. Только тогда жизнь доставляет радость, становится мощной, плодотворной, богатой впечатлениями. Когда же индивид живет не искренне, он выпадает из реальности, поскольку прерывает связь между ценностно-смысловыми компонентами своего сознания и бытием. Личность распадается на фрагменты, теряет свою целостность, живет в разладе с собой.

Бытие человека всегда имеет ценностную основу. Ценности определяют отношение человека к реальности. Человек, благодаря созидательной активности своей воли, выбирает те ценности, через которые он желает видеть и описывать мир и самого себя, и он несет ответственность за созданный им мир. Ценности, выбранные в качестве «субъективной истины», имеют в своем основании «Ничто», поскольку сама возможность выбора предполагает «безоппорность», свободу воли. Выбор сопряжен с сомнением, он может породить неуверенность в себе, если из множества возможностей нужно выбрать только один «правильный» вариант и нет права на ошибку. Однако это ложная посылка, когда речь идет о жизненных возможностях, которые нельзя ни спрогнозировать, ни просчитать. Следовательно, все варианты выбора являются «правильными». Понятие «ошибка» в этих условиях не имеет смысла. Оно трансформируется в понятие «новая возможность». Через выявление и реализацию этих возможностей происходит самореализация личности, ее взросление. Задача индивида — открыть для себя широкий спектр возможностей существования [17].

В вопросе самопознания человеку важно понять, насколько он чужден с самим собой, насколько он аутентичен. Соотношение понятий «жизненный опыт», «коммуникация» и «осознание опыта» дает это увидеть. К. Роджерс полагает, что данные понятия являются совместимыми. При высокой степени соответствия человек способен почувствовать единение с миром, доверие миру. По мнению Роджерса, высокую степень соответствия проявляют дети, которые выражают свои чувства открыто. Жизненный опыт, коммуникация и осознание опыта для

них — единое целое. Например, когда дети любят или сердятся, они выражают свои эмоции всем своим существом. Взрослые, как правило, более сдержанны в выражении своих чувств, что говорит о несогласованности переживания, осознанности и коммуникативных практик [9].

Несогласованность возникает в ходе интерпретации индивидом своих переживаний и опыта. Интерпретация разрывает связь между переживанием и опытом. Чувства «застывают» на абстрактном уровне интеллектуальной интерпретации, они не переживаются, а логически объясняются как что-то противопоставленное субъекту. В результате значения слов могут подменять их сущность, которая непосредственно проявляется в контексте переживания: «понять слово означает смотреть на палец, а не на Луну, на которую он указывает» [11, с. 119—120]. Однако следует отметить, что не только интеллект может «скрыть» переживания за плотной завесой слов. Влияние любого авторитета (будь то концепция или личность) может также исказить их смыслы. Понимая эту проблему, дзэн-буддисты предлагают не придавать существенного значения учениям и мнению авторитетных лиц (священным сутрам, и их толкованию мудрецами и учеными), которые могут помещать непосредственному открытию истины через переживания [14, с. 56]. Несогласованность также проявляется в неспособности или нежелании точно передавать свои чувства другому человеку из-за недоверия к нему, хотя, как правило, именно другие люди помогают личности полнее осознать свои поступки, мысли и переживания. Недостаток социального соответствия может свидетельствовать о пониженном самоконтроле и искаженном восприятии человеком самого себя, или о страхе, препятствующем преодолению застарелой привычки к скрытности, или о трудности понимания других, или о неспособности понятно выражать свои мысли и чувства [16].

Разобщенность бытия и мышления: методики и практики преодоления

Разобщенность бытия и мышления — это «психологическая болезнь» современной цивилизации, главным симптомом которой является желание утвердить себя в мире, стремление к господству над природой, над другими людьми и над собой. Сознание человека поработчено искажен-

ной идеей должного, зачастую подразумевающей набор социальных и культурных стереотипов той или иной исторической эпохи, а не философское стремление быть аутентичным, открытым истине. Не преодолевая эту разобщенность, индивид идет по пути забвения себя. М. Босс видит выход из этого состояния в выработке особого отношения к миру, которое позволяет всем вещам и явлениям мира быть такими, какие они есть [7, с. 150—151]. Существуют специальные философские практики, которые помогают устранить эту разобщенность. Они способствуют осознанию открытости, принятию мира и собственного существования в нем. Данные практики помогают индивиду преодолеть рассудочное расчленение мира на противоположности (материального и идеального, добра и зла, прекрасного и безобразного и т. д.). Бытие человека становится целостным, поскольку человек учится принимать все как есть, чувствовать динамику мира, избавляться от болезненных привязанностей. Жизнь перестает восприниматься в линейной перспективе, как напряженное движение к призрачной цели, а становится увлекательной «игрой», в которой главную ценность обретает процесс ее проживания, а не конечный результат. Если оценивающая работа рассудка, раскалывающая мир на противоположности, мешает человеку непосредственно реагировать на жизненные ситуации, то преодоление разобщенности мышления и бытия возвращает человека к «естественной простоте», открытости, безусловному принятию всего что случается с ним в мире [8, с. 71].

Буддистский мастер медитации Ч. Трунга считает, что преодоление разобщенности позволяет жить в реальности, для этого нужно погрузиться в глубину собственного опыта, в мир «чистых» феноменов до начала мышления. В дзэн-буддизме такое необуловленное мыслями состояние сравнивается с изначальным космическим зеркалом, которое отражает все без искажений [12, с. 99]. Объективному и правдивому отражению реальности мешает оценивающая и рассудочная деятельность, которая вносит дискретность в единый поток феноменов сознания. Следует устранить эту фиксацию рассудка на позиции «привилегированной» (предзаданной) точки зрения, как будто в мире все уже заранее известно. Если это удается, появляется ощущение тождества созерцания и созерцаемого, «внутреннего» и «внешнего» [12, с. 103—104]. Н. А. Бердяев описывает похожий «мистический» опыт, когда сознание вбирает в себя природный

и человеческий миры, ничто уже не противостоит ему как внешний предмет. «Таким образом, — пишет философ, — раскрывается реальный духовный мир, в котором все вложено в сокровенную глубину и всякая реальность раскрывается в своей внутренности, а не внешности» [2, с. 175]. Преодолев субъект-объектное разделение, достигнув единства со всем сущим, сознание способно сфокусироваться на любом существе и событии и познать их так же хорошо, как и бытие своего собственного сердца, потому что теперь уже все происходит внутри него [12, с. 109]. Это мистическое состояние растворения «Я» в мире описывает Чжуан-цзы, когда во время сна он почувствовал себя бабочкой, поставил перед собой вопрос: «Как могу я знать, снился ли человек спящей бабочке или спящему человеку снилось, что он бабочка?» Сама постановка такого вопроса является примером мгновенного осознания собственной безличности, то есть потери ощущения частной точки зрения в целостной картине мироздания [11, с. 279—280].

Суть методики «Убей ум» (Шри Ауробиндо, Шри Рамана Махарши) заключается в избавлении от всех «негативных» мыслей, связанных с ненавистью, унижением, страхом, являющимися источниками психологических проблем. Источником возникновения «негативных мыслей» является оценивающая деятельность рассудка, который использует полярные категории [10, с. 115]. Медитативные практики, используемые в индуизме, буддизме, дзэн-буддизме, даосизме и других восточных учениях, как раз направлены на преодоление устойчивых схем-паттернов, привычек сознания, порожденных ситуацией разобщения мышления и бытия. Человек словно «растворяется», захваченный «поток» деятельности, с которой он полностью сливается [10, с. 193].

М. Е. Сандомирский отмечает, что состояния повышенного усилия, умственной концентрации и вовлеченности доступны любому человеку, в разных ситуациях. В этих состояниях самозабвенного творческого наслаждения самим процессом деятельности, «растворения» «Я» и «слияния» с выполняемой работой, человек испытывает чувство собственной внутренней цельности, единства и гармонии с окружающим миром [10, с. 194]. М. Е. Сандомирский отмечает, что занимаясь медитацией лучше не давать установку на прекращения мышления, а направить мысль на привычные, безразличные процессы, не дающее пищи для размышлений. Это могут быть собственные физиологические процессы или

внутренние ощущения. Они играют роль «спасательного круга», который не позволяет «утонуть» в бескрайнем море мышления. Например, буддисты секты «сото», выполняя медитативную технику «дзадзэн» или «кинхин», для того чтобы сознание не генерировало посторонние мысли, рекомендуют сосредоточивать внимание на дыхании [11, с. 343]. Не случайно саму технику «дзадзэн» сравнивают с очищением загрязненного водоема. Вода в водоеме становится кристально чистой и прозрачной, когда отсутствуют потоки, поднимающие со дна ил и песок. При этом водная гладь водоема становится ровной и четко отражает предметы. То же самое можно сказать про сознание. Оно начинает объективно и правдиво отражать мир лишь в состоянии покоя, отрешенное от суетных мыслей, страстей, желаний [11, с. 343].

Буддистская практика «самадхи» также позволяет достигнуть спокойствия ума. Основой этой практики является концентрация ума — сати (смрити). Сати означает процесс внутренней мобилизации и полного осознания своего тела, ощущений, мыслей и образов. С одной стороны, человек отстранен от всего происходящего вокруг и собственных ощущений и переживаний, с другой стороны, он осознает ментальные состояния и отчетливо воспринимает происходящее в данный момент времени. М. Томпсон отмечает, что для ясного видения медитирующий должен максимально освободиться от оков собственного Эго и сосредоточиться на объекте созерцания [11, с. 116—117]. Это возможно, когда человек сосредоточен на настоящем времени. Прошлого для него более не существует, а будущее пока не проявилось. М. Томпсон сравнивает медитирующего с человеком, оседлавшим волну. В начале медитации волна вздымается, и стоящему на гребне необходимо поддерживать хрупкое равновесие, чтобы не упасть. Баланс нарушается, когда человек начинает анализировать происходящее с позиции прошлого, интерпретируя происходящее отлаженными схемами, паттернами, или с позиции будущего, когда человек, испытывая перед ним страх, создает образы не связанные с реальным положением дел. Другими словами, медитация — это искусство творческого осознания происходящего в настоящий момент [11, с. 119].

Т. Тулку определяет медитативное состояние как промежуток между словесно оформленными мыслями, когда прежняя мысль ушла, а новая мысль еще не овладела сознанием. В тот момент, когда у сознания «нет

слов», глубинные, подсознательные образы становятся доступными для осознания, человек становится открытым для восприятия своего внутреннего опыта [10, с. 234—235]. Отвлечение от суетного и повседневного в процессе медитации приводит к налаживанию диалога между сознанием и подсознанием. На поверхность сознания всплывают подавленные переживания, называемые К.-Г. Юнгом «явлением теней». Таким образом, подсознание доносит свои сигналы о наличии внутренней проблемы, игнорируемой долгое время и требующей своего решения. Через переживания подсознание дает разрядку накопленным до конца непрочувствованным в повседневной жизни эмоциям и способствует преодолению их влияния на психику человека. Постепенно человек приходит к спокойствию и равновесию. Только в таком состоянии подсознание может подсказать способы выхода из сложившейся затруднительной ситуации, поскольку ум находится в покое и безмолвии, следовательно, полностью открыт реальности [10, с. 236].

Э. Фромм считает, что осознание в этом контексте означает преодоление, вытеснение и отчуждение от самого себя и от другого. Человек освобождается от иллюзий восприятия, осознает то, что раньше не осознавалось, в нем происходит внутренняя революция [14, с. 65]. Когда это игнорируется, действительность воспринимается только в мысли, в этом случае человек не может прочувствовать и осознать полноту глубинных и непосредственных переживаний, поэтому отрывается от реальности. Пребывание в прямом единстве с миром позволяет «осознать внутренние переживания и внешний мир в их полной глубине и незамутненности» [14, с. 66]. Преодолению разобщенности мышления и бытия препятствует интеллектуальная рефлексия, которая обуславливает стремление держаться за свое Эго, превозносить его и питает иллюзию о неразрушимом и обособленном «Я». Преодоление данного противоречия происходит с помощью интуиции. Судзуки отмечает, что интуиция позволяет «прямо войти в объект и увидеть его таковым, каков он есть изнутри». Развитие интуитивных способностей осуществляется с помощью медитации «випассана», которая приемлема для приверженцев разных буддийских течений.

Таким образом, интуиция рассматривается в восточной философии как творческий способ видения реальности, благодаря которому человек становится «художником жизни», у которого каждый поступок есть

выражение живой индивидуальности [14, с. 68—69]. Ему неведомы условности и конформизм, каждое его проявление преисполнено творчества и оригинальности. Его существование наполнено, в нем нет места эгоизму и сковывающим чувствам страха, тревоги. Следовательно, главным качеством личности становится открытость для постоянной трансформации. Не случайно адепты даосизма отмечают, что человек становится таким, каким его творит непрерывный процесс перемен [8, с. 267].

Помимо медитативных техник развитию интуиции способствует дзэн-буддистская техника коанов, которая также может быть рассмотрена в качестве одного из способов преодоления разобщенности мышления и бытия. Коаны — парадоксальные задачи, суть которых заключается в том, чтобы поставить человека перед парадоксом, разрешить который невозможно с помощью логических процедур. Коаны являются инструментами достижения интуитивного видения реальности, возникающего, как только человек отказывается от привычных логических схем рассудка. Данная методика, по сути, демонстрирует «неспособность восприятия истинной сути вещей только посредством деятельности рассудка» [11, с. 332—333]. Коаны вызывают напряженное состояние сознания, поскольку ставят человека в психологический тупик, из которого можно выйти только в том случае, если индивид освободится от помех «разобщающего» интеллекта.

Таким образом, коан не позволяет искать спасение в умствовании, поскольку ум часто создает препятствия, мешающие совершить скачок от мысли к переживанию и действию. Э. Фромм отмечает, что решение коана несколько напоминает работу психоналитика, который, чтобы не позволить пациенту прийти к заблуждениям, устраняет все рациональные объяснения, интерпретации, скрывающие подлинные переживания за концептуальными ширмами. Все рациональные подпорки, на которых держится иллюзорная картина мира, должны быть разрушены, чтобы индивид был не в силах уклониться от осознания ранее неосознанного, от переживаний связи с реальностью [14, с. 61—62]. Вот пример наиболее известных коанов: «Все вещи возвращаются к Единому. К чему же тогда возвращается Единое?»; «Как показать видимое невидимого? Как сказать слова несказанные?»; «Что есть ничто?»; «Как звучит хлопок одной ладони?» [5, с. 262]. Решение коанов напоминает также метод свободных ассоциаций З. Фрейда,

направленный на осознание бессознательных сил внутри человека, с помощью которого психоанализу удалось преодолеть конвенциональный рационалистический характер мышления и двигаться в том же направлении, что мыслители Востока [14, с. 17].

В восточных практиках растворение «Я» связано с переживанием «просветления» (бодхи в буддизме, сатори в дзэн-буддизме). Как правило, это состояние характеризуется как глубокое удовлетворение и радость. Человек открывается миру, он ощущает себя полностью погруженным в реальность, причем осознание этой погруженности происходит непосредственно, интуитивно. Как пишет Э. Фромм, «просветление» означает «полное пробуждение» всей личности навстречу действительности» [14, с. 50—51]. На языке психологии это состояние можно выразить понятием «продуктивная ориентация» — творческое, активное отношение к миру [14, с. 52]. Исследователь буддистской доктрины «просветления» Н. В. Абаев отмечает, что именно из-за дискурсивно-логического мышления, основанного на различении, вербализации и концептуализации явлений действительности, которые на самом деле свободны от всего этого, обыденное сознание считается «омраченным». Обыденное сознание не может видеть мир таким, каков он есть, так как расчленяет его на отдельные элементы, находящиеся в оппозиции друг к другу. Оно не способно переживать контакт с реальностью во всей его целостности, так как мир разобщен субъектно-объектной оппозицией [10, с. 114—115].

Заключение

Разобщенность мышления и бытия является неестественным, а потому психологически травмирующим состоянием сознания. Ему можно противопоставить «врожденное» интуитивное мышление, присутствующее каждому человеку. Преодолеть разобщенность мышления и бытия человеку мешает эгоизм, который является прямым следствием гипертрофированного самосознания. Вместо того чтобы стать участником жизненного процесса, человек спешит его концептуально осмыслить. Он стремится занять устойчивую позицию в отношении к реальности и дать ей оценку. Такой способ восприятия мира приводит к потере ощущения связи с реальностью, человек теряется в хаосе собственных мыслей и чувств [4, с. 129]. Данный способ восприятия мира формирует косность мышления, не позволя-

ет расширить границы сознания и увидеть мир таким, каков он есть, во всей его полноте, целостности, единстве. В этих условиях экзистенция становится зависимой и закрепленной, она не получает выхода, зажатая в тиски той или иной модели интерпретации мира [3, с. 244—245]. Экзистенциальная открытость — это способность индивида объективно и правдиво воспринимать, осознавать и интерпретировать реальные события и свои собственные переживания. Объективное осознание возможно только тогда, когда индивид освободится от стереотипов, шаблонных схем, преодолеет разобщенность бытия и мышления. Принятие жизни выражается в готовности реализовывать множество возможностей, которые жизнь открывает перед ним.

1. Абросимова Е. А. Уязвимость экзистенциальной психологии. URL: <http://hpsy.ru/public/x016.htm> (дата обращения: 23.06.2018).

2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с.

3. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М. : КСП+ : Ювента, 1999. 300 с.

4. Богданова В. О. Практика феноменологической редукции в философском осмыслении сознания: компаративистский подход // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 128—133.

5. Кацуки С. Практика Дзэн. Бишкек : Одиссей, 1993. С. 660—668.

6. Кьеркегор С. Заключение к «Философским крохам» (Мимически-патетически-диалектическая компиляция. Экзистенциальный вклад Иоханнеса Климакуса). СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2005. 680 с.

7. Летуновский В. В. Свет бытия. К 100-летию со дня рождения Медарда Босса // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 148—157.

8. Любченко В. С. Знание в контексте практик. Ростов н/Д. : Пегаз, 1998. 223 с.

9. Роджерс К. Хорошая жизнь глазами психотерапевта. Полноценно функционирующий человек // Взгляд на психотерапию. Становление человека. Ч. IV. Гл. 9. М. : Прогресс, 1994, 256 с. URL: <http://psylib.org.ua/books/roger01/> (дата обращения: 23.06.2018).

10. Сандомирский М. Е. Защита от стресса: физиологически-ориентированный подход к решению психологических проблем (метод РЕТРИ). М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. 336 с.

11. Томпсон М. Восточная философия. М. : Фаир-Пресс, 2000. 384 с.

12. Файнфельд И. А. Трансформация сознания в дзэн-буддизме // Вестник ДВГСА. Гуманитарные науки. 2010. № 1/1 (4). С. 95—113.

13. Фромм Э. Искусство любить. М. : АСТ, 2010. 223 с.

14. Фромм Э. Психоанализ и дзэн-буддизм // Что такое дзэн? (паломничество в страну Востока). Львов : Инициатива ; Киев : Airland. 1994. С. 11—77.

15. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М. : Класс, 1999. 576 с.

16. Bandler R., Grinder J. Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson M.D. Vol. I. Cupertino, 1975. 121 p.

17. Boss M. "Daseinanalysis" and psychotherapy. Psychoanalysis and Existential Philosophy. New York : E.P. Dutton C°, 1962, pp. 81—89.

References

1. Abrosimova Ye.A. Uyazvimost' ehkzistencial'noj psihologii. Available at: <http://hpsy.ru/public/x016.htm>, accessed 23.06.2018 [in Rus].

2. Berdyaev N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo duha*. Moscow, Respublika, 480 p. [in Rus].

3. Binsvanger L. (1999) *Bytie-v-mire*. Moscow, KSP+, Yuventa, 300 p. [in Rus].

4. Bogdanova V.O. (2017) *Socium i Vlast'*, no. 5 (67), pp. 128-133 [in Rus].

5. Kacuki S. (1993) *Dzehn-Buddizm*. Bishkek, Odissej, pp. 660—668 [in Rus].

6. K'erkegor S. (2005) *Zaklyuchitel'noe ne-nauchnoe posleslovie k «Filosofskim kroham»*

(Mimicheski-pateticheski-dialekticheskaya kompilyaciya. Ekzistencial'nyj vklad Iohannesa Klimakusa). St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 680 p. [in Rus].

7. Letunovskij V.V. (2005) *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal*, no. 1, pp. 148—157 [in Rus].

8. Lyubchenko V.S. (1998) *Znanie v kontekste praktik*. Rostov-na-Donu, Pegas, 223 p. [in Rus].

9. Rodzhers K. (1994) *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka*. Ch. IV. Gl. 9. Moscow, Progress, 256 p. Available at: <http://psylib.org.ua/books/roger01>, accessed 23.06.2018 [in Rus].

10. Sandomirskij M.E. (2001) *Zashchita ot stressa: Fiziologicheskii-orientirovannyj podhod k resheniyu psihologicheskikh problem (Metod RETRI)*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Psihoterapii, 336 p. [in Rus].

11. Tompson M. (2000) *Vostochnaya filosofiya*. Moscow, Fair-Press, 384 p. [in Rus].

12. Fajnfel'd I.A. (2010) *Gumanitarnye nauki*, no. 1/1 (4), pp. 95—113 [in Rus].

13. Fromm E. (2010) *Iskusstvo lyubit'*. Moscow, AST, 223 p. [in Rus].

14. Fromm E. (1994) *Psihoanaliz i dzehn-buddizm // Chto takoe dzehn? (Palomnichestvo v stranu Vostoka)*. L'vov, Iniciativa, Kiev, Airland, pp. 11—77 [in Rus].

15. Yalom I. (1999) *Ekzistencial'naya psihoterapiya*. Moscow, Klass, 576 p. [in Rus].

16. Bandler R., Grinder J. (1975) *Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson M.D. Vol. I. Cupertino*, 121 p. [in Eng].

17. Boss M. (1962) "Daseinanalysis" and psychotherapy. Psychoanalysis and Existential Philosophy. New York, E.P.Dutton C°, pp. 81—89 [in Eng].

For citing: Bogdanova V.O.
Philosophical practices of acquiring
existential openness:
comparative analysis of eastern
and western methods //
Socium i vlast'. 2018. № 4 (72). P. 100—109.

UDC 130.121

PHILOSOPHICAL PRACTICES OF ACQUIRING EXISTENTIAL OPENNESS: COMPARATIVE ANALYSIS OF EASTERN AND WESTERN METHODS

Veronika O. Bogdanova,
South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand.Sc. (Philosophy).
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: verovictory@mail.ru

Annotation

The subject matter of the research is philosophical practices of existential openness helping to form trust for life which is necessary for full development of the personality. Loss of trust to life prevents a person from self-enrichment, narrows his life activity spheres, and disconnects his existence and thinking. Existential openness is an ability of a person to perceive, realize and interpret real events and personal concerns objectively and truthfully. Objective realizing is possible only when a person is free from stereotypes, stereotyped schemes, when a person overcomes disconnection between his existence and thinking. Acceptance of life is expressed in willingness to realize multitude of possibilities which are open in front of a person.

The research is done on the basis of comparative analysis of eastern and western methods such as contemplative practices of Daoism, Buddhism and Zen Buddhism compared with the methods of existential philosophy, phenomenology and humanistic psychology. Contemplative practices encourage realizing openness, acceptance of the world and one's existence in it. These practices help a person to overcome rational fragmentation of the world. Existential approach makes it possible to define the deep problems of individual existence connected with the awareness of unsupported thinking in the situation of life choice. Phenomenological approach contributes to finding out speculative, verbal and behavior stereotypes of the life world which do not make it possible for the phenomena to speak for themselves, on the assumption of their own unique importance. The root of the problem, as the author sees it, is in separateness of thinking and existence which is defined as a psychological disease of modern civilization, the main symptom of which is the desire to set up in the world, the desire to dominate over nature, other people and oneself. Human conscience is enslaved by disfigured idea of proper, often presupposing a set of social and cultural stereotypes of this or that historic period, but not philosophical desire to be authentic, open to the truth. The author describes philosophical practices which help to overcome separateness of thinking and existence being a barrier for objective and truthful perception of reality.

Key concepts:
existentialism,
phenomenology,
existential openness,
philosophical practices,
conscienceness.

Для цитирования: Кленовская В. А.
Медиапоэзия как практика самопознания // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 110—117.

УДК 004.738.5 +101.9

МЕДИАПОЭЗИЯ КАК ПРАКТИКА САМОПОЗНАНИЯ

Кленовская Василиса Александровна,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
ассистент преподавателя кафедры философии,
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.
E-mail: vasilisa-pogorelaja@yandex.ru

Аннотация

Проблемой исследования является комплекс вопросов, связанных с культурно-историческими, пространственно-временными аспектами возникновения и распространения такого нового направления современного искусства, как медиапоэзия, где соединяются технологии и слово.

Актуальность исследования обусловлена тем, что медиапоэзия как феномен в современной культуре играет важную роль в формировании целостной личности как автора, так и читателя. Необходимость поиска подлинности экзистенциальных оснований субъекта медиапоэзии в новых условиях интернет-пространства является социальным запросом самой современности, поскольку огромный пласт современного искусства обретает материальную форму с помощью использования различных медиатехнологий, переосмысляя обычный текст. Исследование посвящено обобщению анализа современного медиапоэтического эмпирического материала, выявлению и концептуализации модуса подлинности/аутентичности субъекта в поэтическом феномене его творческого самопознания, а также его проблематизации в репрезентации медиапоэзии и в медиаэффектах.

Ключевые понятия:
медиапоэзия,
арт-практики,
самотрансформация,
интернет-пространство,
медиаэффекты,
самопознание,
самоидентификация,
целостность.

Современная реальность предстает перед нами в новых форматах искусства. Рассмотрим это явление с позиции онтологии, пространственно-временных характеристик. Языковые изменения и их восприятие тесно связаны с пространственно-временными представлениями, поскольку современные цифровые, программные, экранные технологии и Интернет раздвигают рамки привычного использования и восприятия текста, расширяют спектр возможностей для передачи сообщения в самом широком смысле слова, создают многомерные пространства, в которых возможно новое прочтение, новое «проговаривание» и восприятие слова.

Пространство из реального расширяется до виртуального, происходит исчезновение границ между средствами передвижения и средствами связи, существует легкость и доступность в получении информации благодаря наличию таких доступных источников, как Интернет, справочные, телевизионные информационные передачи и др. Таким образом, восприятие и обработка данных происходит сразу из нескольких информационных потоков. Современные технологии создают возможность легко и быстро попасть в любую точку мира (как реальную, так и виртуальную), поэтому у современных людей отсутствует ощущение границ и страх перед ними. Благодаря техническому прогрессу человек может пересекать огромные расстояния за считанные часы, аналогичная ситуация происходит с коммуникацией: общение перестает быть привязанным к местоположению собеседников, интернет-технологии делают коммуникацию трансграничной. С точки зрения социальной психологии современные технологии и новые виды интернет-коммуникации оказывают непосредственное влияние на процесс познания. Самопознание из интимного процесса превращается в публичный перформанс, что дает возможность благодаря сети Интернет быть причастным к нему тысячам людей из разных уголков Земли. Данный процесс представлен новыми формами познавательных практик, которые предоставляют свободу высказывания вне зависимости от идеологических и технических «клише», свободу поэтической индивидуальности во времени и пространстве современного словаря. Процесс познания в медиасреде дает понимание того, что человек не один, так как аудитория присутствует всегда за счет интернет-пространства,

что дает выход и реализацию творчества в некой «материальной» сфере, следовательно, в новых направлениях творчества происходит преобразование и истолкование мира за счет создания новых форм искусства, образов и персонажей.

Хотелось бы отметить, что в связи с тем, что происходит исчезновение пространственно-временных границ, также исчезает граница и тайны слова. «Все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает его ежечасно в мгновение ока. Созревание и цветение растений, сокровенно совершавшиеся на протяжении времен года, киноплёнка демонстрирует теперь публично за минуту... Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время. Он оставляет позади величайшие расстояния и ставит все тем самым на минимальном отстоянии от себя. Но спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. Малое отстояние — еще не близость. Большое расстояние — еще не даль» [19, с. 316]. Возникает эффект чрезмерного приближения любых объектов действительности (гиперреальность), теряется смысл живого, сложного, тайного, исчезает и тайна слова, ибо слово обесценивается благодаря доступности. «Мы бесконечно приближаемся к поверхности экрана, наши глаза словно растворяются в изображении. Нет больше той дистанции, которая отделяет зрителя от сцены, нет сценической условности. И то, что мы так легко попадаем в эту воображаемую кому экрана, происходит потому, что он рисует перед нами вечную пустоту, которую мы стремимся заполнить. Близость изображений, скученность изображений, осязаемая порнография изображений... Но на самом деле они находятся на расстоянии многих световых лет. Это всегда лишь телеизображения. То особое расстояние, на которое они удалены, можно определить, как непреодолимое для человеческого тела. Языковая дистанция, отделяющая от сцены или зеркала, преодолима и потому человечна. Экран же виртуален и непреодолим» [3, с. 81].

На сегодняшний день для читателя теряется связь с тайной слова, так как про-

изведения становятся широкодоступны и, более того, доступной оказывается любая информация о самом произведении и о биографии автора, что создает условия отсутствия смысла. Таким образом, всеобщая доступность становится одной из причин потери связи с тайной произведения, а «тайна — первопричина лирической поэзии» [9, с. 7]. Тайна слова — это именно то, что создает пространство смыслов для читателя, пространство, в котором читатель занят поиском сущности и неравнодушен к трансцендентному. Ее исчезновение происходит благодаря избыточному потреблению информации, которая отсылает не к реальным вещам, а к знакам и образам, образы создают измененную реальность, тем самым дистанцируют людей от реального мира. «В пространстве коммуникаций слова, жесты, взгляды находятся в бесконечной близости, но никогда не соприкасаются. Поскольку ни удаленность, ни близость не проявляются телом по отношению к тому, что его окружает, и экран с изображениями, и интерактивный экран, и телематический экран — все они расположены слишком близко и в то же время слишком удалены: они слишком близко, чтобы быть настоящими, ибо не обладают драматической напряженностью сцены, и слишком далеко, чтобы быть вымышленными, ибо не обладают свойствами, граничащими с искусственностью. Они создают, таким образом, некое измерение, не являющееся человеческим, измерение эксцентрическое, которому соответствуют деполяризация пространства и неразличимость очертаний тела» [3, с. 81—82].

Также исчезновение тайны наблюдается в том, что современные тексты становятся автобиографичными, «я» буквально выставляется на экзистенциальный холод виртуального пространства, заявляя о своем существовании. Кандидат философских наук Алексей Соловьев и психотерапевт Надежда Любимова в цикле бесед «Практики себя: история и современность. Цикл встреч» определяют экзистенциальный холод следующим образом: «Особое состояние потерянности и дезориентации современного человека, которому страшно встретиться с внутренней тайной и принять жизнь в условиях “текучей современности” с ее тотальной неопределенностью и рухнувшими традиционными ценностями». Безусловно, это связано с тем, что огромное количество

ежедневного потока информации не дает современному автору глубоко отрефлексировать и осознать себя. Тем самым автор оказывается в ситуации быстрой фиксации мыслей и состояний в любом из форматов медиареальности: тексте, фотографии, звуковом сообщении. Одной из причин данного выбора является то, что интернет-пространство предоставляет возможность сохранять и передавать информацию за считанные секунды, возможно, при этом исключая внутреннюю рефлексию и трансформацию. Другая же причина состоит в том, что виртуальное пространство требует ежедневного присутствия в виде информации об одном из или нескольких образов «я» на страницах социальных сетей. Любая информация пользователя, отраженная на интернет-платформе, сообщает о каких-либо событиях, существующих в действительности, если какое-либо событие не было отражено в социальных сетях, следовательно, его можно считать не существующим. Таков коммуникационный символ индивида, соответствующий сегодняшнему дню. В связи с этим современный человек вынужден «разрываться» между двумя пространствами: виртуальным и реальным, в итоге подлинно (всцело) не присутствуя ни в одном. Более того, виртуальное пространство исключает тайну, как слова, так и вещи, за счет того, что любая вещь в рамках виртуального пространства становится знаком, который лишен тех характеристик, которыми наделена вещь в реальном пространстве. Аналогично происходит со словом, язык виртуализируется, поскольку виртуальными становятся вещи. Именно язык выступает тем, что проявляет сущность любой вещи, храня в себе тайный смысл предметов. Об этом говорит в своих работах «Вещь» и «Исток художественного творения» М. Хайдеггер: «Лишь имеющееся в распоряжении слово наделяет вещь бытием». Бытие вещи обнаруживается, является для нас, когда произносится соответствующее слово. Таким образом, слово «являет» вещь, делает ее объектом нашего мышления» [19, с. 319].

Сегодня человек нуждается в постоянной трансляции своего «я» через любую знаковую систему, ибо как другие люди смогут узнать, что «я» существует?! «Человек находится в распоряжении языка. Язык использует человека, заставляет его «говорить на нем»» [19, с. 262]. Таким образом, человек всегда может заявить о своем бытии через язык, но язык на сегодняшний

день переходит во власть виртуального пространства. Из этого следует, что в современном мире возникает необходимость в том, чтобы постоянно заявлять о своем существовании, при этом декартовское «я мыслю, следовательно, существую» здесь не действует, так как не хватает времени на мыслительный процесс, место мысли занимает процесс трансляции своего «я» виртуальному миру. Что если веб-страниц у пользователя несколько? Исходя из этого, формула русского поэта XX в. И. А. Бродского: «лучше, чтобы это осталось у тебя на сетчатке глаза, нежели на пленке» [21, с. 20] также не действует. Современный человек самораскрывается в виртуальном пространстве на сегодня следующим образом: репрезентирую себя, следовательно, существую.

В результате информационного цунами современный человек оказывается выброшен в бесконечный поток новой и новой информации, в котором уже сложно осознать свою идентичность; исходя из этого, возникает потребность в поиске аутентичности и внутренней глубины. В рамках ответа на этот запрос появляются такие направления, как арт-практика и арт-терапия. Они включают несколько видов различных актуальных практик: арт-терапия (рисунок, живопись, бодиарт и др.); музыкотерапия; библиотерапия (самовыражение через писание); драматерапия; куклотерапия; паркотерапия; игротерапия и т. д. Каждый вид направлен на достижение гармоничного, целостного и устойчивого существования в процессе непрерывного становления личности.

В рамках данной темы рассмотрим один из видов арт-практик — библиотерапию (поэзиятерапия) или медиapoэзию как новый формат современного поэтического искусства.

В первую очередь необходимо прояснить, что такое медиapoэзия и что включает в себя это понятие. Медиapoэзия — это новый формат современной поэзии, распространенный в основном в интернет-пространстве, но постепенно выходящий за пределы Интернета, на сегодняшний день этот жанр приобретает все большую популярность. Медиapoэзия содержит в себе новые формы поэзии, а именно такие медиapoэтические эффекты, как звуковая/музыкальная, визуальная и видеонаполненность текста. Эти выразительные средства оказывают существенное влияние, как на процесс самовыражения,

так и на процесс самопознания, который происходит как у автора, так и у читателя (в данном случае, слушателя).

Поскольку поэзия переходит в формат медиа, как и многие другие виды искусства, она существует в рамках правил медиареальности. Неотъемлемыми характеристиками, которой являются наполненность и избыточность, и поэтому поэзия переходит в формат шоу, в котором медиапоэт предстает перед читателем/слушателем сразу в нескольких актах: прочтение текста автором; аудио- и видеосопровождение текста.

Все эти три действия являются видами медиакommunikации. Они заполняют собой пустоты пространства текста, изменяя процесс самопознания и самоидентификации автора и читателя, а также и подлинность самой медиапоэзии. Таким образом, целостность пространства задается путем достраивания до целостного с помощью медиэфектов способом конструирования идентичности.

Влияние аудиопрочтения текста на читателя / слушателя весьма значительно. Аудиоформат поэзии и в целом литературы за последние 10 лет пользуется огромной популярностью. Во-первых, аудиоформат используется для прослушивания книг в свободное и удобное время. Однако, и это самое главное, прослушивание аудиотекста осуществляется наряду с выполнением еще множества дел одновременно. Возникает вопрос: насколько читатель, а в данном случае слушатель осознает смысл услышанного; есть ли место для подлинности как процесса в двух, трех и более одновременно выполняемых задачах; и самое главное, остается ли пространство для собственного видения произведения, способствующего процессу самотрансформации, что и является одной из главных задач литературы и поэзии, и искусства в целом?

На сегодняшний день в режиме многозадачности находится любой современный индивид. Безусловно, такие условия имеют как плюсы, так и минусы, к минусам можно отнести отсутствие прежней глубины и рефлексии творческого процесса, к плюсам — создание многоликости и «многоязыковости» искусства. Создавать язык — значит в первую очередь создавать новую реальность, в которой остро нуждается молодое поколение. Современные поэты создают многообразную жизнь с новыми ритмами и смыслами, они пыта-

ются переписать и создать новую действительность.

Выделяются и некоторые недостатки современного формата поэзии: медиапоэзия лишает читателя / слушателя возможности собственного прочтения текста. Это происходит в связи с тем, что устное обращение располагает к доверию по нескольким причинам: во-первых, текст звучит от самого автора, а во-вторых, поскольку текст произносит сам автор, он априори расставляет «правильные» интонационные акценты, что включает в себя и расшифровку текста. По этой причине читатель может утратить собственное видение произведения; лишить себя самопостижения и самотрансформации; также происходит потеря читателем собственного внутреннего голоса, так как его внутренний голос, его собственное видение и слышание вытесняется перформансом, следовательно, вытесняется и самоидентификация; читатель всецело присутствует вовне. Поскольку читателю дан голос и образ произведения, ему остается только соответствовать уже имеющейся заданности. Это в существенной мере лишает читателя права интерпретации, у автора отнимает неповторимость и уникальность голоса, поскольку интренет-пространство создает бесконечное количество копий творчества. «Нет больше ни действия, ни события, которые не преломлялись бы в техническом изображении или на экране, ни одного действия, которое не испытывало бы желания быть сфотографированным, заснятым на пленку, записанным на магнитофон, которое не стремилось бы слиться с этой памятью и приобрести внутри нее неисчерпаемую способность к воспроизводству» [3, с. 84].

Таким образом, читатель или будущий автор лишается того, ради чего он обращался к творчеству:

- поиска себя, своей подлинности;
- способа заявить о своем особом представлении мира;
- практики самопознания и самотрансформации в процессе написания и прочтения;
- поиска ответов на вопросы и решения внутренних проблем с помощью выражения своих чувств, эмоций, переживаний (как раз стихотворение в своей лаконичности, сложности, формализованности ритма и рифмы усиливает имеющиеся эмоции и чувства, делает их острее)

и ярче, что позволяет увидеть и осознать проблему наиболее полно и глубоко).

Но можем ли мы говорить об упрощении поэзии, если медиапоэзия — это текст, усложненный аудио- и видеоформатами?

Сегодня существует множество сообществ «медиапоэтов»: проза.ру, стихи.ру, «ТЕРМИТник поэзии», паблики и группы ВКонтакте, где публикуются современные поэты, их количество и количество их творчества невозможно отследить. Поэзия на сегодня является способом заявления о себе информации с помощью интернет-пространства.

На данный момент существуют поэты, которые вышли за пределы интернет-пространства и не являются только лишь виртуальными поэтами: Андрей Родионов, Федор Сваровский, Елена Фанайлова, Линор Горалик, Дмитрий Быков, Дмитрий Воденников, Яшка Казанова, Вера Полозкова, Кот Басё, Ах Астахова и другие. Их творчество представляет образец, стиль и ориентир для современного поколения, это следует из того, что сборники их стихов выходят в десятитысячном количестве экземпляров, на концертах собираются залы в две тысячи человек, количество подписчиков в социальных сетях превышает 15 000 человек. Поэтому так важно обратиться к их творчеству. Следует отметить важную особенность: данные поэты выросли на стихах И. Бродского, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, С. Есенина, Б. Ахмадулиной, В. Высоцкого и др., где тексты не были снабжены медиаэффектами и представляли собой филигранную шифровку смыслов, к которым читатель мог прийти самостоятельно без прямого указания с помощью средств медиа. Таким образом, изначальной авторской задумки текста невозможно достигнуть. Читатель буквально вынужден был «распаковывать» все смыслы по-новому, индивидуально, переживая опыт духовной трансформации, открывая текст каждый раз заново, опираясь только на свой внутренний опыт. Исходя из этого, поэзия представляла сложный и многогранный процесс: «Слой за слоем прорываешься к изначальному переживанию автора, в итоге находишь сотню собственных переживаний, а до первой живой клетки, из которой образовалась жемчужина, так и не приходишь. И нужно ли добираться до первоначального автобиографического переживания, разбивая раковину, что-

бы получить уже мертвую первоклетку?!» [6, с. 190].

Безусловно, ритмы современной реальности стремительны, вследствие чего в данной действительности существует возможность молниеносно переключаться на что-либо аналогично сенсорному устройству экрана телефона. Исходя из этого, упрощается и сама поэзия, упрощаются ритм, рифма, слово, доступность изначального смысла текста, но вместе с тем упрощается и бытие человека. Отчасти бытие современного человека напоминает процесс сенсорного google-поиска. Упрощение, конечно, касается не только поэзии, а культуры в целом (от литературы до стиля в одежде): упрощается слово, ритм, рифма, синтаксис, грамматика. Современная культура предоставляет замену недостатка вымысла, воображения изощренной техникой. «Художник не занят более поиском сущности явлений, он равнодушен к трансцендентному и находит источник вдохновения в банальности и функциональности окружающих его повседневных вещей и явлений» [1, с. 105]. Безусловно, процесс упрощения помогает справиться с быстрыми ритмами жизни, а доступность слова помогает соотнести себя с одной из традиций и создать новую, но не следует забывать, что сужение языковых и культурных границ ведет к сужению границ собственного бытия человека.

Также изменения поэтического текста на сегодня объяснимы тем, что одной из особенностью самопознания для современного автора и читателя является то, что автор/читатель в современных условиях в первую очередь стремится отыскать достоверность и понимание собственного «я», так как в условиях информационного века произошла его потеря в связи с многомерностью и фрагментированностью условий бытия. В подлинной поэзии как в «первоязыке» структуры мира присутствуют в ритме и рифме, в слове — это целостность бытия, не существует отдельного «я», нет автора, мир сливается с автором. Медиапространство из небытия выстраивает пространство «эго», которое лишено этих качеств и расположено к подражанию подлинности. Вследствие этого необходимыми оказываются арт-практики, которые способны реализовать свой катарсический потенциал на формирование сознания «человека целостного».

Является медиапоэзия «первоязыком», и если является, то в чем состоит ее подлинность для автора и для самого творчества? Сохраняются процессы самоидентификации, самотрансформации и аутентичности автора в перформансах медиапоэзии? Возможно, в реалиях современного мира зарождаются новые виды творчества, появляется новая глубина, осуществляется принципиально иной поиск подлинности. Поскольку важной особенностью медиапоэзии является также языковой автоматизм («автоматизм обычно определяется как действия, совершаемые без участия сознания» [10, с. 118]), с помощью которого происходит отражение текущих событий в мире, самопознание окружающей действительности позволяет истолковать это в смыслах, сообразных с природой, гармонизировать и создать через слово новую действительность. Безусловно, судя по огромному интересу, возросшему к поэтическому слову, поэзия переживает ренессанс, происходит разветвление стилей, мировоззрения, разнообразие техники, наличие серьезных экспериментальных опытов и воскрешение традиций. Итак, медиапоэзия — это новый вид современного искусства, сочетающий в себе поэтический текст и медиатехнологии, благодаря которым поэзия обретает материальную форму. Важными аспектами идентификации медиапоэзии являются изменения и расширения привычных рамок использования и восприятия текста, многомерность пространства, многоликость творческого процесса, образность и виртуализация языка. Процесс самопознания в рамках медиапоэзии позволяет индивиду конструировать новую реальность, используя медиаэффекты и многообразные словесные формулы, также медиапоэзия определяет преемственность духа поэзии, соотнося индивида с одной из традиций слова.

1. Ажимова Л. В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления. Владивосток : Дальневосточ. федер. ун-т, 2012. С. 101—110.

2. Антонов К. А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования:

монография. Кемерово : Фирма Полиграф, 2006. 282 с.

3. Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Ж. Бодрийяр. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. 258 с.

4. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 2.

5. Вдовик М. Что такое видеопоэзия? URL: <http://videopojezija.ru/stat/chto-takoe-videopoeziya-2> (дата обращения: 17.07.2018).

6. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М. : Просвещение, 1968. 302 с.

7. Давыдов Д. Видеопоэзия как феномен и как разнообразие практик. URL: <http://videopojezija.ru/stat/videopoeziya-kak-fenomen> (дата обращения: 01.05.2018).

8. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. С. 90—91.

9. Казарин Ю. В. Поэзия и литература: книга о поэзии. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2017. 178 с.

10. Коновалова Н. И. Языковой автоматизм в ассоциативно-вербальной сети как «след» креативных мнемотехник // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2016. С. 118—128.

11. Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Созвездие Горгоны (эссе об эффектах медиа) : монография. СПб. : Алетейя, 2012. 328 с.

12. Костюков Л. Поэтический клип как явление литературы. URL: <http://videopojezija.ru/stat/leonid-kostyukov-poeticheskij-klip-kak-yavlenie-literaturyi> (дата обращения: 12.03.2018).

13. Медиафилософия. Основные проблемы и понятия : материалы междунар. конф. URL: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/2974-mediafilosofija-osnovnye-problemy-i.html (дата обращения: 17.07.2018).

14. Нургалева Л. В. Проблемы изучения виртуальных сообществ. URL: <http://ido.tsu.ru/bank.php?course=265> (дата обращения: 18.07.2018).

15. Нургалева Л. В. Статус медийной реальности в опыте конструирования человека // Конструирование человека : сб. тр. III Всерос. науч. конф. с международ

участием, (г. Томск, 5—8 июня 2009 г.). Томск : Изд-во ТГПУ, 2009. С. 191—196.

16. Нургалева Л. В. Нестрогие коммуникационные альянсы. Проблемы и особенности взаимодействия сетевых сообществ // Гуманитарная информатика : сб. ст. Вып. 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 28—36.

17. Нургалева Л. В. Художественный текст как объект постгерменевтического исследования в современной исследовательской практике // Художественная культура: теория, история, критика, методика преподавания, творческая практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, Красноярский государственный университет, 16—17 апреля 2004 г.). Красноярск : Изд-во КГУ, 2004. С. 96—97.

18. Иваненко Е. А., Савенкова Е. А. Сообщество полиса и медиа-сообщество, или найдите десять отличий между комической маской и смайликом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Философия. Филология. 2010. № 2.

19. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Респубика, 1993. 447 с.

20. Хорольский В. Медийность как категория науки о масс-медиа: терминологические разъяснения // Новое в массовой коммуникации. 2013. № 2. С. 48—54. URL: http://jour.vsu.ru/edition/journals/accents/2013/accents_1-2_2013.pdf (дата обращения: 17.07.2018).

21. Якович Е. Прогулки с Бродским и так далее. М. : АСТ, 2017. 256 с.

References

1. Azhimova L.V. (2012) Zhan Bodrijjar o fenomene massovyh kommunikacij v obshhestve potreblenija. Vladivostok, Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, pp. 101—110 [in Rus].

2. Antonov K.A. (2006) Televizionnye novosti v massovo-kommunikacionnom processe: sociologicheskij analiz mehanizmov social'no-politicheskogo konstruirovaniya. Kemerovo, Firma Poligraf, 282 p. [in Rus].

3. Bodrijjar Zh. (2000) Kseroks i beskonechnost' // Zh. Bodrijjar. Prozrachnost' zla. Moscow, Dobrosvet, 258 p. [in Rus].

4. Burd'e P. (1998) *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. I, no. 2 [in Rus].

5. Vdovik, M. Chto takoe videopojezija? Available at: [http://videopojezija.ru/stat/chto-](http://videopojezija.ru/stat/chto-takoe-videopoeziya-2)

[takoe-videopoeziya-2](http://videopojezija.ru/stat/chto-takoe-videopoeziya-2), accessed 17.07.2018 [in Rus].

6. Gachev G.D. (1968) *Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form. Jepos. Lirika. Teatr*. Moscow, Prosveshhenie, 302 p. [in Rus].

7. Davydov D. Videopojezija kak fenomen i kak raznoobrazie praktik. Available at: <http://videopojezija.ru/stat/videopoeziya-kak-fenomen>, accessed 01.05.2018 [in Rus].

8. D'jakova Ye.G., Trahtenberg A.D. (1999) *Massovaja kommunikacija i problema konstruirovaniya real'nosti: analiz osnovnyh teoreticheskikh podhodov*. Ekaterinburg, UR O RAN, pp. 90—91 [in Rus].

9. Kazarin Yu. V. (2017) *Pojezija i literatura: kniga o poezii*. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj, 178 p. [in Rus].

10. Konovalova N.I. (2016) *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, pp. 118—128 [in Rus].

11. Koreckaja M.A., Savenkova E.V. (2012) *Sozvezdie Gorgony (jesse ob jeffektah media)*. Monografija. Sankt-Peterburg, Aletejja, 328 p. [in Rus].

12. Kostjukov L. Pojeticheskij klip kak javlenie literatury. Available at: <http://videopojezija.ru/stat/leonid-kostjukov-poeticheskij-klip-kak-yavlenie-literaturyi>, accessed 12.03.2018 [in Rus].

13. Mediafilosofija. Osnovnye problemy i ponjatija. Available at: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/2974-mediafilosofija-osnovnye-problemy-i.html, accessed 17.07.2018 [in Rus].

14. Nurgaleeva L.V. Problemy izuchenija virtual'nyh soobshhestv. Available at: <http://ido.tsu.ru/bank.php?course=265>, accessed 18.07.2018 [in Rus].

15. Nurgaleeva L.V. (2009) *Ctatus medijnoj real'nosti v opyte konstruirovaniya cheloveka // Konstruirovanie cheloveka*. Tomsk, Izd-vo TGPU, pp. 191—196 [in Rus].

16. Nurgaleeva L.V. (2005) *Nestrogie kommunikacionnye al'jansy. Problemy i osobennosti vzaimodejstvija setevykh soobshhestv // Gumanitarnaja informatika*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, iss. 2, pp. 28—36 [in Rus].

17. Nurgaleeva L.V. (2004) *Hudozhestvennyj tekst kak ob'ekt postgermenevticheskogo issledovaniya v sovremennoj issledovatel'skoj praktike // Hudozhestvennaja kul'tura: teorija, istorija, kritika, metodika prepodavaniya, tvorcheskaja praktika*. Krasnojarsk, Izdatel'stvo KGU, pp. 96—97 [in Rus].

18. Ivanenko Ye.A., Savenkova Ye.A. (2010) *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Serija Filosofija. Filologija*, no. 2 [in Rus].

19. Hajdegger M. (1993) *Veshh' // Vremja i bytie*. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].

20. Horol'skij V. (2013) *Novoe v massovoj kommunikacii*, no. 2, pp. 48—54. Available at: http://jour.vsu.ru/edition/journals/accents/2013/accents_1-2_2013.pdf, accessed 17.07.2018 [in Rus].

21. Yakovich Ye. (2017) *Progulki s Brodskim i tak dalee*. Moscow, AST, 256 p. [in Rus].

For citing: Klenovskaya V.A.

Media poetry as a practice of self-understanding // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 110—117.

UDC 004.738.5 +101.9

MEDIA POETRY AS A PRACTICE OF SELF-UNDERSTANDING

Vasilisa A. Klenovskaya,

South Ural State University (National Research University),

Assistant Lecturer of the Department Chair of Philosophy,

The Russian Federation,

454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.

E-mail: vasilisa-pogorelaja@yandex.ru

Annotation

The subject matter of the research is a set of problems connected with cultural and historical, spatiotemporal aspects of the origin and development of such a new trend of art as media poetry where technologies and the word are combined. The topicality of the research is conditioned by the fact that media poetry as a phenomenon in modern culture plays an important role in forming an integral personality of both a writer and a reader. The necessity to search for authenticity of existential grounds of a subject of media poetry in the new context of the Internet environment is a social demand of the modernity as far as a great layer of modern art takes a material shape with the help of using different media technologies, giving a new meaning to a common text. The research is devoted to summarizing the analysis of modern media poetic empiric material, defining the mode of authenticity of a subject in a poetic phenomenon of his creative self-cognition and also problematization in representing media poetry and media effects.

Key concepts:

media poetry,
art practices,
self-transformation,
Internet environment,
media effects,
self-cognition,
self-identification,
integrity.

Для цитирования: Неупокоев И. В. Проблемы преподавания Закона Божия в начальных светских училищах в середине XIX — начале XX веков (на примере Курганского округа Тобольской губернии) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 118—123.

УДК 94(47)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАКОНА БОЖИЯ В НАЧАЛЬНЫХ СВЕТСКИХ УЧИЛИЩАХ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Неупокоев Игорь Валентинович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Курганский филиал, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, Российская Федерация, 640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 147а. E-mail: neupokoev.iv@kurg.ranepa.ru

Аннотация

В статье анализируется процесс осуществления представителями духовенства функции законоучителей в сельских светских училищах. Подчеркивается двойственное отношение священников к преподаванию Закона Божия — обязательного в начальной школе предмета: как добросовестное, так и безразличное. Рассматриваются факты игнорирования обязанностями законоучителя на протяжении всего указанного периода и называются причины этого явления: занятость из-за выполнения духовных треб, большие расстояния между школами, плохие коммуникации, отсутствие материальной мотивации.

Ключевые понятия:
Закон Божий,
законоучитель,
священник,
сельское училище,
духовенство.

Введение

Одна из конституционных основ Российской Федерации — это светский характер государства. Этим принципам, несомненно, отвечает введенный в школьную программу начальной школы предмет «Основы религиозных культур и светской этики». Тем не менее, избежать ассоциаций с преподаванием Закона Божия до 1917 г. все равно не удастся. В последнее время этот вопрос вызвал интерес у таких авторов, как Л. М. Артамонова [2, с. 43—59], О. В. Клецова [7, с. 77—79], Т. А. Становская [15, с. 115—122; 16, с. 203—210; 17, с. 308—312; 18, с. 93—106], Т. М. Афанасова [3, с. 137—144], Е. Е. Титова [20, с. 269—273], М. В. Попов и И. М. Клименко [13, с. 5—12], К. В. Козлов [8, с. 148—154], Е. А. Калинина [6, с. 85—97], Ю. Е. Комлева [9, с. 324—329] и др. По этим причинам указанную в названии статьи проблему, на наш взгляд, можно считать актуальной. В качестве научной задачи автор ставит необходимость проследить специфику преподавания Закона Божия в светских начальных училища Курганского округа Тобольской губернии (в рамках статьи не рассматриваются церковно-приходские школы и школы грамоты в ведении Св. Синода) и выделить отношение к нему субъектов учебного процесса.

Основная часть

С 1850-х гг. в Курганском округе Тобольской губернии функционировали начальные училища министерства государственных имуществ, которые в конце 1880—1890-х гг. были переданы министерству внутренних дел. В число обязательных предметов этих школ входил Закон Божий.

Для этих министерских школ кандидатов в учителя (наставников) из числа священников определял епархиальный архиерей, а назначение осуществляла Тобольская казенная палата. Сразу после открытия школ стали поступать жалобы от крестьян на «нерадивое отношение учителей-священников к своим новым обязанностям», что выражалось либо в неявке, либо в перепоручении проводить занятия другим лицам (малообразованным причетникам, отставным солдатам, ссыльным или лицам, исключенным из гражданской службы за пьянство или безнравственное поведение). По этой причине в конце 1860-х гг. на учительские должности были допущены светские лица, но ведение уроков Закона Божия осталось компетенцией священников.

В курс Закона Божия входили: «Краткий Катехизис, впредь до издания особого для сельских училищ, изъяснения Божественной Литургии и Священная история Ветхого и Нового Завета»¹. Только в 1869-х гг. Св. Синодом была одобрена Программа преподавания За-

¹ ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. И-235. Оп. 1. Д. 267. Л. 2.

кона Божия для училищ министерства государственных имуществ [12]. А далее, в 1881 г. Св. Синод утвердил единую программу по Закону Божию для всех начальных училищ. Программа была разделена на три части. В первый год изучались повседневные молитвы, во второй — рассказы из Священной истории Ветхого и Нового заветов, в третьем — Символ веры и десять заповедей, богослужение, литургия, устройство христианского храма. В пояснительной записке программы подчеркивалась специфичность Закона Божия как предмета и методики его преподавания: «Преподаватель должен главным образом заботиться не о сумме сообщаемых знаний, а о том, чтобы учащийся из каждого его урока вынес мысль, чувство, стремление, способные служить ему семенем жизни нравственно-религиозной»¹.

Ближайший учебный контроль за преподаванием всех предметов, в том числе и Закона Божия, по линии министерства народного просвещения лежал на штатном смотрителе уездного училища, а по линии духовного ведомства — на Тобольской духовной консистории и благочинных. Так, в результатах ревизии штатного смотрителя Курганских училищ за 1872—1873 гг. говорилось: в Падеринском училище местный священник «весьма редко посещает училище и преподавание Закона Божия ведется, по возможности, учителем»; в Арлагульском училище «Закону Божию и молитвам не обучаются»; в Утятском училище «занимается преподаванием Закона Божия сама учительница»; «во всех училищах без исключения преподавание Закона Божия идет крайне неуспешно»². Эта информация подтверждается и по линии духовного ведомства. Так, в 1874 г. Тобольская духовная консистория сообщала благочинным, что «во всех почти училищах преподавание Закона Божия идет крайне безуспешно: многие из священников вовсе не хотят принять на себя обязанность законоучителя или, если и принимают, то не умеют вести дела своего; другие нанимают за себя других лиц, которые вовсе не сведующие»³. Аналогичные сведения поступали от крестьянского самоуправления: например, в ноябре 1876 г. Утятское волостное правление обращалось к священнику с. Шмаковского: «По случаю непреподавания Вами Закона Божия в Шмаковском сельском училище мальчики не могут выдерживать экзамена и получать свидетельство, которое бы давало им право на сокращение службы в действительных войсках, поэтому Утятское волостное правление имеет честь покорнейше просить Ваше Благословение заняться преподаванием Закона Божия»⁴. В марте 1879 г. учительница Сычевского училища сообщила в Тобольскую духовную консисторию, что законоучитель священник Родионов

«преподаванием Закона Божия не занимается уже другой месяц»⁵. На основании полученной из разных источников сведений, можно сделать вывод, что обязанность по преподаванию Закона Божия выполнялась священниками не всегда добросовестно. Кроме того, равнодушное отношение священников к учебному процессу можно увидеть и в следующем примере. Законоучитель Чинеевского училища на вопрос учительницы М. Кочешевой о сроках начала и окончания учебного года ответил, что «для него это безразлично»⁶.

После введения в России всеобщей воинской повинности в 1874 г. законоучителя вошли в состав испытательных комиссий для получения выпускниками свидетельства на льготу по ограничению сроков военной службы. Они должны были присутствовать в определенный день в месте проведения экзамена. В 1878 г. при проведении экзамена для учеников Сычевского училища штатный смотритель Курганских училищ «не застал там законоучителя училища, местного священника Родионова», который уехал в с. Елошанское. Тобольская духовная консистория отметила, что поступок священника Родионова «прямо говорит за крайне небрежное обращение к своим обязанностям по училищу и не исполнение того, насколько должен стараться каждый законоучитель поддерживать кредит сельского училища, но не ронять его»⁷.

Тобольская казенная палата как орган управления министерскими училищами неоднократно просила Тобольскую духовную консисторию повлиять на конкретных священников: «Обязать назначенного к преподаванию Закона Божия в Шмаковском училище священника усилить свои старания к достижению лучших результатов к преподаванию»⁸. Тобольская духовная консистория, в свою очередь, была вынуждена искать способы воздействия на законоучителей: «перемещать в худшие приходы»⁹ или изыскивать меры «к побуждению нерадивых и беспечных законоучителей»¹⁰. В 1878 г. Тобольская духовная консистория в целях «предупреждения частовременных отлучек законоучителей сельских училищ по болезни и исполнению духовных треб» обязала их записывать темы проведенных занятий в классный журнал¹¹.

В 1880-е гг. в число мер воздействия на священников были включены материальные санкции. Например, в июне 1881 г. Тобольская казенная палата сделала распоряжение «об удовлетворении законоучителей сельских училищ жалованьем за время лишь действительных занятий»¹². Тобольская духовная консистория

¹ ГАКО. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 110.

² ГАКО. Ф. И-91. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³ ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 31. Л. 417.

⁴ ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 652.

⁵ ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 26. Л. 541.

⁶ ГАКО. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 20. Л. 36.

⁷ ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 26. Л. 541.

⁸ ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 644.

⁹ ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 31. Л. 417.

¹⁰ ГАКО. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 31. Л. 72.

¹¹ ГАКО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 70. Л. 359.

¹² ГАКО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 8. Л. 140 об.

рия предупредила священников, что «если они и далее небрежно будут относиться к законоучительству, то Епархиальное Начальство будет за то строго судить их, а именно: лишать их жалованья законоучительского, удалять от должностей законоучительских, с показанием в графе послужного списка причин, по которым они удалены, лишать лучших приходов и подвергать денежной пени»¹.

После передачи училищ из министерства государственных имуществ в ведение министерства внутренних дел функция кадровых назначений перешла к Тобольскому губернатору, который просил разрешения у Тобольской духовной консистории поручить «временное заведование преподаванием Закона Божия учителям и учительницам», но получил отказ². В другом сообщении Тобольского губернатора говорилось, что законоучители Давыдовского училища (Н. Пенский) и Ярославского (Г. Буров) «относятся крайне небрежно к своим обязанностям и не приносят учебному делу никакой пользы»³. Очевидно, что этом основании в 1893 г. волостные правления получили разъяснение, что «жалованье законоучителям должно быть выдаваемо только за учебное время и по мере действительного преподавания 50 коп. за урок»⁴.

Ревизовавший в 1893 г. начальные школы Западно-Сибирского учебного округа директор Череповецкой учительской семинарии статский советник Б. И. Сциборский отмечал, что «из предметов преподавания Закон Божий поставлен слабее других предметов» [4, с. 207]. На этом основании ТДК в очередной раз просила законоучителей «исправиться и относиться к делу законоучительства как делу святому, со всем возможным усердием, чтобы не вызывать горьких нареканий на себя и на все духовенство»⁵.

С 1900 г. учебный контроль от штатного смотрителя был передан новому институту инспекторов народных училищ, отчеты которых также будут выступать важным источником в нашем исследовании. Например, на основании декабрьского 1900 г. отношения инспектора народных училищ 2-го района Тобольская духовная консистория сделала предписание священнику с. Половинного Я. Заборовскому: «Усерднее исполнять возложенные на него законоучительские обязанности чтобы снова не подвергнуться нареканиям за нерадение»⁶. На имя инспектора поступали жалобы от учителей и учительниц. Например, из ноябрьского 1908 г. рапорта учительницы Камышевского МВД училища Васильевой следовало, что: «За-

кон Божий преподает она, а жалованье за это не получает»; в рапорте 1909 г. учителя Казаркинского МВД училища Мирошниченко было отмечено: «По Закону Божию занимается он, жалованье получает священник»⁷.

В апреле 1910 г. инспектор народных училищ после посещения Макушинского МВД училища отметил: «По Закону Божию в первой и второй группе положительно ничего не знают. Ни одной священной истории, молитвы не понимают, не имеют понятия о Боге, святых и Божьей матери. Священник Виноградов в начале года отказался преподавать Закон Божий, за недостатком времени, о чем была уведомлена Консистория, которая все таки поручила преподавание Закона Божия ему. Законоучитель поручил преподавание старшей учительнице Таисии Шелобановой, окончившей курс в Епархиальном училище, а та своей помощнице Агнии Муганцевой. Очевидно, все преподавание Закона Божия сводится к получению жалованья Муганцевой»⁸. В январе 1911 г. инспектор писал в Тобольскую духовную консисторию, что учительница Частоозерского училища А. Малышевская «в течение десяти лет преподавала Закон Божий во вверенном ей училище и получала жалованье, а числился законоучителем протоиерей Виноградов, он посещал училище не более 10 раз в год, а два с половиною года совсем не бывал в училище. Только в 1908 г. он дал 30 уроков, за что и получил 30 р. С сентября 1910 протоиерей Виноградов дал 22 урока, и заявил требование о выдаче ему полугодового оклада законоучительского жалованья, в размере 30 р. Согласно программам, законоучитель должен давать по два часовых урока в неделю в каждом отделении, т. е. 8 часов уроков в училище с четырьмя отделениями, каково Частоозерское; в течение полугодия он должен дать около 120 уроков и за них уже получить 30 р. Все уроки, пропущенные законоучителем, даны учительницею»⁹.

Архивные документы позволяют проиллюстрировать и особенности методики преподавания Закона Божия, которые взяты нами из автобиографии учительницы Казаркинского МВД училища А. В. Голубчиковой: «Вызывает одного ученика, второго, третьего, почти полкласса стоят за партами. А поп свирепствует, кричит на детей, обзывает всячески, наказывает "без обеда" — всех. Только ученик начнет рассказывать, поп его обрывает, сбивает глупыми вопросами. Шел урок о всемирном потопе, как спасся Ной. "Ну, Ной спасся <...> в чем? <...> на крыше вашего дома? Не знаешь урока, стой, без обеда останешься, когда вычишь придешь ко мне на дом! <...> Эй ты, рыжий, говори, как спасся Ной? Где? На крыше твоего дома, что ли?" Ученики молчат, терроризированы. "Ну ты, черноглазый, говори! <...>

¹ ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 716.

² ГАКО. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 49.

³ ГАКО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 10. Л. 154.

⁴ ГАКО. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

⁵ ГАКО. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 47. Л. 93.

⁶ ГАКО. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 104.

⁷ ГАКО. Ф. И-173. Оп. 1. Д. 7. Л. 394, 560 об.

⁸ ГАКО. Ф. И-201. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.

⁹ ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 287. Л. 31.

А ты, согливый, вставай, говори! <...> А ты, ко-рявый, учил урок? — говори!"»¹.

Сходные примеры отношения к выполнению функций законоучителей можно найти в других уездах Тобольской губернии. К примеру, в октябрьском рапорте 1903 г. директору народных училищ Тобольской губернии учитель Мало-Атлымского училища Березовского округа Е. Оболтин сообщал: «Законоучитель Попов опять плохо посещает уроки. Я не знаю, что делать, когда он не бывает на уроке Закона Божия, — заниматься мне по его предмету или нет? Он требует чтобы я за ним посылал ученика»². Или, в ноябре 1911 г. инспектор народных училищ 1-го района Е. Соколов сообщил в ТДК, что законоучитель Болчаровского училища Тобольского уезда священник А. Хлынов «не исполняет возложенных на него обязанностей. За истекший учебный год им было пропущено по Закону Божию 98 уроков, в силу чего ученики второго отделения все остались на второй, а иные на третий год в том же отделении»³.

Аналогичные факты можно встретить и в соседней Оренбургской епархии. Так, благочинный Челябинского уезда в феврале 1909 г. сообщал, что консистория «предписывает священникам не уклоняться от преподавания Закона Божия в приходских училищах под опасением штрафа»⁴; в этом же 1909 г. — на имя священника с. Островки: «Не уклоняться от преподавания Закона Божия под опасением ответственности»⁵. В диссертационном исследовании И. В. Зубкова приводятся близкие примеры: в 1903 г. в Данковском уезде Рязанской губернии «учителям приходилось самим преподавать Закон Божий в каждом втором училище», в Крапивенском уезде Тульской губернии — в «большинстве училищ», в Белевском уезде той же губернии — преподавание лежало «главным образом» на учителях и учительницах [5, с. 101].

Особо следует подчеркнуть, что среди священников было много добросовестных преподавателей Закона Божия. Так, по данным директора училищ Тобольской губернии следует, что из 256 законоучителей сельских школ Тобольской губернии «постоянным усердием, успешностью в деле преподавания и вполне аккуратным отношением к своим учительским обязанностям» в 1896—1907 уч. г. отличился 51 священник (в Курганском округе — 10). Отличившиеся законоучителя получили «архипастырское благословение со внесением в формулярные списки» [14, с. 11—12]. Среди таковых, например, законоучитель Глядянского

МВД училища священник Г. Наумов, который в 1898—1899 уч. г. не пропустил «ни одного урока в Глядянской сельской школе»⁶.

Заключение

Таким образом, в преподавании священниками Закона Божия можно выделить следующие особенности. Во-первых, это входило в противоречие с исполнением ими своих прямых обязанностей — духовных треб. Во-вторых, увеличивало для священников количество поездок при условии, что «училище находится в деревне, а не при церкви» [11, с. 24—25]. Препятствием для приезда в училище могли служить климатические условия, плохие дороги, отсутствие подвод и др. Кроме того, причиной пропуска уроков могла быть болезнь священника. К примеру, в декабре 1911 г. учитель Глядянского училища А. Никитин писал инспектору народных училищ 2-го района, что «за болезнью законоучителя, с его согласия и Вашего ведома уроки по Закону Божию даются мною в количестве и объеме, определенных программой для начальных училищ МНП»⁷. В-третьих, низкая оплата труда и ориентация в основном на пастырский долг. С 1878 г. за преподавание Закона Божия выплачивалось 60 р.⁸, а с 1893 г. — 50 коп. за урок. В изданных в 1911 г. «Правилах о выдаче вознаграждения за преподавание Закона Божия в одноклассных сельских начальных училищах Тобольской губ.» вновь подтверждалась сумма — 50 коп. за урок (не менее 120 уроков в год). В-четвертых, можно говорить, что неаккуратное исполнение законоучительских обязанностей было распространенным явлением для многих единиц империи. На этом основании не следует только идеализировать, или только рассматривать в негативном ключе выполнение священниками функции преподавания Закона Божия в начальной школе.

В какой степени уроки Закона Божия способствовали формированию настоящей религиозности — этот вопрос следует считать, на наш взгляд, открытым и дискуссионным. Это можно аргументировать тем, что среди участников многочисленных случаев кощунства и вандализма в отношении церквей и священнослужителей после революционных событий февраля — октября 1917 г. были и изучавшие этот предмет лица. На этом основании любой исторический опыт следует использовать не напрямую, а лишь как повторяющуюся тенденцию.

1. Алметева И. В. Законоучители земских училищ Марийского края во второй половине

¹ ГАОПДКО (Государственный архив общественно-политической документации Курганской области). Ф. 5857. Оп. 1. Д. 54. Л. 12.

² ГАТ (Государственный архив Тобольска). Ф. 483. Оп. 1. Д. 67.

³ ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 287. Л. 165.

⁴ ГАКО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 17. Л. 64.

⁵ ГАКО. Ф. И-39. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.

⁶ ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

⁷ ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

⁸ ГАКО. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 325.

XIX — начале XX вв. // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 4. С. 5—12.

2. Артамонова Л. М. Священники — законоучители начальных школ городов Самарской губернии в середине XIX века // Двадцать первые Иоанновские чтения : материалы науч. конф., посвящ. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. СПб., 2017. С. 43—59.

3. Афанасова Т. М. Школьный законоучитель в XIX — начале XX в.: социальный портрет // Двадцать первые Иоанновские чтения : материалы науч. конф., посвящ. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. СПб., 2017. С. 144—147.

4. Зверев В. А., Зверева К. Е. Начальные сельские училища в округах Западной Сибири конца XIX века (по данным ревизии Б. И. Сциборского) // Сибирский педагогический журнал. 2001. № 1. С. 204—216.

5. Зубков И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. истор. наук. М., 2007. 334 с.

6. Калинина Е. А. Закон Божий в русской школе в первой половине XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4 (59). С. 85—97.

7. Клецова О. В. Роль законоучителя в преподавании азов грамотности для крестьянских детей во второй половине XIX века // «...где дух Господень, там свобода» (2 КОР. 3:17) : материалы XI Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». Задонск, 2016. С. 77—79.

8. Козлов К. В. Организационное обеспечение обучения Закону Божьему в начальной общеобразовательной школе в Центральном Черноземье в конце XIX — начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. Т. 9. № 11. С. 148—154.

9. Комлева Ю. Е. Закон Божий в общеобразовательной политике Российской империи (рубеж XIX — XX вв.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX века : материалы XIII Междунар. науч. конф. : в 2 ч. М., 2014. С. 324—329.

10. Кошина О. В. Законоучитель дореволюционной школы: духовный пастырь или рядовой учитель? // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2017. № 4 (40). С. 63—72.

11. Маляревский Г. Я. О мерах к улучшению дела народного образования в Тобольской губернии. Тобольск, 1899. 135 с.

12. Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Ч. II. Тобольск, 1895. 59 с.

13. Попов М. В., Клименко И. М. Преподавание Закона Божьего в Екатеринбургских общеобразовательных школах в годы революции и гражданской войны на Урале (к столетию декрета Совнаркома РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах») // Педагогическое образование в России. 2018. № 3. С. 5—12.

14. Соколов Е. Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896—97 учебный год. Тобольск, 1898. 35 с.

15. Становская Т. А. Использование исторического опыта российского образования в преподавании модуля «Основы православной культуры» в современной начальной школе // Школа будущего. 2015. № 4. С. 115—122.

16. Становская Т. А. Личность дореволюционного законоучителя // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения : материалы VII Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 203—210.

17. Становская Т. А. Методические проблемы организации уроков Закона Божия в начальных школах дореволюционной России // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 308—312.

18. Становская Т. А. Педагогическое наследие законоучителей Российской школы конца XIX — начала XX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2017. № 47. С. 93—106.

19. Становская Т. А. Православное образование в России: исторический опыт и возможности его использования // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2017. № 27. С. 298—301.

20. Титова Е. Е. Личность законоучителя как важнейший фактор религиозного образования // Шестые Пюхтицкие чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 269—273.

References

1. Almeteva I.V. (2015) *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 5—12 [in Rus].
2. Artamonova L.M. (2017) *Svyashchenniki — zakonouchiteli nachal'nykh shkol gorodov Samarskoi gubernii v seredine XIX veka // Dvadczat' pervye Ioannovskie chteniya*. St. Petersburg, pp. 43—59 [in Rus].
3. Afanasova T.M. (2017) *Shkol'nyi zakonouchitel' v XIX — nachale XX vv.: sotsial'nyi portret // Dvadczat' pervye Ioannovskie chteniya*. St. Petersburg, pp. 144—147 [in Rus].
4. Zverev V.A., Zvereva K.Ye. (2001) *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 204—216 [in Rus].

5. Zubkov I.V. (2007) *Uchitel'skaya intelligenciya Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* Thesis. Moscow, 334 p. [in Rus].

6. Kalinina Ye.A. (2014) *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, no. 4 (59), pp. 85—97 [in Rus].

7. Kleczova O.V. (2016) *Rol' zakonouchitelya v prepodavanii azov gramotnosti dlya krest'yanskikh detei vo vtoroi polovine XIX veka // "...gde dux Gospoden', tam svoboda"* (2 KOR. 3:17), Zadonsk, pp. 77—79 [in Rus].

8. Kozlov K.V. (2009) *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, t. 9, no. 11, pp. 148—154 [in Rus].

9. Komleva Yu.E. (2014) *Zakon Bozhii v obshcheobrazovatel'noi politike Rossiiskoi imperii (rubezh XIX — XX vv.) // Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX veka.* Moscow pp. 324—329 [in Rus].

10. Koshina O. V. (2017) *Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 4 (40), pp. 63—72 [in Rus].

11. Malyarevskij G.Ya. (1899) *O merax k uluchsheniyu dela narodnogo obrazovaniya v Tobol'skoj gubernii.* Tobol'sk, 135 p. [in Rus].

12. Palopezhencev N.I. (1895) *Narodnoe obrazovanie v g. Yalutorovske i Yalutorovskom okruge Tobol'skoj gubernii.* Chast' II. Tobol'sk, 59 p. [in Rus].

13. Popov M.V., Klimenko I.M. (2018) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 3, pp. 5—12 [in Rus].

14. Sokolov Ye.F. (1898) *Polozhenie nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Tobol'skoj gubernii za 1896—97 uchebnyj god.* Tobol'sk, 35 p. [in Rus].

15. Stanovskaya T.A. (2015) *Shkola budushhego*, no. 4, pp. 115—122 [in Rus].

16. Stanovskaya T.A. (2017) *Lichnost' dorevoljucionnogo zakonouchitelya // Fenomen tvorcheskoj lichnosti v kul'ture: Fatyushchenkovskie chteniya.* Moscow, pp. 203—210 [in Rus].

17. Stanovskaya T.A. (2015) *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 25, pp. 308—312 [in Rus].

18. Stanovskaya T.A. (2017) *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psixologiya*, no. 47, pp. 93—106 [in Rus].

19. Stanovskaya T.A. (2017) *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 27, pp. 298—301 [in Rus].

20. Titova Ye.Ye. (2017) *Lichnost' zakonouchitelya kak vazhneishii faktor religioznogo obrazovaniya // Shestyje Pyukhtitskie chteniya.* Moscow, pp. 269—273 [in Rus].

For citing: Neupokoyev I.B. Problems of teaching Law of God in secular primary schools in the middle of the XIX — beginning of the XX centuries (as exemplified by Kurgan district of the Tobolsk province) // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 118—123.

UDC 94(47)

PROBLEMS OF TEACHING LAW OF GOD IN SECULAR PRIMARY SCHOOLS IN THE MIDDLE OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURIES (AS EXEMPLIFIED BY KURGAN DISTRICT OF TOBOLSK PROVINCE)

Igor V. Neupokoyev,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kurgan branch

Associate Professor of the Department Chair of Social and Humanitarian Disciplines,

Cand. Sc. (History),

The Russian Federation,

640022, Kurgan, ulitsa Karla Marksa, 147a.

E-mail: neupokoev.iv@kurg.ranepa.ru

Annotation

The article analyzes the process of the clergy implementing the function of catechists in rural secular schools. The dual attitude of priests to teaching Law of God, a compulsory subject in primary school, both conscientious and indifferent, is emphasized. The author considers the facts of ignoring the duties of a catechist throughout the specified period and describes the reasons for this phenomenon: employment due to the fulfillment of spiritual demands, long distances between schools, poor communication, and lack of material motivation.

Key concepts:

law of God, catechist, priest, rural school, clergy.

Для цитирования: Борисов С. В., Гинзбург Л., Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134.

УДК 101.9

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА «НА РАСПУТЬЕ»: ИТОГИ 15-й МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ (25—29 ИЮНЯ 2018 ГОДА, МЕХИКО, МЕКСИКА)¹

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский
университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Гинзбург Лидия (Ginzburg Lydia),
Еврейский университет Иерусалима
(The Hebrew University of Jerusalem),
аспирант отделения социологии
и антропологии;
Открытый университет Израиля
(The Open University of Israel),
преподаватель.
1 University Road, POB 808, Raanana 4353701.
E-mail: lydia.ginzburg@gmail.com

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский
университет),
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой обзор 15-й Международной конференции по философской практике. В статье дается подробный анализ главных событий конференции, излагается содержание наиболее значимых докладов и дискуссий, раскрывающих нынешнее состояние и перспективы развития направлений, форм и методов философской практики.

Ключевые понятия:
философская практика,
философское консультирование,
философия для детей,
преподавание философии.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758. 2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

15-я Международная конференция по философской практике (ICPP), которая проходила в конце июня 2018 г. в столице Мексики Мехико, относится к числу крупнейших международных форумов. С 1994 г. в этих форумах участвуют признанные лидеры этого движения из многих стран мира (Лу Маринофф, Герд Ахенбах, Ран Лахав, Оскар Бренифье, Ора Грюнгард, Питер Раабе, Уолтер Кохан, Леон де Хаас, Лидия Амир, Хосе Барриентос и многие другие). На конференциях обсуждаются самые разнообразные проблемы, касающиеся способов применения философской практики в разных направлениях, таких как философское консультирование, философия для детей, философские кафе, философия для организаций и т. д. Философская практика отвечает на фундаментальный запрос общества об использовании философского инструментария для анализа и решения актуальных проблем современности. С середины прошлого века основатели этого философского направления утверждали, что философ должен выйти из тиши университетских кабинетов и вести свою работу в тесном контакте с простыми людьми, группами и организациями. За это время появилось много методов, теорий и практических материалов, устанавливающих связь философии с различными прикладными задачами.

Конференция показала, что, несмотря на длительную историю существования этого движения, вопросы о его целях, задачах, методологии, формах институционализации — это все еще предмет оживленных дискуссий. Например, до сих пор остается открытым вопрос о том, кого же можно считать «отцами-основателями» этого движения. Возможно, исходной точкой может служить основополагающий шаг американского философа Рана Лахава и канадского философа Лу Мариноффа, которые в 1994 г. организовали первую международную конференцию по философской практике в Канаде и тем самым превратили философскую практику в международное движение. Возможно, это немецкий философ Герд Ахенбах, который в 1982 г. создал в Германии первую Ассоциацию философов-практиков. Возможно, это американский философ Пол Грим, который примерно в те же годы начал свою философскую практику в США. Однако разнообразные формы философской практики существовали и раньше, например в 1960—1970-е гг. прошлого века во Франции, Голландии, Испании и в странах Латинской Америки появились и функционируют до сих пор разнообразные философские кафе и философские гостиные, открытые для ши-

рокой публики. А может быть, начало этого движения следует датировать 1922 г., когда немецкий философ Леонард Нельсон, усовершенствовав сократический метод, открыл в Германии свою народную Академию. Хотя в этой связи почему бы не считать основателем философской практики самого Сократа, а корни этого движения искать в практиках «духовных упражнений», которые историк философии Пьер Адо считал истинной сутью самой философии. Скорее всего, отсутствие единого представления об исходной точке этого движения может отчасти служить объяснением многочисленных разногласий в его рядах, связанных с очень широким пониманием того, что есть философская практика.

Ясно одно: данное движение сопротивляется всякой формализации, и его участники склонны считать его движением без жесткой иерархии. Практикующие философы рассматривают его как свободное профессиональное сообщество, которое собирается каждые два года в международном масштабе, а в перерывах между этими форумами, не прерывая личные контакты, организует время от времени совместную редакционно-издательскую деятельность, ретриты, философские мастерские, открытые лекции как в оффлайн, так и в онлайн-режиме. Таким образом, ICPP — это ризома, возникающая каждые два года, оставляющая после себя несколько сборников академических статей и книг и дающая «побеги» новым идеям и силы продолжающимся проектам.

Этот портрет ICPP никоим образом не отражает местные национальные или региональные ассоциации, которые в большинстве своем хорошо организованы, действуют согласно своим уставам и принципам в соответствии с общими целями и задачами, или в рамках университетских программ последипломного образования по философской практике, или в рамках деятельности по оказанию консультативной помощи.

Международное сообщество философов-практиков производит совсем другое впечатление. Трудно себе представить форумы специалистов в области того или иного научного знания, например прикладной медицины или прикладной физики, которых объединяла бы лишь некая общая идея, но у которых не было бы единства ни в теории, ни в методологии своей науки, ни общих стандартов, ни единых руководящих правил своей деятельности. Видимо, в этом состоит главная отличительная особенность философских объединений, представители которых больше всего

на свете ценят свою индивидуальную свободу и творчество.

Итак, попытаемся разобраться, что представляет собой это широкое международное движение, в чем суть основных противоречий и разногласий в его рядах, в чем заключается главная миссия ICPP и каково будущее этих международных форумов. Думаем, ответы на эти вопросы станут ясны из контекста главных выступлений и дискуссий, которые проходили на 15-й Международной конференции по философской практике в Мексике.

Речь Герда Ахенбаха

25 июня 2018 г. начало конференции было положено докладом Герда Ахенбаха, в котором докладчик раскрыл свое видение философской практики, обозначив его ответом на следующий ключевой вопрос: что имеет решающее значение для философской практики?

Многие спорят об особенностях сократического метода, отметил Ахенбах, хотя, по сути, никакого метода нет. Просто Сократ ставит перед человеком проблемные вопросы, которые вводят собеседника в состояние фрустрации. По мере развития диалога смыслы вопросов становятся все глубже и глубже. Примером этого является замечательный вопрос Сократа о сути благой жизни. Что это за жизнь? Неужели на этот вопрос возможен окончательный ответ? Конечно, нет. Всякий раз этот вопрос требует все нового и нового обсуждения.

Дискуссиями на разные темы была проникнута вся жизнь Афин, продолжает Ахенбах. На Агоре обсуждались многие вещи, но Сократ обращал внимание только на то, что имело отношение к способностям человека открывать в себе и в мире что-то новое, значимое. Во многих сократических диалогах разговор фокусируется на том, что есть благо. И становится ясно, что это не характеристика конкретного человека, не набор его качеств, а то божественное (трансцендентное), к чему может быть причастен любой человек, если он желает улучшить себя в этом отношении.

Любой вопрос может быть глубоким настолько, говорит Ахенбах, насколько глубоко способен его воспринимать собеседник, насколько глубоко его миропонимание. Как правило, поверхностное понимание порождает лишь поверхностные ответы, в которых воспроизводится набор распространенных культурных стереотипов и речевых клише.

По мнению докладчика, если применить это к философскому консультированию, то легко прийти к утверждению, что там тоже нет какого-то четко выверенного метода, потому что в этом занятии важен не метод, а личность самого философа-консультанта и личность клиента, а также тот уникальный и неповторимый диалог, который состоится между ними. То есть здесь уместен вопрос не «что есть твоя философия?», а «кто есть ты как философ?» Образованные люди, подобно «эзоповой вороне», наряжают себя в чужие мысли, образы, слова. Сократ не стал унижаться перед трибуналом и показал всем философам пример мужества. Чтобы «быть собой», требуется большое мужество.

После выступления Ахенбаха французский философ-практик Оскар Бренифье обратился к нему со следующей репликой: «То, что поразило меня больше всего в вашей речи, это то, что вы цитируете только немецких философов-неокантианцев, для которых вопрос морали занимает центральное место. Однако в такой интерпретации данный вопрос вовсе не интересовал Сократа. Для него была важна только гибкость ума в решении подобных вопросов. Вы можете создать любой образ Сократа, который вам ближе, но это ничего не даст для философской практики, кроме новой проблемы». И, когда председатель пленарного заседания аргентинский философ Дэвид Сумайкер попытался остановить Бренифье, тот сослался на необходимость ведения диалога, а не следования «догматическим интерпретациям». Конфликтную ситуацию удалось разрешить самому докладчику заявлением о том, что у каждого философа «свой Сократ», а он только хотел показать свое видение сократического понимания блага. Тучи рассеялись, и все участники конференции пошли на «философские прогулки» в живописных окрестностях UNAM (Национального автономного университета Мексики).

«Философские прогулки» — это одна из интересных форм философской практики, предложенная мексиканскими коллегами. Наибольший интерес вызвала «философская прогулка» с бразильским философом Уолтером Коханом. Прежде чем участники беседы отправились на прогулку по садам UNAM, Уолтер Кохан попросил каждого задать вопросом Сократа: «Без чего ваша жизнь была бы лишена смысла?» Часовая прогулка прерывалась двумя остановками. Для каждой остановки был свой вопрос. На первой остановке участники группы делились друг с другом своими ответами на первый вопрос. Атмосфера доверительной

беседы создала необходимый мыслительный резонанс. Во время второй остановки Кохан предложил участникам провести рефлексию над своими ответами исходя из ответов других членов группы: изменила ли что-то в моем первоначальном ответе эта прогулка? Видимо, движение, природный ландшафт, доверительный разговор создают в совокупности необходимый настрой на рефлексию. Новый взгляд на привычные мысли, ситуация философского удивления — вот главный результат этого эксперимента.

Панельная дискуссия «Философия для детей: подходы и перспективы»

Конференция длилась пять дней и на ней был представлен широкий спектр вопросов: от образования детей до реабилитации заключенных, от бизнес консультирования до практик духовного роста, от арт-практик до аналитических навыков для ведения диалогов с военнопленными. Действительно, создается впечатление, что область применения философской практики практически безгранична.

Однако одной из главных тем ICSP в Мексике была тема философии для детей, поскольку в странах Латинской Америки данная образовательная программа получила широкое распространение с 1980—1990-х гг. прошлого века. Ниже приведены фрагменты панельной дискуссии, посвященной этой теме, проходившей 26 июня 2018 года.

Вопрос 1: В чем смысл философии для детей?

Уолтер Кохан (Бразилия): Занимаясь философией с детьми, мы получаем возможность исследовать начала процесса мышления.

Феликс Гарсия Морьон (Испания): Философия для детей позволяет нам раскрыть новые смыслы детства, как особого неповторимого периода жизни человека.

Оскар Бренифье (Франция): Развивая мышление, мы воспитываем в себе способность преодолевать страсти и аффекты, и не важно, в каком возрасте это происходит. В этом вопросе для меня нет принципиального различия между детьми и взрослыми.

Евгенио Эчевееррия (Мексика): Методики философии для детей способствуют социальной адаптации ребенка. Актуальным сейчас является разработка эффективных методик взаимодействия и сотрудничества детей и взрослых.

Вопрос 2: Каковы целевые установки философии для детей?

Дэвид Сумайкер (Аргентина): Философия для детей способствует формированию многих практических компетенций. Прежде всего это умение понимать другого человека и контактировать с ним. Кроме того, философия для детей раскрывает творческий потенциал, заложенный в процессе мышления и коммуникации.

Оскар Бренифье (Франция): В философии для детей, как и в педагогике в целом, я вижу противостояние двух базовых установок общения: театра и ритуала. Как правило, многие учителя относятся к своей профессии как к ритуалу. Хотя философская практика — это искусство, а не следование жестким методам: философы заняты «постановками», открывающими для детей новые переживания и новый опыт. Именно этими установками, на мой взгляд, обусловлена специфическая техника философствования с детьми.

Евгенио Эчеверрия (Мексика): В философии для детей важно уметь создавать особую среду общения, в которой для той или иной проблемной ситуации находится рациональное решение. В этом реализуется потенциал философии как средства поэтапного улучшения качества жизни.

Уолтер Кохан (Бразилия): Для меня важна сама ситуация принятия мнения или мировоззрения другого человека, при этом неважно, на какие знания мы опираемся и какие методы используем. Философия для детей — это «мягкая техника» принятия мира. Философия ближе к искусству, чем к строгой науке.

Феликс Гарсия Морьон (Испания): Для меня преподавание философии — это пребывание в особой артистической среде, которая делает каждую встречу с философией неповторимым запоминающимся событием. Именно эстетический опыт открывает новые возможности и новые миры, когда достигается переживание полноты, экстаза.

Вопрос 3: Существует ли все-таки некая методология философии для детей?

Уолтер Кохан (Бразилия): Какого-то единого метода нет, поскольку для общения с каждым человеком нужен особый метод, особый подход. Поэтому главное методологическое требование — сделать наш метод максимально адаптивным к интересам и особенностям конкретного человека.

Евгенио Эчеверрия (Мексика): Я бы говорил не о каком-то методе, а о целой системе методов, средств, техник. Философу нужно уложиться в фиксированные рамки школьного урока, чтобы работа проходила

максимально эффективно и результативно. Поэтому в общеобразовательных школах трудно осуществить по-настоящему творческий подход к предмету.

Уолтер Кохан (Бразилия): Однако дело не в отсутствии возможностей для творчества, а в личностном подходе преподавателя. Именно поэтому философия для детей может быть хорошим школьным предметом в любом детском образовательном учреждении. Главное, чтобы у детей был выбор.

Феликс Гарсия Морьон (Испания): Я бы подчеркнул важность диалогичной фирмы работы. Любой монолог авторитарен. В диалоге же открывается пространство свободы, умение не только говорить, но и слушать. Образование не работает по принципу «банковского вклада» (П. Фрейре), оно является школой свободы, и за это надо бороться.

Оскар Бренифье (Франция): На мой взгляд, основу школьных методологий составляют два взаимно переплетающихся принципа: релятивизм и догматизм. Релятивизм создает отношения, подобные отношениям давно разлюбивших друг друга супругов, которые продолжают жить вместе: они не слышат друг друга и каждый делает то, что хочет. Догматизм ратует за единственно верный путь, «отступники» от которого считаются еретиками. Преподавание философии — это нечто иное. Оно предполагает интеллектуальную открытость, смелость, страсть.

Дэвид Сумайкер (Аргентина): На мой взгляд, методология философии для детей — это, как у Витгенштейна, прояснение смыслов слов, смысла языка через его употребление. Нужно увидеть и понять неразрывную связь языка с жизнью, показать сам язык как «форму жизни».

Вопрос 4: Какова роль учебных пособий в философии для детей?

Феликс Гарсия Морьон (Испания): Важно, чтобы эти пособия учили философствованию, запускали этот процесс.

Уолтер Кохан (Бразилия): Содержание этих пособий может быть самое разное. Главное — они должны быть адаптированными для детского возраста, близкими к проблемам повседневной жизни детей.

Дэвид Сумайкер (Аргентина): Помимо известных пособий М. Липмана, можно использовать любой адаптированный материал из истории философии. Причем этот материал можно применять не только на уроках философии, но и на уроках по другим школьным дисциплинам.

Оскар Бренифье (Франция): Я считаю, что книги существуют для того, чтобы их писа-

ли, читали и сжигали, чтобы избавиться от идолопоклонства.

(Повисает недоуменная пауза...)

Евгению Эчеверрия (Мексика): Я считаю, что в школьной программе вообще не должно быть никаких «уроков философии». Философствование нужно встраивать в содержание обычных школьных предметов. Поэтому многие учебники философии для школы не выполняют свою главную роль — не способствуют развитию мышления, поскольку дают готовые ответы. Я советую в образовательном процессе использовать интернет-платформы, которые создадут необходимую среду для общения.

Во многом идеи, высказанные на этой панельной дискуссии, перекликались с идеями, прозвучавшими на круглых столах, посвященных интеграции философской практики и университетского образования. Например, в докладе мексиканского философа Патрисии Херрера, посвященном преподаванию философских курсов в университетах Мексики, был показан опыт работы по интеграции философской практики в образовательный процесс университетов, что привело к росту популярности философских курсов. Данная интеграция осуществлялась путем включения в программу университетского курса материалов «Философии для детей» М. Липмана и О. Бренифье.

Речь Рана Лахава

В сентябре 2017 г. в философской практике появилось новое направление получившее название «глубинной философии» (“Deep Philosophy Group”). Представители данного направления предложили участникам конференции свои мастер-классы в форме созерцательных сессий по методике американского философа Рана Лахава.

27 июня 2018 г. Ран Лахав и члены его группы выступили с пленарным докладом. Миссия философской практики состоит в том, отметил Лахав, чтобы глубокие философские идеи воспроизводились вновь и вновь в индивидуальном опыте любого человека. Для этого мы организуем группы, в ходе работы которых появляется эта возможность. Работая в «режиме симфонии», члены группы достигают глубины понимания философских идей как опыта «исполнения» их собственных мыслей.

Лахав подчеркнул, что для философской практики важно не потерять связь с богатой философской традицией. Важно приобщиться к этому источнику глубоких идей. Наследие этой традиции не нужно подвергать

анализу или классифицировать. Нужно принять его таким, какое оно есть. Например, есть наследие Платона. Для философской практики важно, что Платон в состоянии дать лично нам в плане нашего собственного самопознания. Мы не должны штудировать Платона как студенты университета, мы должны почувствовать и попытаться интерпретировать тот отклик, какой эти идеи вызывают у нас применительно к нашей повседневной жизни. Однако здесь важно понимать, что сами по себе частные или бытовые проблемы повседневной жизни не должны быть в центре внимания философской практики. Эти проблемы — предмет психологов и психотерапевтов, и они прекрасно работают с этим с помощью своих методик. Философская практика дает возможность каждому из нас хотя бы на время прервать автоматизмы своей повседневной жизни, пробудиться от сна обыденности для чего-то более глубокого и значительного.

Лахав отметил, что история философии знает множество способов философствования. Из всего этого многообразия мы можем выбрать то, что нам ближе. Особым образом построенное общение предполагает, что все многообразие этих подходов можно рассматривать как разные партии в единой «симфонии» идей. Многие известные философы полагали, что предназначением философии является существенное изменение образа жизни. Ключевыми словами в их концепциях были глубина, расширение жизни, возвышение, трансформация. Все, что касается осознания этого, — это поэтапный, длительный процесс.

В заключение своего выступления Лахав предложил участникам его группы «глубинной философии» охарактеризовать этапы этого процесса.

Регина Пеннер (Россия) рассказала об особенностях организации и проведения групповой работы. Каждая встреча начинается с упражнения на сосредоточение, благодаря которому участникам становится легче работать с философским текстом и проникаться его смыслами. После данного упражнения ведущий предлагает начать знакомство с текстом при помощи других упражнений: чтение-интерпретация (чтение отдельных предложений и их пояснения); чтение-повторение (повторение одного предложения всеми участниками сессии); «драгоценное говорение» (обдумывание и произнесение одного или нескольких ключевых понятий, передающих смысл прочитанного). Заключительные упражнения могут быть самыми разными: от составления

«карты идей» до написания коллективной поэмы. Сессия заканчивается рефлексией по поводу состоявшейся беседы.

Леон де Хаас (Голландия) обратил внимание на следующие важные аспекты философствования в группе: непосредственный контакт с текстом философского произведения, коммуникация внутри группы и аутентичность каждого участника диалога. Каждый член группы всецело вовлечен в личностное осмысление философской проблемы. Очень важно внимание к деталям разговора, которые касаются проблемной ситуации, философским идеям, заложенным в тексте, мыслям собеседников. Необходимый настрой создает медитация перед началом диалога. В разговоре члены группы не используют абстрактных понятий, они пытаются говорить от первого лица, целиком и полностью исходя из опыта своего личностного переживания и осмысления философской проблемы. Медленное чтение вслух фрагментов текста создает необходимое созерцательное отношение и сближает членов группы.

Кирилл Резвушкин (Россия) говорил о совместной вовлеченности, которая открывает возможность для глубинной трансформации членов группы. Совместная вовлеченность способствует более глубокому пониманию текста и идей других людей. Это достигается посредством процедуры «драгоценного говорения», суть которой — краткое и емкое изложение собственных мыслей без излишних отвлечений и риторических оборотов.

Микеле Зесе (Италия) дал интерпретацию понятия «глубина». Мир повседневности формирует у человека многочисленные привычки, связанные с автоматизмом воспроизведения одних и тех же мыслей и образцов поведения. В этих условиях редкими и особо ценными становятся моменты аутентичности, понимания глубинных оснований своего существования. Хотя понятие «глубина» является метафорой, тем не менее, оно хорошо передает общее чувство участников диалога. Только благодаря этому состоянию могут возникнуть какие-либо философские идеи, а также может быть обретен новый опыт осмысления собственной жизни.

В заключение Ран Лахав предложил всем желающим присоединиться к работе группы.

Вопросы и комментарии:

Лидия Амир (Израиль): Я бы хотела обратить внимание на два момента философского консультирования: глубинный трансформирующий момент и работа с

проблемами повседневности. Мне кажется, что игнорировать проблемы повседневной жизни неправомерно. Философская практика издавна работает с этими проблемами, например, в философии стоицизма. Задача философской практики — осуществить переход от проблем повседневной жизни к глубинным философским проблемам. Почему для вас более важным является только созерцательный аспект философской практики, а не работа с проблемами повседневности?

Ран Лахав (США): Я считаю, что помощь в решении проблем повседневной жизни — это прерогатива психологов. Я уважаю психологию и ее методы. Мы не хотим покушаться на «чужую территорию» и бесконечно спорить о том, что в этих проблемах относится к философии, а что к психологии. Поэтому больше внимания в своей практике мы уделяем созерцательному аспекту.

Вопрос из зала: Во многом все, что вы говорите, согласуется со взглядами на философию Пьера Адо. Опираетесь ли вы в своей философской практике на религиозную традицию?

Ран Лахав (США): Мы прежде всего продолжатели философской традиции. Мы можем касаться вопросов религии, однако не в узком контексте той или иной религиозной традиции.

Леон де Хаас (Голландия): Религиозный аспект — это дело совести каждого из нас. Мы не религиозное объединение. Например, если Микеле Зесе как член нашей группы медитирует по утрам, это его личное дело. Если и мы в своей групповой работе используем элементы медитативных практик, это вовсе не означает, что мы исповедуем буддизм.

Оскар Бренифье (Франция): Судя по вашей риторике и используемым понятиям, я прихожу к выводу, что вы являетесь сторонниками мистической философской традиции, опирающейся на озарение, интуицию. Однако это не главный путь философии, которая в своей основе рациональна. В вашей философской практике я не вижу собственно философских процедур, таких как диалог, аналитика, дискуссия. Почему вы это игнорируете? Я не узнаю у вас философии...

Леон де Хаас (Голландия): Зато я узнаю вас, Оскар, благодаря вашему вопросу, но я не буду его комментировать. Я прошу вас просто «узнать» в нашей позиции философию.

Вопрос из зала: Как возможна совместная мысль или совместное чувство, если это всегда индивидуальные процессы?

Ран Лахав (США): Мы осуществляем совместное исследование, постижение истины. Мы не отстранены друг от друга, только и всего. Мы выстраиваем процесс философствования не «лицом к лицу», а «плечом к плечу».

Вопрос из зала: Как вы думаете, можно ли назвать философией религиозную веру или политическую идеологию?

Ран Лахав (США): Религиозная вера и политическая идеология — это не предмет философии. Если мы говорим о стремлении к единению, то это совсем не то, что принято называть единством в вере или единством в политическом действии.

Виктория Черненко (Россия): Как вы выстраиваете работу с текстом, если не комментируете и не обсуждаете его содержание?

Ран Лахав (США): Мы пытаемся проникнуться тестом, глубже понять его. Для этого мы создаем «карту идей» автора. Вы правы, мы не дискутируем друг с другом. Для нас важно понять, как выстраивается наша совместная деятельность, мы не затеваем споры по поводу интерпретаций философского произведения.

**Панельная дискуссия
«Философское
консультирование:
подходы и перспективы»**

Конференция дала понять, что представленные методики философской практики можно разбить на несколько групп: к самой многочисленной группе можно отнести различные виды философского консультирования (индивидуального и группового), затем следуют методики анализа, логики и риторики, и третья группа — методики самотрансформации. Именно две последние группы оказались наиболее заметными на конференции. Они дали самое большое количество мастер-классов и их лидеры участвовали в каждой панельной дискуссии. Аналитические навыки, способствующие развитию мышления, и созерцательная практика, способствующая духовному росту, представляли собой «рубежи» постоянных споров и взаимной критики. Данное противостояние и соперничество несколько диссонировало с дружественной средой, которую удалось создать организаторам и волонтерам СЕСАРФИ (Центра образовательных и творческих инициатив философской практики).

Принципиальное расхождение позиций касалось самого определения философской

практики, а также ее целей. Одни участники призывали использовать ее для помощи людям в решении личных проблем (психические травмы или семейные проблемы), другие рассматривали философскую практику как средство решения социальных проблем (например, социального отчуждения или насилия). Некоторые утверждали обратное, что философская практика вообще не является способом решения личных или социальных проблем, а представляет собой индивидуальный путь духовного роста. Однако здесь наметились новые расхождения, поскольку кто-то под духовным ростом подразумевал развитие мыслительных навыков и аргументации, а кто-то — развитие созерцательных практик.

Ниже поведены фрагменты панельной дискуссии, состоявшейся 28 июня 2018 г., которые дают представление о многообразии представлений о путях и перспективах философской практики.

Вопрос 1: Что означает для вас философская практика?

Герд Ахенбах (Германия): Главное — это уникальный опыт общения. Это непрерывающийся эксперимент. Это касается прежде всего отношения к действительности. Главным является экзистенциальный аспект философской практики. Ее основное отличие от академической философии состоит в том, что философская практика — это не какая-то застывшая система, это динамичная работа с незнанием в аспекте экзистенциальных проблем.

Леон де Хаас (Голландия): Для меня ключевой и всегда актуальной фигурой философской практики является Сократ. Сейчас в новом социальном контексте это особенно значимо; важно отношение философа к социально-политическим вопросам. Какую философскую позицию занять: позицию радикального скептицизма или умеренного рационализма? Необходимо переводить сократические вопрошание на уровень политической дискуссии. Боюсь, что философская практика превращается в один из способов достижения личного благополучия в сфере услуг. Говорю это как житель Западной Европы.

Оскар Бренифье (Франция): Философская практика — это способность разоблачать предрассудки современного мира и следовать «пути Дао».

Ран Лахав (США): Важно понять, кто есть философ. История философии дает нам примеры множества дискурсов. Для меня философская практика дает возможность быть вовлеченным в философию теми путями,

которые оказывают наибольшее влияние на мою жизнь.

Лу Маринофф (Канада): Философ — это человек, который задает вопросы. Вокруг нас множество людей, которые вовлечены в непрестанную деятельность, но которые совсем не задумываются о смысле своих действий. Для меня философская практика — это сумма философских идей, которые помогают людям в самопознании и открывают перспективы в решении их жизненных проблем.

Вопрос 2: Что является самым существенным в философском консультировании?

Леон де Хаас (Голландия): Для меня важно понять основания опыта консультируемого.

Оскар Бренифье (Франция): Постараюсь дать ответ на этот вопрос посредством притчи о Хадже Насреддине: «Ахмет, сосед Насреддина, хочет взять на время его осла. Он приходит к Насреддину домой и просит одолжить осла, потому что ему нужно выполнить важную и тяжелую работу. “Моего осла сейчас нет дома”, — отвечает обеспокоенный Насреддин. Но во время разговора Ахмет слышит ослиный рев на заднем дворе: “И-а! И-а!” Ахмет злится: “Что ты за друг такой, раз утверждаешь, что твоего осла нет, когда на самом деле он здесь — в твоём саду! Я только что слышал его!” Насреддин отвечает: “А ты?! Что ты за друг, если охотнее веришь моему ослу, чем мне!”»

(Смех в зале, затем повисает недоуменная пауза...)

Ран Лахав (США): Для меня важны намерения людей. Прежде чем давать консультации и рекламировать философскую практику, нам самим нужно научиться вести философский образ жизни.

Лу Маринофф (Канада): Философское консультирование может реализовываться в различных форматах: индивидуальная или групповая работа (сократический диалог), философия для детей, работа со служащими или пострадавшими. Главное — понимать, что мы работаем с людьми, а не с биологическими машинами. Для нас всегда важен неповторимый опыт человека, его уникальное человеческое состояние.

Герд Ахенбах (Германия): Для философа-практика человек всегда субъект, а не объект. Отношения выстраиваются по принципу «Я — Ты», а не «Я — оно» (М. Бубер).

Вопрос 3: Что вы думаете о диалоге между разными направлениями философской практики?

Леон де Хаас (Голландия): Стоит заметить, что желаемый диалог между разными

направлениями философской практики не складывается. Особенно это касается тех, кто прошел определенную университетскую программу подготовки, обучаясь на философа-консультанта. Я считаю, что диалог может возникнуть применительно к той или иной конкретной ситуации, когда могут пригодиться различные подходы.

Оскар Бренифье (Франция): По этому поводу приведу еще одну притчу о Хадже Насреддине: «Один знаменитый профессор завидовал Насреддину, имевшему репутацию мудреца. Решил бросить вызов Хадже и доказать, что он гораздо умнее, профессор отправляет ему письмо и предлагает ответить на сорок очень сложных вопросов. Хаджа, получив письмо, внимательно читает вопросы один за другим, всякий раз записывая ответ: “Я не знаю”. Его жена Лейла, женщина практичная, наблюдая за тем, как муж повторяет одно и то же, говорит ему: “Раз уж ты не можешь ответить ни на один из вопросов, почему бы тебе просто не написать один раз “Я не знаю” в конце списка вместо того, чтобы делать это много раз”. В ответ Насреддин восклицает: “О неблагодарная женщина! Разве ты не видишь, сколько усилий потратил этот бедный человек, пытаясь поделиться своим знанием со мной. Самое малое, что я могу сделать — проявить вежливость и поделиться с ним своим незнанием». Мы тоже можем делиться друг с другом свои незнанием.

Ран Лахав (США): Думаю, Леон, вы были правы, когда сказали, что диалог у нас не складывается. Также вы правы в том, что некоторых людей совсем не интересуют другие направления философской практики, которые отличаются от тех, что им привычнее. Иногда даже возникает впечатление, что то, что делают некоторые люди — это какой-то «балаган», но никак не философская практика. Да, у нее широкий диапазон, но она не включает в себя все, что угодно. Нас должно объединять бережное отношение к философскому наследию. Тогда мы можем просто брать фрагмент философского текста и организовывать на его основе плодотворный диалог.

Лу Маринофф (Канада): Мы все как бы играем одну музыкальную пьесу, но исполняем ее по-разному. Эта неповторимая манера исполнения позволяет говорить о разных видах философской практики. На этой основе возможен диалог, но если речь идет не о средствах (манере исполнения), а о цели (достижении гармонии).

Вопрос 4: Что вы думаете об институционализации философской практики?

Герд Ахенбах (Германия): Нужно помнить, что сообщество философов — это всегда «профсоюз индивидуалистов» (Т. Адорно), которые больше всего ценят свою свободу.

Леон де Хаас (Голландия): Мне не совсем понятно, в чем смысл этих сообществ. Например, в Германии философским консультированием, как правило, занимаются университетские профессора. В других регионах мира — ситуация иная. В таком случае вопрос о том, что есть философ-практик как профессионал, остается открытым.

Ран Лахав (США): Существует два типа философов-практиков: 1) узкий круг специалистов, для которых философская практика подобна психотерапевтической услуге; 2) широкое движение, представители которого работают с разной публикой, зачастую посредством преподавания университетских курсов философии. В настоящее время появилась целая «индустрия» курсов критического мышления. Но данная «философия» является порождением существующей социальной системы, поэтому она просто обслуживает эту систему.

Лу Маринофф (Канада): Все мы действуем в рамках того или иного национального сообщества, поэтому мы должны либо приспособляться к системе, либо бороться с ней. Конечно, мы должны уважать нормы тех организаций, в которых работаем. Именно поэтому, Ран, развитие критического мышления необходимо. Подумайте о тех служащих, которые не способны построить последовательную аргументацию. Конечно, у них необходимо формировать аналитические способности. Да, мы — философы-практики — не имеем единого мнения, но у нас есть общие обязательства.

Вопросы публики:

1) Нет ли опасности в том, что если в философской практике нет согласия, то не будет согласия и в представлениях о человеке?

Герд Ахенбах (Германия): Идеиные конфликты между различными философскими системами — это нормальное явление, характеризующее всю историю философии. В этом ее главная отличительная особенность в сравнении, например, с наукой.

Оскар Бренифье (Франция): Конечно, опасность есть. Но было бы еще опаснее, еще страшнее, если бы все мы исповедовали только одну «единственно верную» доктрину, с которой все бы были согласны.

2) Можно ли философскую практику рассматривать как разновидность помогающих практик, например, в отношении лиц, ставших жертвами насилия?

Лу Маринофф (Канада): Ответ на этот вопрос будет ясен только на примере какого-то конкретного случая.

Оскар Бренифье (Франция): Предлагаю вам конкретный случай. Иногда ко мне на консультацию приходят супружеские пары. Часто я слышу от них жалобы на латентную или открытую агрессию по отношению друг к другу. Я советую сублимировать акты агрессии в философское противостояние. Конечно, это сложно практиковать в масштабах социума, но принцип таков.

Ран Лахав (США): Философы видят корни социальных проблем, но их деятельность не состоит в том, чтобы разрабатывать программы их решения. Конечно, в своей работе мы можем использовать данные социальных наук, но всегда необходимо оставаться в философском контексте их рассмотрения. Хотя я считаю, что каждый философ должен знать азы психологии и физиологии, чтобы понимать те специальные области, которые могут граничить с той или иной философской проблемой.

3) Как работать с фобиями?

Лу Маринофф (Канада): Поскольку фобия иррациональна, для освобождения от нее нет собственно философских средств. Фобии лечат психологи, психиатры или психотерапевты, например, используя гипноз; и это весьма эффективно. Хотя у меня в моей практике были клиенты с фобиями, ничего, кроме эмпатии, я им предложить не мог. Работа с фобиями — это не предмет философии, это предмет психологии.

Оскар Бренифье (Франция): Фобия — это не философская проблема. Возможно, следует разобраться со своей фобией с помощью самоанализа.

Ран Лахав (США): Не думаю, что все так просто, потому что фобия — это не просто страх, это глубокое психологическое расстройство. Фобия закрепляется на психофизиологическом уровне, фобиям подвержены даже животные. Чем здесь может помочь философия? Не представляю...

Леон де Хаас (Голландия): В моей практике были подобные случаи. Смеем утверждать, что философское консультирование может оказать помощь без использования психотерапевтических методов.

Герд Ахенбах (Германия): У каждого клиента могут быть свои психологические и психофизические особенности, но нам не нужно углубляться в эти специальные вопросы, мы можем лишь систематизировать эти данные и использовать их в философском ключе. Недавно я консультировал клиента, от которого отказались многие психотерапевты.

Однако мы должны понимать, что мы не занимаемся лечением «психической болезни», мы пытаемся оказать клиенту посильную помощь философскими методами.

Речь Лу Мариноффа

Канадский философ Лу Маринофф известен как наиболее успешный популяризатор идей философской практики. Его книга «Платон, не прозак!» стала мировым бестселлером и переведена на многие языки мира. В своей заключительной речи, состоявшейся 29 июня 2018 г., Маринофф попытался показать открытость философской практики для новых идей, дающих возможность синтеза западной и восточной философских традиций.

Что же такое философская практика сегодня? — задается вопросом Маринофф. Лучше понять что-либо нам помогают предельные рассмотрение того или иного явления или действия. На основе этих «крайностей», пределов мы можем проводить сравнение. Я попытаюсь посмотреть на философскую практику Запада с позиции философии Востока. Предел — это также грань между мыслью и действием (*vita contemplativa & vita activa*). Например, если мы желаем достичь эвдемонии, мы не только размышляем об этом, но и практикуем в этом, как в гимнастике или танцах. Другой пример: Что такое благо? В чем смысл этого вопроса? Или мы хотим понять, что есть некое благо, ценное само по себе, к которому нужно стремиться, или мы хотим разобраться, хорошо или плохо мы живем и тем самым способны ли изменить себя? В зависимости от понимания граней этого вопроса будут зависеть наши действия: или мы начнем употреблять антидепрессанты, или попытаемся разобраться в себе.

Синтезируя философские практики Запада и Востока, продолжает Маринофф, мы получаем прекрасное «лоскутное одеяло» идей и методик. Вот их главные характеристики: мир в своей основе неизменен; все проявления мира изменчивы, потому человек как одно из этих проявлений всегда неудовлетворен; неизменное бытие мира открывается через внутреннюю пустоту, открытость. Например, наше привычное восприятие движения (изменчивости) есть не более чем «прокрутка» неизменных фрагментов реальности с определенной частотой. Внутренняя пустота «прерывает» движение, она также способствует освобождению от любой формы зависимости от этой изменчивости.

Как далеко мы пойдем по этому пути, зависит только от нас.

Я думаю, приходит к экстравагантному заключению Маринофф, что философы-практики — это в некотором смысле буддисты. Ведь и в истории западной философии мы находим немало примеров подобного взгляда на мир. Например, Эпиктет, Кант в вопросах морали занимали позицию очень близкую к буддизму. Философская практика также призвана *пробудить* человека. Человек должен почувствовать себя «на грани», «на лезвии бритвы», «мостом над пропастью». В этом смысле философская практика может дать толчок развитию личности в новом направлении. Философская практика призвана помочь личности удержаться на этом мосту и не упасть в пропасть.

Вопрос из зала: И все-таки, что такое благо?

Лу Маринофф: Я не знаю. Это всякий раз то, что мы пытаемся прояснить в диалоге с клиентом.

Вопрос из зала: Правильно ли я понял, что философ-практик должен быть буддистом?

Лу Маринофф: Да, для меня это так. А чтобы узнать, так ли это для других философов, вам лучше спросить у каждого, сидящего в этом зале.

Вопрос из зала: Как вы относитесь к йоге? Можно ли йогу рассматривать как одну из форм философской практики?

Лу Маринофф: Думаю, отождествлять философскую практику и практику йоги было бы неправильно. Однако если практика йоги будет служить нам для прояснения смысла философских понятий, почему бы нет?

Вопрос из зала: Как философу-консультанту выстраивать работу с религиозными людьми?

Лу Маринофф: Понимаете, философское консультирование — это длительный и поэтапный процесс. В отличие от религиозных или квазирелигиозных сект, она не обещает клиенту быстрого радикального решения всех его проблем.

Вопрос из зала: Каковы для вас главные этические принципы философской практики?

Лу Маринофф: Для меня это отношение к человеку, пришедшему на консультацию. Это не просто клиент, это дорогой гость, который должен стать близким другом. В процессе философской практики клиент и консультант переживают совместный уникальный опыт общения.

Вместо заключения

Пожалуй, самым главным достижением российской делегации на данной конференции было то, что в качестве страны, которая в 2020 г. будет принимать очередную международную конференцию по философской практике, выбрана Россия. Россия впервые удостоена такой чести. Городом проведения конференции станет Москва. Форум пройдет на базе Московского института психоанализа и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — эти площадки презентовала наша коллега из столицы Виктория Черненко. Содержательная часть программы будет разрабатываться совместно российскими и зарубежными коллегами, а координацию работы по подготовке форума будет осуществлять «челябинская группа», инициировавшая создание в 2017 г. Российской ассоциации философов-практиков. Это большая честь, большое доверие и большая ответственность. Но мы полны решимости и, учитывая опыт пятнадцати предыдущих конференций, готовы предложить участникам будущей конференции новые формы работы для генерирования новых плодотворных идей.

For citing: Borisov S.V., Ginzburg L., Penner R.V. Philosophical practice “at a moment of decision”: XV International conference on philosophical practice follow-up (25—29 June, 2018, Mexico City, Mexico) // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 124—134.

UDC 101.9

**PHILOSOPHICAL PRACTICE
“AT A MOMENT
OF DECISION”:
THE XV INTERNATIONAL
CONFERENCE
ON PHILOSOPHICAL
PRACTICE FOLLOW-UP
(25—29 JUNE, 2018,
MEXICO CITY, MEXICO)**

Sergey V. Borisov,
South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Lydia Ginzburg,
The Hebrew University of Jerusalem,
Post-graduate Student of the Department
of Sociology and Anthropology,
The Open University of Israel,
University Teacher.
1 University Road, POB 808, Raanana 4353701.
E-mail: lydia.ginzburg@gmail.com

Regina V. Penner,
South Ural State University
(National Research University),
Associate professor, Cand.Sc. (Philosophy),
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospekt Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Annotation
The article presents the review of the XV International Conference on philosophical practice. The article gives a detailed analysis of the main events of the conference, recites the most important reports and discussions, revealing the present state and prospects of developing trends, forms and methods of philosophical practice.

Key concepts:
philosophical practice,
philosophical counseling,
philosophy for children,
teaching philosophy.

Для цитирования: Борисов С. В. О философском молчании... (запись беседы Герда Ахенбаха с участниками 15-й международной конференции по философской практике) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 135—139.

УДК 128 + 141.3 + 159.9.01

О ФИЛОСОФСКОМ МОЛЧАНИИ... (ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕРДА АХЕНБАХА С УЧАСТНИКАМИ 15-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ)¹

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательски
университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой краткое изложение основных идей немецкого философа Герда Ахенбаха, записанных автором на его занятиях, которые проходили с 22 по 24 июня 2018 г. в рамках 15-й Международной конференции по философской практике в Мехико (Мексика). Ахенбах рассказывает об особенностях философского консультирования, о методах и формах его проведения на примере работы с одним из своих клиентов.

Ключевые понятия:
философская практика,
философское консультирование,
экзистенциальная психотерапия,
помогающие практики.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758. 2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Немецкого философа Герда Ахенбаха считают основателем движения философской практики. Он признанный авторитет в области философского консультирования, автор множества статей и книг, посвященных различным аспектам философской практики. Ахенбах — основатель «Международного общества философской практики» (IGPP), член Научно-консультативного совета «Общества изучения и поощрения прикладной философии», руководитель магистерской программы по направлению «философ-консультант» Венского университета (Австрия).

С 22 по 24 июня 2018 г. Герд Ахенбах проводил занятия в качестве приглашенного лектора с участниками 15-й международной конференции по философской практике в Мексике. Данная статья представляет собой краткое изложение основных идей Ахенбаха, высказанных в ходе занятий.

Герд Ахенбах ведет беседу, комментируя один случай из его консультационной практики. Он рассказывает об одном молодом человеке, который пережил попытку суицида. Согласно законодательству Германии, ему в обязательном порядке должна быть оказана психологическая помощь, поэтому этот молодой человек направляется к нескольким психотерапевтам. Консультации психотерапевтов не принесли желаемого результата. В итоге он появился на приеме у Ахенбаха. Как выяснилось впоследствии, только философская терапия оказала ему действительно серьезную помощь. Это был весьма талантливый молодой человек. На тот момент — поклонник радикальной философии Макса Штирнера, и когда Ахенбах предложил ему познакомиться с работами других философов, молодой человек понял, что он не одинок в своих взглядах и в них нет ничего странного. «Это способствовало взаимопониманию, — рассказывает Ахенбах, — мы обсуждали книгу за книгой. Так постепенно этот юноша, думая о своем неудавшемся самоубийстве, познакомился с целой философской библиотекой». Когда этот клиент пришел на консультацию к Ахенбаху, ему было 16. Общение длилось более трех лет. Ныне он доцент философии, философское консультирование дало ему неплохую теоретическую подготовку для будущей профессии. «Однако все это проявилось со временем, а в самом начале перед нами стояла очень серьезная и, казалось, неразрешимая проблема», — вспоминает Ахенбах.

Самой трудной в философском консультировании является первая встреча. Нужно научиться формулировать «правильные»

вопросы, которые и определяют характер дальнейшей беседы. Именно специфика вопросов отличает философское консультирование от психотерапии. Причем это не каузальные «почему-вопросы», а вопросы целевые, ценностные: «во имя чего», «для чего». Именно такая постановка вопросов может направить на понимание жизненных смыслов. Например, вспоминая конференцию психотерапевтов в Литве, куда Ахенбах был приглашен в качестве лектора, он рассказывает, как его поразило выступление одного весьма амбициозного психотерапевта и его прагматичный подход к делу. «Для психолога главное — дать четкое определение проблеме клиента, — говорит Ахенбах. — Однако это очень узкое понимание терапии. Важны не ответы психолога, а вопросы, исходящие от клиента и консультанта. Важен диалог, чтобы был выработан совместный путь анализа проблемы. На этом пути философ-консультант и клиент равноправны».

Возвращаясь к истории с юношей, Ахенбах отмечает, что молодой человек был из интеллигентной семьи преподавателей, занимавшихся этим ремеслом не одно поколение. Все они для юноши были непререкаемыми авторитетами. Однако в семье не было душевной теплоты, каждый жил изолированно, родители практически не общались ни с сыном, ни друг с другом. В школе у него тоже не было никакого душевного контакта ни с учителями, ни со сверстниками. Главным увлечением юноши было только чтение и игра на фортепиано. За время своей молодой уединенной жизни он изучил много языков и даже читал книги на языке оригинала. «Конечно, ему было, что рассказать о себе, — отмечает Ахенбах, — но ни дома, ни в школе его никто не слушал. Поэтому он решил молчать. Молчание стало привычным состоянием его жизни и его основным отношением к ней».

Ахенбах обращается к протоколу консультаций. «Ведя протокол, — поясняет он, — важно быть внимательным к любой мелочи, чтобы не пропустить ни одного поворота беседы, каждый момент может оказаться ключевым. Если сначала говорить, а потом записывать, можно потерять с клиентом контакт. Поэтому с годами я натренировал навык вести протокол беседы и при этом не отрывая взгляда от клиента. Каждая консультация для меня — это учеба. Я учусь понимать, о чем думает клиент».

Итак, юношу зовут Франц. Ахенбах подчеркивает, что с самой первой минуты общения с Францем для него было боль-

шим испытанием, но делом чрезвычайной важности, установить с ним контакт, преодолеть конфронтацию. Было важно завоевать уважение и расположение Франца. Первое время Ахенбах говорит с ним о его взаимоотношениях с матерью. «Мы иногда целыми днями не говорим друг другу ни слова», — был ответ. Ахенбах пытается прояснить отношение Франца к другим людям. «Он демонизирует людей, — делает вывод Ахенбах, — считает, что все они больны. Его совсем не интересует повседневная жизнь и пустые разговоры, он живет в мире глубоких мыслей, почерпнутых из философской литературы. Однако делиться своими мыслями с кем-либо — большое испытание для него». В ходе консультации становится ясно, что Франц преодолел свою настороженность по отношению к Ахенбаху и пытается понять мотивы его интереса к нему. Когда разговор зашел о музыке, Франц признался, что его всегда завораживала и восхищала музыка Прокофьева. Ахенбах не разделяет его восхищения, но, понимая важность этого ключевого момента беседы, переводит разговор на более понятную и близкую для него литературную тему и интуитивно находит аналогию между этой сложной музыкой и романом Томаса Манна «Доктор Фаустус». Данный тактический ход принес плоды. Оказалось, что этот роман стал любимой книгой Франца. Роман имеет интересную сложную композицию. Ахенбаху удалось почувствовать глубокую связь этого романа с музыкой, которая увлекала Франца. Как для романа, так и для этой музыки характерны резкие перепады, контрасты, переходы от высокого к низкому. Кульминацией этих произведений являются внезапные моменты полной тишины, резкого прерывания звучания или повествования. В контексте ситуации Франца полное молчание — это оппозиция тому аду, в котором он существовал. Однако намек Ахенбаха на это сначала не был воспринят Францем. «Пока мне нечего на это сказать», — был ответ.

Франца всецело захватило чтение романа Манна. Он перестал ходить в школу. Через некоторое время мать Франца забила тревогу, но когда она попыталась выяснить, что думают о ее сыне в школе, то была поражена, так как все учителя в один голос заявили, что у юноши явные «проблемы с головой». После чтения романа Франц первым пошел на контакт с Ахенбахом. «Он позвонил мне, — вспоминает Ахенбах, — и произнес всего лишь одну фразу: “Я думал о том, что вы сказали мне, господин Ахен-

бах, и это изменило мой взгляд на мир”». Что же это было? Возможно, угнетенный и растерянный человек, каким был Франц, перестал чувствовать себя угнетенным и растерянным?

Все вокруг были против упорного молчания Франца. Они думали и говорили об этом все, что угодно, но никто не чувствовал отношение самого Франца к своему молчанию. Никто и не принимал Франца таким, каков он есть. Учителя в школе не давали ему право на молчание, но все, что он говорил, объявляли заумью или сумасшествием. «Даже мне, его консультанту, — отмечает Ахенбах, — не сразу, а лишь со временем удалось понять, что значило для него это молчание».

Молчание давало Францу возможность концентрироваться на своих мыслях. На последующих сессиях между Ахенбахом и Францем шел разговор о том, как научиться смотреть на мир глазами другого человека. «Важно не то, что ты делаешь, а то, что ты думаешь об этом, каковы твои намерения, — поясняет Ахенбах. — Для философской практики также важно не делать что-то для человека, а понять и принять его. Если в “Тезисах о Фейербахе” Маркс писал, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его, то в отношении философской практики все как раз наоборот. Важно не изменить мир клиента, а научиться понимать его мир. Принимать клиента таким, каков он есть, выстраивать с ним конструктивное общение».

Психология успешно решает проблемы адаптации, она сфокусирована на этом. «Фокус — это центр, — отмечает Ахенбах. — Для психологии важен центр, а не периферия. Любая проблема подлечит такой центровке. Для философии не важна проблема сама по себе и почему она возникла. Для философии важен ее смысл». Ахенбах ссылается на Х. Арндт, которая предлагает уйти в глубину жизни и работать с этой глубиной. Для нее интересно не движение наружу (от настоящего момента к смерти), а движение вглубь (от настоящего момента к рождению). В таком контексте это совсем не проблема адаптации, это более глубокая проблема жизненных смыслов. Например, поясняет Ахенбах, Франц полагал, что он «убийца» матери, поскольку его увлекало то, что не принимала его мать. Настаивая на своем, он «убивал» свою мать. Мы можем также вспомнить А. Шопенгауэра, поведение и даже философию которого можно также интерпретировать через фиксацию на

символическом «убийстве» матери. Но что это дает для философской практики? Мысль о том, что «жизнь жива потому, что уничтожает другую жизнь», весьма банальна. Фокусировка на проблеме — это предмет психологии, для философской практики необходим другой путь.

Ахенбах рассказывает о важности состояний инсайта, которые могут быть достигнуты в ходе консультирования. Инсайт может быть как позитивным, так и негативным. Негативный инсайт, поясняет Ахенбах, как материал для философской практики является отражением борьбы индивида с внешним миром. Ахенбах ссылается на концепции инсайта, связанные с исследованием головного мозга и его функций. Есть инсайты, которые способны изменить привычные мыслительные схемы. Например, есть простые и привычные мысли о том, что добрые люди должны быть добры, а злые — злы. Однако только в контексте инсайта мы в состоянии нарушить эту банальную схему и прийти к пониманию, что не все злые люди злы, а добрые добры. Для этого в сознании должна произойти своего рода мировоззренческая революция.

Ахенбах возвращается к истории с Францем. Во время своего молчаливого уединения Франц наверняка пережил множество инсайтов. На очередной консультации Ахенбах пытается подтолкнуть его к новому инсайту следующим заявлением: «Если тебя не будут понимать люди, то, возможно, ты перестанешь понимать самого себя».

В молчании самом по себе нет ничего необычного. Однако смыслы этого молчания, согласно Ахенбаху, могут быть разными: или ты просто молчишь, или ты «хранишь молчание». Так в чем же корни этого желания «хранить молчание»? «Пребывая в сосредоточенном молчании, — отмечает Ахенбах, — человек наиболее продуктивно мыслит и чувствует. Это состояние может длиться, как длится музыка, которую не хочется прерывать. Поэтому проблема не в установлении причины молчания и не в способах его прерывания. Проблема в том, как поделиться этим бесценным опытом».

Молчание открывало для Франца новые перспективы мышления, однако он не мог рассуждать об этом. Ахенбах предложил ему поэкспериментировать, взяв за основу рассказа о себе сюжеты из художественных произведений, отождествляя себя с их персонажами, говоря о себе в третьем лице, чтобы понять, что значит смотреть на себя со стороны. Использовался роман Германа Мелвилла «Моби Дик». «Представь,

что герой романа (капитан Ахав) — это ты и пусть он говорит о том, что происходит в его молчании». Благодаря этому эксперименту Франц начал лучше осознавать себя, он получил возможность объяснять свое душевное состояние, проецируя его на мысли и поступки героя романа. Это все равно что смотреть художественный фильм, отождествлять себя с его героем, делать все, что делает он, только при этом производить рефлексию над его состоянием, мыслями, поступками», — рассказывает Ахенбах.

Еще один прием. Ахенбах говорит Францу о том, что есть люди, которые откладывают какие-то важные мысли или решения на потом, например, на завтра. Однако они не забывают об этом. Во время ночного безмолвия и покоя мысль становится более глубокой, а решение более взвешенным. Ночь как водный поток, струящийся по камням. Ахенбах отмечает, что это скрытое движение мысли всегда присутствует у Франца, оно помогает ему определиться со своими поступками. Однако чем дольше Франц хранит молчание, тем сильнее блокируется его речь, так как в молчании происходят гораздо более значительные вещи, чем те, которые можно выразить словами. Это как в прекрасных сонатах Шуберта, когда всего лишь один мимолетный, но проникновенный звук может оказать сказочное влияние на все произведение и оставить в памяти глубокий след.

Ахенбах продолжает свой рассказ. По сути, молчание Франца длилось несколько лет. И вот теперь он чувствовал себя майским жуком, который расправил крылья и вот-вот готов взлететь. Франц испытывает вполне понятные опасения, ведь то, что он может сказать, будет совсем не похоже на то, что обычно говорят другие. Ирония в том, что то, что для него понятно и очевидно, он не может сделать таким же понятным и очевидным для других. Например, он с восхищением говорит об очень сложном философском трактате Шеллинга, который он позаимствовал из библиотеки своего деда. Франц очарован этой книгой, он читает ее предложение за предложением и чувствует, что это пишет не Шеллинг, а это его собственные слова и мысли, созревшие в его молчании.

Начиная с самой первой встречи Ахенбах сразу обратил внимание на скованность движений Франца. Впоследствии Ахенбах научился понимать этот своеобразный «язык» его тела. «По мере того, как усиливалась скованность его движений и поз, — отмечает Ахенбах, — я делал вывод, что в

эти моменты он говорит о чем-то очень важном. Франц называл себя эмигрантом, который ничего не понимает в этом мире. Действительно, это «непонимание» отражало его тело, жесты, мимика (растерянная улыбка). Нельзя было понять, то ли он говорит о чем-то в шутку, то ли всерьез. Зачастую его тело говорило одно, а речь — совсем другое».

Ахенбах рассказывает еще об одном приеме, который он использует в философском консультировании — это анализ сюжета детских сказок. Например, сказка о принцессе, уколочейся веретеном и погрузившейся в волшебный сон вместе со всеми, кто был с ней во дворце. «И вот является принц, — говорит Ахенбах, — (это Франц), и у него две альтернативы: 1) вмешаться в ситуацию или 2) отставить все как есть, бродить по заколдованному замку, разглядывать все вокруг и хранить молчание. Стоит ли вообще преобразовывать свои мысли в действие? Но и для принцессы (это я) есть тоже две альтернативы: 1) пробудиться от поцелуя принца (воспринимать клиента всерьез, понимать его мир) или 2) продолжать ожидать кого-то другого (игнорируя клиента или вмешиваясь в его мир с целью корректировки). Предпринимать что-либо или ничего не предпринимать? Эта проблема рано или поздно всегда возникает в ходе консультирования». Возьмем другую сказку — «Красавица и чудовище». Если Франц — заколдованный принц в облике монстра, то 1) поцелуй принцессы (понимающего Другого, Ахенбаха) развеет злые чары, однако 2) это подчеркивает зависимость принца (Франца) от мнения других людей, которые видят в нем только монстра и заставляют его верить в это.

Ахенбах считает, что анализ жизненной истории (как сюжета) очень важен для консультирования. Он важен как для консультанта, так и для клиента. Например, Томас Манн, работая над романом «Иосиф и его братья», прежде чем понять, чем же должен закончиться роман, сделал подробный анализ написанного, и тогда ему стал ясен финал. То же самое можно отнести к процессу консультирования. Например, Франц вспоминает о том, как трудно ему было вначале овладеть игрой на фортепиано. Его движения были скованны, как у робота. Но потом появилась спонтанность, и закрепощенность ушла. Ахенбах стал говорить с Францем о спонтанности, предложил подобрать для описания этого состояния нужные слова. Ахенбах отмечает: «Франц много думает о словах других людей, но он не имеет о них собственного мнения, потому что считает людей глупыми. Он не может состыковать

ясность и понимание слов и мыслей со спонтанностью действий. Франц не может говорить о словах других людей, потому что процесс говорения лишает его этой спонтанности (творческого душевного настроения). Он не может высказывать критические замечания в адрес других людей, потому что видит в этом проявление собственного тщеславия». Этот поворот разговора дал повод поговорить о тщеславии. Ахенбах отметил, что, согласно Гегелю, данное понятие имеет два смысла: 1) чрезмерная гордость или 2) склонность к украшательству. Францу понравилась эта дефиниция, поскольку он сам был подвержен этой склонности (это было видно по стилю его одежды, по ее подчеркнутой аккуратности и чистоте). Ахенбах замечает, что в этом и особенность философской практики — «понимать не Гегеля, а себя посредством Гегеля».

Ахенбах вспоминает, что на последней сессии Франц поделился скептическим инсайтом: «Если мы что-либо теряем, то каким образом осознаем эту потерю? Вдруг это что-то важное для нас, но, может быть, окажется, что это совсем не важно. Можно сомневаться в этом, но никогда не нужно заботиться о том, что потерял». У Франца все мысли были о высоком и значительном, что требовало глубоких раздумий. Поэтому на вопросы людей ему просто не было времени давать ответы, все время поглощали его мысли. Во-первых, ему не нравилось само напряжение, вызываемое ситуацией, когда нужно давать ответ. Во-вторых, его останавливала сложность ответа. Вопросы вторгались в его жизненное пространство и требовали изменения привычного стиля жизни. Решение этой проблемы Франц нашел в одной из книг Кьеркегора, где автор проводит различие между стремлением к истине и хранением истины в себе. Франц был впечатлен тем, что он сам как субъект, «хранитель истины» может иметь такое высокое значение. Потеря прежнего состояния молчания уже не страшила его, поскольку он уже не чувствовал, что вместе с этим состоянием он теряет себя.

Так через потерю себя прежнего мы обретаем себя настоящего.

For citing: Borisov S.V.

On philosophical silence...
(transcript of the conversation of Gerd B. Achenbach with the participants of the XV International conference on philosophical practice) // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 135—139.

UDC 128 + 141.3 + 159.9.01

ON PHILOSOPHICAL SILENCE... (TRANSCRIPT OF THE CONVERSATION OF GERD B. ACHENBACH WITH THE PARTICIPANTS OF THE XV INTERNATIONAL CONFERENCE ON PHILOSOPHICAL PRACTICE)

Sergey V. Borisov,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Annotation

The article presents the summary of fundamental concepts of the German philosopher Gerd B. Achenbach, recorded by the author at his lectures which took place 22-24 June, 2018 in the framework of the XV International conference on philosophical practice in Mexico City (Mexico). Achenbach tells about peculiarities of philosophical counseling, about methods and forms of its realization as exemplified by the work with one of his clients.

Key concepts:

philosophical practice,
philosophical counseling,
existential psychotherapy,
ministrant practices.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast'» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru